

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ 6+

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<i>В. Ульянова. Олан туй. Интервью</i>	4
ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	

<i>Ф. Конев. Зыряне. Роман. Продолжение</i>	14
<i>О. Баженова. От. 1 акта пьесы</i>	84
<i>О. Хмара. Струочки судьбы. Стихи</i>	92
<i>В. Кушманов. «Мам нюмъётіс мен турёб пырыс...» Кывбуръяс</i>	99
<i>С. Каньоли. «Я хочу знать мир во всём его многообразии...» Интервью</i>	110
<i>С. Каньоли. Стена. Перевод Л. Кабанцевой</i>	114

ШТУДИИ

<i>В. Латышева. М.Н. Лебедев — один из зачинателей литературы коми</i>	128
<i>Г. Беляев. Одна пренеприятнейшая история, или Почему в 1900 году Михаил Лебедев оставил службу, но более серьёзно занялся литературным трудом</i>	135
<i>С. Каньоли. М.Н. Лебедев и политическая сатира в современном мире. Перевод М. Фединой</i>	145

АРТ-ФАКТ

<i>С. Левандовский. Вглядываясь в загадочный мир...</i>	154
---	-----

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ. ПИСЬМА

<i>А. Ванеева. «Ме парма пи. Ме войыв мулён петас...»</i>	184
<i>Нам пишут. Новости</i>	187

Приложение к журналу:
Юрий Лисовский «Постижение». Графика

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республиканска литература, публицистика,
история, культурология да художественой журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 14.02.14. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 759. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа Журавлёва Д.В. (г. Великий Новгород). «Осенний вечер на Сухоне». 2006. Х., м.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найос оз мөддө. Редакция оз век во ѿти кывйö авторъяскöд.

Точка зрения

Валентина Ульянова

Валентина Николаевна Ульянова чужис 1933-öд воын Коми Республикаын Удора районса Важгорт сиктын. Помаліс Сыктывкарса педагогической училище, педагогической институт. Велёдіс Важгорт школын роч кыв да литература, уна во уджаліс завучён. Сиктын нүöдіс ыджыд общественной удж. Веськёдліс ветеранъяслён котырён.

Уна вояс бур уджысь Валентина Николаевналы септёма Кому АССР-са заслуженной велёдьссь, Удора района почеттной гражданин, Кому Республикаса почеттной ветеран ним, «Уджывысса ветеран» медаль.

Олан туй

— Валентина Николаевна, Ти быдминныд Удора района Важгорт сиктын. Пединститут помалём бёрын бёр локтінныд чужанінö. И нэм тані уджаланныйд, оланыйд. Кыдзи Тіяны овсъо миян муса Важгортаным? Күтшом рүён олёт талунъя сиктыс?

— Да, ме чужи и быдми Важгорт сиктын. Менам став вужйё татысь: поль-пöч, бать-мам, чой-вок. Найё нэм чёж олісны и уджалісны Пёгёстын (тадзи шулісны Важгорт сиктөс важён). Помалі медводз педучилище, сэсся пединститут да локті уджавны бёр аслам чужан сиктö. Ме эг вермы мунны мёдлаоб: тані съёлёмой, лолой, юыс, вör-ваыс, меным тані ставыс тёдса, дона — сиктыс, йойыс. Трудёвой книжкаын öти гижёд: «Примитома уджавны Важгортса школаоб велёдьссыон».

Нэм чёж олі, уджалі аслам чужан сиктын, сеті став вын-эбёсөс, сямёс да тёдёмлунёс сиктойлы, челядьлы, йёзлы. Сиктса велёдьссь нүöдö быдсяма общественной удж: сийё и лектор, и агитируйтесь, и артист, и общественной удж нүöдьссь.

Нэм чёж эг вермы мунны аслам сиктысь некытчö, кёть и вölі уна позяналун. Педучилище помалём бёрын корлісны уджавны республикаса газетö редакторён, пединститут бёрын корлісны кольччыны сэтчö, велёдны, тшотш велёдчыны аспирантураын, да и жёникъяс коравлісны, но, гашкö, ёна йойталі, мый эг мун гортысь. Помкаыс сыын, мый меным помтöг вölіны жальбось мам да чой, да и сиктыс. Да и горт кодь нö кёні бур эм? Меным чужанінöй медся муса, сэні олі нэмёс, велёді школын комын куим во, да и öні на век школаоб ветлывла, нүöдлывла мужество урокъяс, сёрнитлывла праздникъяс дырыйи челядь водзын.

Важён, казтыла да, лыддывлі клубын лекцияяс. Трибуна вылын сотчö карасина кык лампа, а йозыс — клуб тырыс. Сiйö кадас йозыслён сöмын клуббö и вöлi петавлыны гаж — кино да лекция. Öнi öd мёддэжык лои олёмыс, йозыс вежисны. Важён вöлiны быттьö небыдджык сьёлёмаöсъ йозыс, водзмёстчысъдже көсъ, öта-мёдискёд ёртасисны. Öнi йозыс ёнджаха мёвпалёны ас дём-двöр йавысыныс, ётдортчöны общественнöй олёмсыыс, озджык думайтны асланыс сиктйылысь, медым кыдзкö мичмёдны олёмсö сэнi.

— Важгорт сиктным сулалö By дорын. Юыс, сиктнымöс кытшалысъ вöрыс пыр ышöдöны лов, бурмёдöны сьёлём. Юыслён, вавыслён виньис шемёсмёдö, позьö шуны — став олёмным йитчöма юыскöд. А мый Тiян олёмын юыс?

— Вашка ю (а любöыс ми шуам By) — сiйö менам медся мича, медся югыд, медся сöстöм, медся радейтана ю. Воа перевözдорö, юрсиктись либо юркарьись локта кор, города, кыдзи коркö шулывлiс и менам вок: «Здравствуй, дом родной!», юыс нин — «дом родной». Вашка ю — миян медтöдчанатор, вердись-удысь. Вашка юыс кö эз вöв, и олёмыс эз вöв. Велöдчигöн на, кор волывлiм гортö подöн, слöймывлiс кывтны пыжён Йортымдiнсянь. Кывтан да сöмын нимкодясян юнас, берегъяснас. А кутшöм мича Вуыс Выльвидз берегсян! А кутшöм дöрёднö вуса чериыс! Кор ньöба чери, пыр юала, кытись: юыс али тыысъ.

Важён Вуыс и вöлi туйён, мед позис вайёдны Важгортö груз. Вайёдлiсны тулыснас ыджыд ва дырии Лешуконскойс чай-сакар, шыдöс-пизы, кымын пароход паныдавлiм берег дорын, став сиктис петö видзöдны пароходсö.

By выйтi кылöдлiсны пуръяс. Уна жö вöр мунiс ю кузя! Война кадö уна том йöз кывтiсны пурйöн, уна сьöкыдлун пыкисны. Юыс вöлi зэв ыджыд отсöгöн, но вöлi и сэтшöмтор, мый вайлiс ыджыд шог. Война кадö, кор и сiдз вöлi сьöкыд йозыслы сьёлём выланыс, вежис визувсö, да вавыс мёдöдчис веськыда сиктöдис, пондiс бужгöдны берегсö, и лои разыны уна керка, казтылöны, кöкъямис рад керка по нюöма сэки юыс. Мый ыджда сиктным вöлöма! Ме на помнитышта сiйö керкаяссö. А 1956-öд вося тулысö бара ассыыс сямсö петкöдлiс юыс. Ме нүöдi роч кывыйис консультация, дасьтысим экзаменъяс кежлö. Лои став класснаным мунны разыны берег дорысъ керка, сэтшöм öдйö вавыс бужгöдис берегсö. Сэсся кутiм зумыдмёдны берегсö. Öнi Вуыс визувтö важ воргатыс, но косьмыны пондiс важ сертиф.

Быдторыйис овлö, но Вашка век кольö миянлы радейтана юён. Ме весиг лёсöйдi татшöм шусьбогъяс:

*Кöнкö танi тöня,
Вуыс визувтö лöня.*

*A сэнi то кось —
Кöть кинад мынлясö босыт.*

— Кодi Тiянöс чуйдöдис лоны велöдysсыён? Мыйла Ti бöриинныд асланыд велöдан предметён «роч кыв да литература»?

— Ичöтысянъ кöсий лоны велöдysсыён. Велöдysсыён — и ставыс, мёд уджйылысь эг мёвпавлы. Кор велалi гижны, пыр ворслывлi школалысь, дёска пыдди

Медвөддзазысъ конъкиён. 1952-од во.

вёлі пу крёвательён юрлос пёйыс. Быдмышті, да пондісны сьёлём вылёр воны кывбуръяс. Дерт, ыджыд пай пунктісны и роч велёдысьяс. 5-өд классын велёдіс миянös Москваыс Лариса Александровна. Зэв мичаа сёрнитіс рочён. Ме завидыпрысь виздöді сы вылёр. 7-өд классын роч кывсö велёдіс Дмитрий Дмитриевич Гомзяков, ми сылы сдайтім экзамен.

Педучилищеын куті пыдісянъ радейтны роч литература, сылысъ шыладсö, кывбуръяссö. А пестіс тайё радейтöмсö менам сьёлёмын роч литература велёдысь Анна Алексеевна Полякова, заслуженой велёдысь. Мыйта сочинение ме сэки гижи, öд став текстсö коло вёлі кутны юрын, книгаö видзöдлыны эз позь. Сочинениеясысъ да диктантъясысъ менам век вёлі «5». Анна Алексеевнаöс да сылысъ урокъяссö пыр на помнита. Тайё велёдысысылён образыс

да роч литератураыс йиджисны сьёлёмам нэм кежлö. Том морт олёмын, кор сий бöрйö аслыс олан туй, удж, ыджыд тöдчанлуныс, дерт жö, велёдысылён.

Институтö пыри велёдчыны экзаменъястöг, сы вöсна мый педучилищесö помалі гöрд дипломён. Бöрий роч кыв да литература факультет.

— Күтшöм мёвпъясöн Тi локтiнныд велёдны школаö?

— Зэв ёна радлі, кор менö ыстісны велёдны аслам рöдной школаö. Ме кöсий велёдны именнö гортын, öдва виччыси медводдза урокъяссö, мед öдйöджык пырны сий бöлжысас, кöні ачым пукавлі, весиг помнита быд классысъ ассым местаöс. Зэв ёна кöсий сетны челядьлы ассым сьёлёмös, тöдёмлунös, велёдны найös сёрнитны рочён, велёдны лыддышыны да гöгöрвоны кывбуръяс, сетны унатор гижиысъясъ яйлысь, велёдны гижны сочинениеяс. Ме вёлі быттьö бордъя, сэтшöм кыпсыдён кылл ачымös. Первой урок нуöді 8-өд классын, а классас вёлі 38 морт.

— Тиょқыда казытывла Тiянлысъ урокъяс, Тi литература геройас яйлысь күжинныд висъставны сидзи, быттьö найö — Тiянлы зэв бур тöдсаяс, но öд найö нэм кежлö и миянлы лоины матыссаöн, и пыр миян вежбрын олдны налён образъясыс. И нöшта, Тi век вайинныд урок вылёр аскöдныд радлун. Кöні сий юкмёсис, кытысъ Тi гумлалинныд радлунсö?

— Век мёвпалі сы яйлысь, мед велёдчысысъ менам урок вылын пукаліс да кывзіс ыджыд кöсиймён, радлунён, интересён, мед сылон кыптіс ловкылёмыс, мед пондіс радейтны геройсö. Гижысысъ литературной геройсö босытö олёмсыс. Велёдчысысъ оз кö радейт геройсö, оз вермы гижны сы яйлысь, оз пукты ассысъ местаö.

Литературной геройыс меным быттьö медматысса морт, кодлысь ме велёдча овны, мёвпавны и век кöсий, медым геройыс вörзьёдіс и челядьлысь сьёлёмсö, мед ловзис быдмысъ мортлон лов пытшкёсас быд струна, мед кутіс радейтны геройсö сид жö, кыдзи ме радейта, мед том морт кöсийис лоны геройыс кодь, лои ыджыд сьёлёмма, кыпыйд мёвпъяса, югыд кöсиймъяса бур, колана мортён. Ме

нэмös корся литература геройяслён лов пытшкысъ вын, велöдча и велöдча Павка Корчагинлысъ, сідзкё, и Николай Островскийлысъ, венны сьöкыдлунъяс, ёд сылы вöлі ёна сьöкыдджык: сiёй лои синтём, коктём, а вöчис подвиг, эз мёвшав сöмын ас йывсыс, а асьсö ставнас сетiс Чужанiны, ѹозлы.

— Мыйён Тiянöс чуймёдö коми литература? Бурмёдö-ö сьёлём онiя коми гижёд? Мый вильсö, Тiян серти, пыртö литературао коми гижысь?

— Ёна радейта и коми литература. Пыдiсянь ме сiйöс велöдi педучилищеын, нёль во чёж. Коми классикатö лыддим, сьёлём пытшкё пырисны Кураготовлон, Лебедевлон, Савинлон кывбуръясыс, Юхнин ёна кажитчö. А мыта енбиа, тölка коми гижысь Удораын! Öти классын мекöд велöдчысъ Альберт Ванеевлон мирöвой слава. Серафим Поповкё аддзысыльвл i унаысь: волiс сiйö Важгорт школаö и карын паныдаасыльвл i аддзысыльмъяс дырии. Сылысь поэмасö радейта. Интересноя гижё Владимир Тимин. Но ме ёна лыддя удораса гижысьясоs: сьёлём вылö воb Алексей Вурдов аслас шмоньён. Öти здукон лыддя Галина Бутыревалысъ да Лена Афанасьевалысъ любой гижёд. Гашкё, нöшта сы понда, мый найö менам вöвлöм велöдчысьяс, кодъяс век менам сьёлём пытшкын.

ОНiя коми гижысьяс гижёны интересноя, бур сюросыс гижёдъясын, лоёмторъяссö бура восьтöны, озырмёдёны гижёдсö сёрнисикасъясысъ босьтöм кывъясон.

— Эм-ö йитöд асланыд велöдчысьяскöд?

— Аслам велöдчысьяскöд пыр кута йитöд, ог вермы мунны бокитi и не кывлысыны, аддза кö найöс аслам сиктысъ. А Важгортын зэв уна менам вöвлöм велöдчысъ (*танi Валентина Николаевна лыддьёдлö унаöс, дерт, сикт джын-ийис сылён велöдчысъ да — Е.А.*). Кодъясöскö аддзывл Усогорскысъ и Косланысъ. Ёна радла, кор паныдаасыны меным Катя Коваленко да Надя Лосева больничайын (найö медсестраясан уджалёны сэнi), Лина Худякова — библиотекайын либö коми книгалы сиём праздник вылын, Ангелина Фёдорова — ЗАГС-ын.

Гожёмнас Пятница Параскева праздник вылö воласны Кёджё, асланыс чужанiнö, унаён: Альберт Терюков, Валя Владимирова, Дина Остапова, Нина Парфентьевна, Зарема Яковлева. Ёна и сёрнитлам. А кёджсаяскöд пыр аддзысылам.

Уна во письмёасяям Валя Раевскаякёд, кодi олö онi Урал дорын. Вояс сайын Валя аслас верёскöд волiс ме ордö гösütitны, вайисны гösünеч — ма (верёсыс мазияс вöдитö). Налён семьяныс босьтöма обласьтас «Самая читающая семья» конкурсын медвöддза места.

Кор воласны Важгортö, пыр ме ордö пыраласны Лена Ванеева, Саша Иевлев, Валя Шапина, Люда Киселёва да мукöд. Ћертася Клавдия да Александр Сивковъяскöд. Кыкнанныс енбиа велöдчысьяс. Регыд миян єртасьёмлы тырё квайтымын во.

— Школаын Ti нүöдiнныд кружок «Эстетика», кёнi висьтавлiнныд сэтшöм гижысьяс ийалысъ, кодъяс эз пырны велöдан уджстасö, ми нин тöдiм школа помалiгöн Цветаеваöс, Ахматоваöс, Высоцкийöс, восьтiм асланым и уна художникöс. Онiя том ийалысъ юавла: кодi сэтшöм Кукрыниксыыс, да шойёвошёны. А ми на ийалысъ тöдiм нин 8-öд классын. Литературной рытъяс

кутшом кыпуда мунісны! И нёшта ми ветлывлім сёрнитны радиостудияö, дзоляник жырыö вёлі пырам да микрофонö лыддялам кывбуръяс либö асланым сочинениеысь юкёнъяс, висъставлам гижысысь яылысь. Ti дыр кад чёж дасыттінныд да нүоддінныд радиожурналсö. Мый яылысь сёмын эз кыптыв сёрниыс сэн... И чайта, кызвіс сійös быд семья. Сэні висъталісны и бура велöдчысысь яылысь, дивитісны двоечникъясöс, нимöдісны бур уджалысысьясöс, сэтись ми тёдмавлім сиктын вежссöмъяс, мытшöдъяс яылысь. А кодлон вёлі мёвпыс лёсöдны радиожурналсö?

— Да, гижёдсö велöдігөн век вёлі пырта урокö и художникъясылыс серпасъяс. Казялі, мый челядь омоля тёдёны художникъясöс. Мен окота лои пасъкёдны челядьлыссь тёдёмлунсö, а урок дырии он вевъяв ставсö, та вылö колö кад. Вот и чужис тайö кружокыс. Но тёдмасим эг сёмын серпасъясöн, но и гижёдъясöн. Тёдтöм нимъяс восытім, тёдмалім сійö гижысысьясö, кодъяс эз пырны уджатасö. Помнита, некод на эз кывлы Высоцкий яылысь, а ме судзöді сылысь пластинкасö. Пырысътом-пыр нүоді Высоцкий яылысь занятие, и кызвім сылысь гёллöссö. Унатор нүоді кружок вылын. А помнитанныд Пушкинлы, Чеховлы сиём литература рытъяссö? Чеховлы сиём рытын ме ачым вöччылі «Дама с собачкой» висътысь героиняö. Мися, сцена вылö петкёда игрушечной понпиös, а зонъяс пыртöмäөс кычилииö, а сійö оз водзö мун, а пыр косö бöрö. Ёна и сералім.

«Важгортлон гёллöс» радиожурнал — сійö торъя лист бок менам общественой уджын. Лёсöдны татшом радиопередачасö мёвпыс вёлі менам, и 1973-öд восьянь сійös нүоді вель дыр. Окота вёлі петны сиктö, бать-мам дінö. Кызвісны Вашка кузя быд сиктын. Висъталісны, лавкаын по нывбабаяс шуёны: «Мёда öдйöджык гортö мuna, оні лоö радиопередача». Уна тема лои вёрзьёдома тайö уджатасас. Бать-мам кызвісны асланыс челядь яылысь, и челядь сёрнитлывлісны радио пыр, лыддывлісны кывбуръяс. Корлывлі и «Эстетика» кружокö пырысъясöс. Республикаса конкурсын радиожурналным вёлі призёрон, а Коми книгалы сиём праздник дырии Важгортын сійös казытылісны да нимтісны легендайон.

— *Казытыла да, миян велöдchan воясö школаса учитель вёлі ёна водзмёстчö: Борис Иванович Петров котыртліс походъяс — велöдысъкёд öтув челядь туялісны чужанінлысЬ история — тадзикён и чукёрмис музейным; лёсöдам вёлі литературной газета, литературной рытъяс, дасытам концертъяс, петалам и мукöд сиктö, выступайтам да с.в. Коли-ö тайö миян школалын традициян и нүодсö оз тайö став уджыс оні? Неважён мунис олёмсыс Борис Иванович Петров. Ti дыр кад чёж уджалінныд сыкёд öти школалын, висъталыштöй сы яылысь.*

— Да, ми уна удж нүодім челядькёд школалын. Чукортлім поим и макулатура, нүодлім концертъяс, сиктъясö петалім выступайтны, походъясö ветлöдлім. Дерт, челядь оні оз петкёдлыны концертъяс, сёмын öткымынён выступайтлоны клубён котыртём öтувъя концертъясын. Петкёдчоны челядь ёндыхасö школалын, праздникъяс дырии.

Борис Ивановичкёд ми туим-быдмим öтлаын, первой классянь. Война кадö 9–10 арёссянъ уджалім колхозын, агасасим, кыскалім силос, öтлаын пырим пионерö, комсомолö и дас нёль арёсайон мёддочим велöдчыны карö. Мунім Удораса

мусюрсө подён, мышканым ташка¹, а сэні кос кус², вый туис да картупеля шаньгаяс. Ми эг думайтлой, мый помалам институт да кутам нэм чёж велёдны рёднй школын.

Борис Ивановичлён волі омоль дзоньвидзалауныс, но сійё ставсö веніс, нүодіс үдкыд краеведческой удж, походъяс котырліс, чукортіс уна экспонат да лостводіс Удораын первой музей, сійё лои народнйон. Ми Борис Ивановичс шуим удораса Корчагинён. (*Уна туй талис Борис Иванович миян школаса велёдчысъяскöд, ветлісны Вашка кузя быд сикт-грездö, Мозын вылö, Кörткерös, Емдін районъясö, Мудьюг дi вылö, Москваd (генерал Калинин ордö), Кенигсбергö (онi Калининград) Соровлы да Худяковлы гу вылас — Е.А.*) Сентябр 7-өд лунё таво, 2013-өд воын, сылы эськө тырис 80 арёс. Сылён нимыс и үдкыс кутас нэм чёж овны миян сиктса йозлён сьёлёмын. Оні миян школын Борис Иванович кодь энтузиастыс абу, сыйон паном традицияясыс кусісны. Оломыс ёна вежис. Школа оні үджало мёд туйвизь кузя: бизнес-планъяс да мукодпёлөс задание.

— Валентина Николаевна, *Ti дыр юрнуодінныд ветеранъяслён котырён. Зэв үдкыд пай пуктінныд үджа. Нуодоны-б кутшöмкö отув үдж ветеранъяс да том йöз?*

— Кор меным волі нин 63 арёс, менё борийсны Важгорт сиктын, кёні волі 160 пенсионер, ветеран котырён веськёдлышсын. Дас вит во ме сеті тайё үдкыслы. Активистъяс отсёгён чукортім война вылын участвуйтысьяс йылысь материал: ветлодлім гортьясаныс, гижим письмояс уна карё. И тадзикён миян чукормис ки помысь вочом квайт альбом, сэні пасиёма быд воин йылысь, эмось фотографияяс, письмояс, газетын йозёдом гижёдъяс, эм весиг öти воинлён Сталинсиян благодарносты. Сесся лостводім «Труженики тыла» альбом — нывбабаяс йылысь. Эм «Дети войны. Последние свидетели...» үдкыд альбом.

Чужисны ветеранъяс үдкын выль традицияяс: нүодам «День скорби и печали» июнь 22-өд лунё, «Проводы в армию», чукортім «Святой долг служить Родине» альбом. Быд юбилирös чествуйтам, гижам сы йылысь статья газетö.

Үджаліс «Важгортса аньяс» ветеранъяслён хор, уна и концерт дасьтылім да петкёдлім асланым сиктын, Путшкымдінын да Ёвкёджын, «Коми книга» гаж вылын. Оні ёнджақасö выступайтёны том йöз, некымын ветеран ветлодлö жö.

Ветеранъяслён котыр пыр ёртасис велёдчысъяскöд. Волі котыртёма уна үдж, торъя нин, Победа лунъясö: волі нүодома «Встреча трёх поколений» рыт. Ветеранъяс нүодісны война йылысь беседаяс. Отувтая үдж мунё и оні: велёдчысьяс отсасьёны ветеранъяслы, челядькёд аддзысылам тшёкыда и школын, и музейын. Тшёкыда нүодоны сиктнымёс мичмёдом могысь субботникъяс, кладбище весалёны.

— *Кывлi, мый Ti онi гижанынды книга. Мый йылысь сійё лоö? Кутшöм могъяс пуктаннынды ас водзö гижигён?*

— Да, думайті пасиыштын ассым олан туй, висыталыштын аслам бабён шуысьяслы войнаса челядьдырös, мед тёдісны, кутшом волі налён мамныс и

¹ Ташка — уд. ноп.

² Кос кус — уд. кос нянь.

бабныс. Гижышта и аслам велёдчысыяс йылысь, ёд 32 морт бёйисны менсым туйёс — лоины роч кыв да литература велёдьсъясён. На пиын эмёсъ Коми АССР-са заслуженной велёдьсъяс Клавдия Васильевна Сивкова да Екатерина Фёдоровна Филина. Ме гордитча вёвлём уна-уна велёдчысыён. Ыджыд места менам съёлёмын босытоны «Арт» журналын уджалысьяс, енбия гижысъяс Галина Васильевна Бутырева да Елена Евгеньевна Афанасьевна. Кутшом ыджыд таланта йöz, посъ съёлёма гижысъяс миян школалысь тайё петём велёдчысысъ. Тайё кык поэтессасы югзьёдёны миян республикалысь нимсö, найё лоины Ставрос-сияса гижысъ котырё пырысъясён. Уна во велёдисны роч кыв да литература школаясын ыджыд таланта велёдьсъяс: Альбина Васильевна Малахиева, Валентина Ивановна Созонова, Нина Ивановна Ушакова... (*тані Валентина Николаевна лыддьёллө уна велёдьсъös; Елена да Татьяна нывъясыс тшётши нэмсö уджалоны челядькёд, Елена — детсадайын, а Таня — школаын — Е.А.*)

Унаён томён-бурён мунисны нин олёмсъыс. Некыздзи ог вермы мириччыны, мый менам велёдчысыяс абуёсъ нин. Мыйла сізді шуёма судьбасъ?

Некор ог вунёд Лидия Николаевна Уляшеваös (Старцеваös), Альберт Петрович Козловös, Евдокия Васильевна Ермиловаös, Татьяна Николаевна Томиловаös, Владимир Фёдорович Остаповös, Юрий Викентьевич Палевös, Александр Григорьевич Багаевös.

Багаев А. Г. гижёма школалын на велёдчиғон рочён и комиён кывбуръяс. Меным сюрис сылён дневникис, кёні сійё пасъяло ассыыс мёвпъяс, а дневникис помассыё татшом кывъясён: «Эх, Валентина Николаевна, единственная любимая моя учительница, в каком духе воспитали Вы меня — именно от Вас я научился не просто жить, а гореть, Вы научили меня бороться до конца, идти к поставленной цели... И я шёл к этой цели именно благодаря Вам...»

Тайёс ме лыдди сёмын Сашалён кулём бёрас: эг удит аттьёавны. Саша кувсис 28 арёсаён.

Книгаам на йылысь кута пасъкыддже гижны.

Көсъя казытыштыны и мукёд велёдчысыёс, кодъяс лоины библиотекалын уджалысьён, медсестрайн, врачён.

Көсъя гижыштыны и аслам общественной удж йылысь. Велёдьсълы сиктын колё лоны культура пасъкёдьсъён. Сійё кадсяныс, кыдзи вои велёдны сиктö, и оніёдз некор эг откажитчыв общественной уджысь.

Вот татшом могъяс пукта ас водзё книгаös гижигён. Ог тёд, мыйкё артмас али оз.

— *Сиа Тіяны, Валентина Николаевна, дзоньвидзалун да уна-уна вын овны да пörтны олёмё ассыныд кёсиймъяс. Аттьё сёрниысъ.*

Гожёмнас нёштасысь на пыралі Валентина Николаевна ордö, дыр сыкёд сёрнитім, юим чай, видлалім фотояс, петкёдліс Александр Багаевлысъ дневниксö, лыдди сылысь кывбуръяссö, да, кыпыд лола морт вёлёмма, листайтi альбомъяс, кытчö Валентина Николаевна чукёртö аслас велёдчысылышысь казытылёмъяс, насянь письмёяс, фотографияс, газетын да журналын ийзёддёмъяс. Аддзи Ушакова (Парфентьева) Нина Ивановналысъ казыты-

Валентина Николаевна ас керка дорын.

решение быть учителем русского языка и литературы. А подтолкнули меня к этому уроки Валентины Николаевны Ульяновой. Увлечённая своими предметами, она увлекла и нас. Особенно нравились уроки литературы. Она рассказывала так, что перед глазами я видела живых героев произведений, перед глазами происходили события тех или иных романов, повестей, рассказов... Вместе с тем она учила нас думать, сопереживать, не бояться высказывать свои мысли и чувства, делать выводы.

Валентина Николаевна — учитель от Бога. Спасибо Вам, мой учитель, за Ваши уроки и мудрые наставления. Благодаря Вам я любила писать сочинения. Не знаю, помните ли Вы, как к нам в школу приезжал наш коми поэт Серафим Попов и взял мои сочинения в Сыктывкар. А мне подарил сборник своих стихов с надписью: «Октябрине К. с несомненной симпатией. С. Попов. 1959 г.».

Филиппова (Остапова) Дина Евгеньевна (помалёма школасö 1969-öд воян), роч кыв да литература велёдьысь, олö да уджалö Изыва района Moшъюга сиктын, силён пасийöдъясыс — серпасторъяс, но наын сы мында радейтöмыс, шоныдыс, бурыс:

«6 класс.

С Валентиной Николаевной готовим инсценировку к какому-то празднику по басне Крылова «Стрекоза и Муравей». Я — в роли стрекозы. Роль получается, нам интересно на репетициях.

В день концерта наша учительница приносит своё очень красивое платье и туфли на высоких каблуках. Я всё это одеваю и чувствую себя настоящей артисткой: как стрекоза, порхаю по сцене, слова сами льются из уст. Сценка удалась: зал бурно аплодирует.

лёмсö. Помалёма Нина Ивановна школанымсö 1969-öд воян, уджалö роч кыв да литература велёдьысьён:

«...В классе становилось светлее, когда стремительно входила всегда красивая, обаятельная, романтичная Валентина Николаевна. Её уроки — это уроки творчества, уроки жизни. Наверное, тогда-то и зародилась мечта стать учителем русского языка и литературы».

Пробульская (Козлова) Октябринा Петровна (помалёма школасö 1960-öд воян) гижёма бур кывъяс:

«...С восьмого по десятый класс училась в Важгортской средней школе. Именно в Важгортской школе приняла

8 класс.

На урок русской литературы мы всем классом идём к Валентине Николаевне домой. Раздеваемся. Она усаживает всех нас за длинный стол, наливает ароматный чай. За чашечкой чая проходит незабываемый урок.

9 класс.

Открытый урок по творчеству Н. Некрасова. В класс пришли учителя школы, директор. Урок проходит на высоком эмоциональном подъёме. В конце поём «Коробочку». Поём звонко, задорно. Учителя не выдержали, отложили тетради и — запели тоже.

10 класс.

Вечер. В школе закончилась консультация по русскому языку. Ребята оделись и почему-то очень быстро ушли. А девушки с Валентиной Николаевной вышли из школы и идут по узенькой тропинке напрямик. Темно. Только луна освещает дорогу. С левой стороны растут большие сосны. Валентина Николаевна идёт впереди, мы за ней цепочкой. Вдруг из-за сосен вырастают тени. Оказывается, это наши мальчишки решили подшутить над нами. Они набрасываются на нас. Кто-то уже толкнул кого-то в снег, кто-то визжит, отбивается — полная баталия! Ребята рады: забава удалась. А Яковлев Валера схватил Валентину Николаевну в охапку, думая, что это кто-то из одноклассниц. И тут голос учительницы: «Яковлев Валерий, ты что ли?» От удивления тот потерял дар речи, опустил руки и стоит как истукан, глаза с пятикопеечную монету. Секундная тишина — и все падают от смеха».

*А тайё письмёыс воёма неважён, Валентина Зорина (Петчина) чолё-
малёма Валентина Николаевна ёс праздникоң. Казтыштёма и велёчан
вояс:*

Многоуважаемая Валентина Николаевна!

Я вот всё думаю, кем Вы для меня являетесь? Любимой, неповторимой учительницей, наставницей? Подругой? Судьба связала нас с 1965 года, и я благодарна ей за это.

Огромное спасибо Вам за ваши необыкновенные уроки литературы и русского языка. Это Вы научили нас выступать на сцене! Помните? Мы, четыре Вали с Вашего класса, читали по отрывку «Смерть пионерки» Багрицкого? Это Вы, Валентина Николаевна, привили мне любовь к выступлениям на сцене, к зрителям. И до сих пор, благодаря Вашим умениям и стараниям, я выступаю в художественной самодеятельности.

Мы жили очень дружно с Вами, нашей классной мамой. Видели Вашу любовь к Станиславу Васильевичу, бывали у Вас дома, играли с Вашими детьми, помогали чем-то.

Вы всегда были и остаётесь для меня примером во всём. Вы всегда поддерживали меня; радуетесь моим успехам и огорчаетесь от каких-то моих ошибок, я всегда советовалась с Вами, Вы для меня дорогой и близкий человек.

Проза. Поэзия

Фёдор Конев

Фёдор Егорович Конев, сценарист, писатель. Уроженец коми села Мужи Тюменской области. В 1960-е годы работал на Сыктывкарской студии телевидения. В настоящее время живёт в г. Минске.

Член Союза кинематографистов РБ, член объединённого Союза писателей России и Беларуси.

Зыряне

Роман

Начало в № № 3–4 2013 года

Гость

Часть вторая

Глава 7

...

Это означало, что она вожжи взяла в свои руки. После этого заявления проверила, чтобы ничего не осталось из вещей Санчи в номере, потом они вышли в коридор, спустились вниз, подошли к дежурной, и Марина выписала парня из гостиницы. На улице поймали такси. Санча легко подчинялся, ему даже приятно было слушаться Марину.

Уже в квартире Марина отвела Санчу в свою комнату, спрятала рюкзак в шкаф, хотя понимала, что в этом нет никакой нужды, усадила Санчу на диван и сунула ему в руки книжку, даже не глянув на титульный лист. В её небольшой библиотеке не было пустого чтива. Сама она пошла в кухню, чтобы отметиться перед родителями. Там сидела с мамой Лидия Осиповна, а отец уехал в гараж, чтобы поставить машину, он куда-то ездил.

— Нам надо с тобой поговорить, — сказала Лидия Осиповна и посмотрела на Ольгу Николаевну, а та усиленно закивала.

Марина не стала садиться, но осталась с ними.

— Утром навещала одного старишку? — спросила Лидия Осиповна.
— Было такое, — ответила Марина.
— Тебя гость попросил найти свою мать? — догадливо подсказала Лидия Осиповна.
— Это уж не имеет значения.
— Завтра мы вместе с тобой, Мариночка, пойдём на встречу с этой женщины, — чуть ли не начальственным тоном заявила старуха.
— Я подумаю, — ответила Марина и собралась уйти, да спохватилась: — Чуть не забыла, мама. Я забрала Санчу из гостиницы, он будет спать у меня в комнате, вас не стеснит.

И ушла, оставив Ольгу Николаевну в полном шоке. Лидия Осиповна даже испугалась, как бы удара не случилось. Но кровеносные сосуды у Ольги Николаевны оказались в порядке, женщина отышалась и жалобно спросила у Лидии Осиповны:

— Что она сказала?
— А чего ты ожидала от молодёжи? — резонно спросила Лидия Осиповна.

Для приличия посидев ещё минут пять, как поступают только воспитанные дамы, Лидия Осиповна собралась, да и пошла восвояси. Пока родители думали да гадали, дети между собой поладили. Так выходит? Что уж теперь выяснить? Однако так могла подумать любая другая женщина, только не Лидия Осиповна.

И в прежние времена Лидия Осиповна ни разу не останавливалась на полу пути, а доводила дело до логического конца, то есть выясняла всё до последней мелочи. На этот раз женщина по имени Анна сильно задела любопытство, а это означало, что не успокоится Лидия Осиповна, пока не вытянет из неё нужные сведения.

Как она вскрикнула, когда старуха напомнила о давних родах! Можно подумать, потолок на неё стал рушиться. Одно ясно — не ожидала. Жила себе, припеваючи, а тут такой сюрприз! Лидия Осиповна предвкушала удовольствие, с каким она будет выводить собеседницу на чистую воду, почему-то уже решив, что рыльце этой дамочки изрядно в пушку. Лидия Осиповна давно не бывала в таком возбуждении. Она уже и забыла, чего ради суетится, азарт захлестнул трезвый разум.

А бедная Ольга Николаевна, как сидела в кухне, так и осталась онемевшей. Что они там делают? Как это он на ночь останется? Кровать-то ж одна? Весь вечер так и маялась. Подойдёт к двери, навострит уши, прислушается к невнятным голосам — всё чего-то он бубнит, — да на цыпочках опять удалится в кухню, а там омертвело сидит, глядя в пустоту.

За что небеса ополчились на неё? Что уж она такого сотворила в жизни, что её нужно наказывать с такой жестокостью? Вот уж чего не ожидала Ольга Николаевна от доченьки! Поселит в доме парня, которого толком не знает. А если он ночью всех зарежет? Но так Ольга Николаевна подумала вгорячах, сама в это не очень верила. Всего вероятнее, что он всё-таки шаман и просто-напросто задурил сознание Мариночки, доченьки родненькой.

Еле дождавшись мужа, Ольга Николаевна от порога потащила его за руку в кабинет и с ужасом сообщила, что молодёжь уединилась и вроде бы даже заперлась в комнате, а дочь заявила, что гость останется ночевать у неё. Что-то же надо делать! Может, поговорить? Какую-то строгость проявить. Куда же это годится? Но муж удивил Ольгу Николаевну своим полным равнодушием, иначе и не скажешь, даже ухом не повёл и никакого сочувствия к переживаниям жены не проявил.

— А что мы можем? — спросил он и чуть переиначил вопрос для пущей внятности. — Мы что-нибудь можем?

Но Ольгу Николаевну его благоразумие вовсе не успокоило, а ещё больше растревожило, и она собралась постучать в дверь дочериной комнаты, но Олег Степанович остановил её:

— Марину не знаешь?

Ольга Николаевна отчётливо представила, как отчуждённо посмотрит на неё дочь, как холодно спросит, что ей надо, как на её лепет насмешливо скривит губы. И что скажет-то Ольга Николаевна? Нельзя, не хорошо, неприлично... А что не хорошо? Что нельзя?

«Как же тяжело быть матерью! — сокрушённо подумала Ольга Николаевна. — Какими непослушными стали дети. В наши годы...».

И на этом Ольга Николаевна моментально прервала жалобную мысль, потому что припомнила себя семнадцатилетней непоседой, которую больше занимали мальчики, чем физика, к примеру, или алгебра.

Тем временем Марина и Санча были так заняты собой, что мыслям о других обитателях квартиры не было места в их головах. Санча рассказывал о Матвее Мезенцеве, а Марина прямо-таки жадно, навострив ушки, ловила его слова, и никогда ей так не было интересно. Обычно тут же прервёт рассказчика, чтобы не думали, будто чего-то она не знает. Уж лучше потом зайдёт в Интернет и выведает, что ей нужно, а сразу вид покажет такой, что ей право же смешно выслушивать избитые истины. С чего бы такая гордыня и чем уж она её красит, даже не думала. Ну, вот такая она! Кому не нравится, может не общаться. Не больно-то ей надо! Марина всегда подчёркивала, что ни в ком не нуждается, этим оберегая свою свободу.

Но перед Санчей ей совсем не хотелось выставляться и носик задирать. Если бы мама увидела, как она слушает этого парня, глазам бы своим не поверила. Или тут же и решила бы на уровне своих понятий, что доченька, кровиночка её, влюбилась. Да ничего подобного! Как будто кроме любви и не может быть ничего между юношой и девушкой. Есть ещё дружба. Марина себя убеждала в том, во что сама не верила.

Ни с кем из ребят она не устроилась бы на тахте, по-турецки подобрав под себя ноги, и в такой близости, что можно локтями коснуться. Санча очень даже легко принял ту же позу, без всякого усилия. Оказалось, что с детства привычен так сидеть. У них в жилищах не то что стульев, и табуреток-то нет. Обедают за низеньким столиком, расположившись на циновках, а спят прямо на полу. Постелью служат оленьи шкуры.

Всё-таки Ольга Николаевна не выдержала, подойдя очередной раз к двери, постучала и заглянула в комнату.

— А не хотите кофе, деточки? — спросила она приторным голоском. — Я мигом приготовлю.

— Мама! — строго проговорила Марина, глядя в упор колючими глазами.

— Что, моя девочка? — машинально удержала тон Ольга Николаевна.

— Перестань, пожалуйста, — попросила Марина. — Сохраню я свою невинность, не бойся.

Ольга Николаевна только охнула и поспешно закрыла дверь. Показалось,

сердце прихватило, воздуха не хватало для дыхания, так её расстроила дочь. Что они за люди, наши дети? О таком сказала при молодом человеке! Разве же можно так прямо? И сидят ведь на тахте, на постели, можно сказать, на девичьей. Одеты, правда, в брюках оба, но всё равно неприлично.

— Мы немножко отвлеклись, — спокойно сказала Марина, смирив раздражение.

Она же и привела-то Санчу к себе в комнату, чтобы всё-всё выведать о рукописной книге, которую теперь держал в руках Санча. Понимала, что другого случая не выпадет.

— Уедешь, как прочитаешь от корочки до корочки, — требовательно заявила она. — Ты хорошо понял меня?

Санча, как только устроились на тахте, сразу и принялся переводить записи своего прадеда Матвея. Но Марина недовольно заёрзала. В рукописи Матвея Мезенцева не было сведений о том, кто и откуда был преподобный Стефан. Мезенцев-то, естественно, сам всё о нём настолько хорошо знал, что даже не посчитал нужным представить главного виновника истории, но Марина впервые услышала об этом человеке, и ей мало было имени.

— Давай узнаем подробней о Стефане, — заявила Марина. — Как его? Стефан Пермский.

Перебравшись к столу, Марина открыла ноутбук и включила. Вскоре засветился экран. Санча спустил ноги и сидел на краю тахты.

— Видел такую штуку? — спросила Марина о ноутбуке.

— У Комова есть, — подтвердил Санча.

— Комов — это кто?

— Жулик.

— Понятно. О жуликах как-нибудь потом. А сейчас... минуточку... Зайдём в Интернет...

Она постучала бойкими пальцами по клавишам и довольная воскликнула:

— Ну, вот!

Посмотрев на Санчу, который вытягивал шею, пытаясь разглядеть, что там на экране, Марина сказала:

— Садись.

Она пододвинулась на стуле, освободив половинку сиденья. Санча даже не подумал, хорошо это или нет, а тут же и присел боком.

— Держись за меня, — приказала Марина.

Ему пришлось обнять её за талию. Марина заглянула в его близкие теперь глаза и прямо изумилась той чистоте, какой они светились. Серые с еле заметным отливом голубизны глаза Санчи, должно быть, были похожи на озёра его родного края, не тронутые, не замусоренные человеком, первозданные.

«Стефан Пермский, в миру Степан Храп, — стала читать Марина, уткнувшись взглядом в экран. — Родился около 1340 г. в Великом Устюге. Его мать Мария была коми-зырянкой, отец Симеон — русским. Сопровождая отца (сельского дьячка) во храм, Стефан выучился церковному пению и уставу. После того он сосредоточил своё внимание на языке зырянском, на котором говорило почти всё местное население».

Конечно, всё это Санча знал. Не однажды Матвей Мезенцев говорил своему правнуку об этом человеке. По мысли прадеда выходило так, что некоторые люди

рождаются не случайно, не только по любовной прихоти родителей, а призваны провидением для исполнения высшей воли. Ещё умом не сознавая, они уже идут по уготовленной для них стезе, и душа их направляет к влекущей цели.

Таковым человеком был Стефан Пермский, рано угадавший своё призвание и успевший за свою жизнь обратить народы Перми Великой в христианскую веру. Для чего и приходил в жизнь.

Но Санча не станет этого говорить Марине. Санча не будет мешать, а посидит, замерев, обнимая девушки. Сердце так колотится, словно Санча бежит по глубокому снегу. Он даже насторожился — не услышала бы Марина, как оно громко стучит. Такого с ним ещё не бывало, и это состояние оказалось удивительным. Он даже не сумел бы рассказать, как это диковинно.

— Слушай дальше, — азартно просила Марина. — «Это было время просветительской деятельности святого Сергия Радонежского, который скоро сделался другом Стефана». Ты понял, Санча? «Стефан отправился в Москву, где получил благословение митрополита святого Алексия, был поставлен в пресвитеры. Великий князь Дмитрий Донской дал ему охранную грамоту. В 1379 году, около сорока лет от роду, Стефан направился в пермские земли». Дмитрий Донской, Сергий, Алексий... Ничего себе знакомства! «По Северной Двине и Вычегде Стефан достиг Котласа и начал проповедовать христианское учение, — читала дальше Марина. — В 1383 году сделан был первым епископом новой Пермской епархии. Скончался 26 апреля 1396 года в Москве и похоронен у церкви Спаса на Бору; в этот день Русская православная церковь отмечает его память. Канонизирован в 1549 году. В ознаменование его заслуг перед Россией, святой Стефан изображён на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде».

Марина явно наткнулась на какой-то текст, её заинтересовавший, быстро пробежала глазами и обратилась к Санче:

— Послушай. «Великое рвение было у преподобного против статуй, которых называли кумирами. И совершенной ненавистью возненавидел их, и до конца их нисроверг, и идолов попрал, и кумиров сокрушил, богов с землёй сравнял. Те статуи, высеченные, изваянные, выдолбленные, вырезанные, нисроверг, и топором посек, и огнём испепелил, и пламенем пожёг, и без остатка их истребил. Нелестно сам со своими учениками по лесам обходя, и по погостам выспрашивая, и в домах ища, и в лесу находил, и здесь и там всюду находил, пока все кумирницы не уничтожил и до основания их не искоренил, и ни одной из них не осталось».

Прочитав на одном дыхании, Марина посмотрела на Санчу и тихо изумилась:

— Прямо Аввакум какой-то!

Марина погасила экран и закрыла свой чемоданчик. Сидеть в обнимку уже не было смысла. Санча поднялся, отошёл и сел на тахту. Марина заметила по лицу, что он чем-то рассстроен, и не понимала, что случилось. Да и как было ей догадаться, что он боялся поднять глаза, чтобы Марина не прочитала в них, как ему хочется снова её обнять. А это же нехорошо! Только жену можно обнимать. Так все поступают...

— Ты обиделся? — спросила Марина, вскочила со стула, подбежала и села рядом на тахту. — Я тебя перебила? Надо же было мне узнать о Стефане.

Он облегчённо вздохнул, чувствуя, что ни о чём она не догадывается, и это принесло облегчение.

— Будешь слушать? — спросил Санча.

— Буду, буду.

Они удобней устроились на тахте и были уже готовы читать рукопись Матвея Мезенцева, как раздался стук в дверь, и на этот раз весьма решительный. В тот же миг в комнату шагнула Ольга Николаевна и заявила:

— Уже поздно. Я постелила в гостиной. Хватит вам, ещё наговоритесь. А ну-ка, спать!

Должно быть, нелегко далась эта отвага Ольге Николаевне, лицо её пошло пятнами, а в глазах застыли одновременно испуг и злость. Нервы явно были на пределе. Санча перевёл взгляд с неё на Марину и спросил:

— Она не хочет, чтобы я оставался в этой комнате?

— Похоже, да, — холодно ответила Марина, вскипающая недовольством.

Санча не смотрел на Ольгу Николаевну, потому что она в эти минуты ему не нравилась. Она злилась на Санчу. Когда кто-то напрасно злился на него, Санча чувствовал неловкость.

— Чего она боится? — тихо спросил Санча Марину.

— А ты не понимаешь?

— Она боится, что мы сделаем ребёнка? — предположил Санча.

— Молодец! — сердито глядя на мать, громко проговорила Марина. — В точку попал. Именно — ребёнка!

— Скажи, пусть не боится, — успокоил Санча.

— Мамочка, ты слышала? — насмешливо спросила Марина. — Не бойся.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — Ольга Николаевна уже еле сдерживала себя, потому что никто не собирался её слушаться. — Вы ведёте себя, как... не знаю — кто.

— Скажи ей, что я не могу, — попросил Санча.

— Чего не можешь? — сами собой округлились глаза Мариньи.

— Сделать ребёнка, — честно ответил Санча.

Ольга Николаевна застыла с таким выражением на лице, словно лишилась способности что-то понимать. Он же говорил, что Марина невестой будет. Так они, мол, с отцом решили. А зачем невеста, если жених с таким изъяном? К тому же вслух признался. Какая же девушка за ним поедет после такого признания? Что происходит? Что ему нужно?

Увидев растерянное лицо Ольги Николаевны, Санча пожалел женщину, подошёл к ней и стал толково объяснять, помогая жестами:

— У нас не парень, а девушка первая подходит. Понимаете? Парень только смотрит на неё. Если парень девушке нравится, то девушка подходит и становится рядом. Если парень согласен, то остаётся на месте. Тогда все понимают, что они жених и невеста.

— Вот это правильно, — живо поддержала Марина. — Настоящий матриархат. А потом что?

— Потом? Если Зарни Ань молчит, значит, всё хорошо.

— И он уже начинает приставать к ней? — насмешливо спросила Марина, поглядев на мать. — Уже всё можно?

— Нет, пока ещё нет, — мотнул головой Санча. — Девушка приглашает парня домой. Они говорят друг о друге. Долго говорят. А если вечером девушка

рядом со своей подушкой кладёт ещё одну, то это значит, — готова стать матерью его детей.

— Ну, всё как у нас с тобой! — веселилась Марина. — Я пригласила тебя домой. Мы долго говорили. А что? Мне нравится — очень даже разумно. Дело за подушкой. Мамочка, может, одолжишь? Ты же знаешь, у меня нет второй. Я имею в виду — подушки.

— Какая ты жестокая! — заплакала Ольга Николаевна. — Какая бессердечная!

И бедная мать ушла из комнаты, но за дверью вытерла слёзы и успокоилась. Этот наивный и доверчивый, как олень, провинциал ничего дурного не позволит себе. В этом Ольга Николаевна уже не сомневалась.

— Ты обидела мать, — хмуро сказал Санча, когда остались одни.

— А она меня не унижает своими пошлыми подозрениями! — вспыхнула Марина. — Ходит за дверью весь вечер. За кого она принимает нас? За животных?

— Всё равно — нельзя обижать родителей, — упрямо пробубнил Санча.

Но, посмотрев на Марину, испугался, что она вот-вот расплачется, и торопливо раскрыл рукопись Матвея Мезенцева.

— Читать? — спросил он.

Марина кивнула. Она всё ещё сердилась на мать и мысленно спорила с ней. Если бы не посторонний, в этой комнате шла бы теперь горячая перепалка. Как же всё глупо!

Глава 8

Прежде всего, Санча объяснил Марине, что издревле к западу от Урала на берегах Вычегды, Печоры, Сысолы и Камы жили угорские племена. Земля же называлась — Пермь Великая. Матвей Мезенцев склонен думать, что слово «пермь» возникло от «пармы». А парма по-коми — тайга. Уж чего-чего, а лесов хватало.

В эти-то глухие края осенью 1879 года и прибыл святитель Стефан, да стал проповедовать православную веру. Коми-зыряне и по нынешнюю пору характером такие, что если во что поверили, то сбить их с толку не так просто. А тогдашние люди свою веру приняли от глубоко почитаемых предков и уж никак не сомневались, что те могли ошибаться.

Однако Стефану за относительно короткое время удалось многих и многих людей склонить к православной вере. И Матвей Мезенцев видел одной из причин тех удач просветителя в том, что коми-зырянам не было ново понятие о Всевышнем. Они, конечно, поклонялись ветру, солнцу, огню, воде, деревьям и животным, но вместе с тем имели смутные представления о существовании Великого духа, сотворившего земной и звёздный мир, людей и всякую тварь. Звали его — Ен, то есть Бог. Но Ен, сотворив мир, удалился на седьмое небо, был недоступно далёк и слишком занят, потому люди робели о чём-то просить его, а точнее — стеснялись. Проще было ладить с окружающими их божествами, от которых зависела охота, рыбалка, повседневная жизнь. Эти боги были рядом.

Большим откровением для коми-зырян стали, должно быть, рассказы Стефана о Христе. Оказывается, при всей великой занятости Ен не забывал о людях и

послал в помощь им своего сына. И тот сын принял муки ради спасения человеческих душ. А коми люди об этом и не слышали. Даже как-то совестно получалось, что жили, не зная, что за них пострадал хороший человек, сын божий.

Естественно, туны не сидели, сложа руки, а главный из них, неистовый противник христовой веры Пам, знаменитый кудесник, чародей-старец, волхвам учитель, им же старейшина, на второй год усердий Стефана захотел встретиться с ним при всём народе и проповеди его осмеять, во лжи обличить, да с позором прогнать с пермской земли.

До этого посыпал других тунов против пришельца, и поначалу тем удавалось возмущать народ, но Стефан явно обладал колдовским словом, если многие и многие прислушивались к его увещеваниям и в задумчивость впадали. Это был плохой признак, очень плохой. Но великий Пам долгое время считал ниже своего достоинства вступать в прения с возмутителем спокойствия, тот был слишком молод в сравнении с умудрённым многими летами кудесником. Но последняя весть, которую сообщили Паму, возмутила старца настолько, что он уже не мог оставаться в стороне. Да и верные ему люди стали глухо роптать, что он при своём могуществе не принимает никаких мер против безбоязнского проповедника.

А весть принесли такую, о которой и помыслить нельзя было. Со времён пращуров коми-зырян никто не покушался на Прокудливую берёзу. И казалось, что она стояла с начала всех начал, вершиной достигая устрашающей высоты, ветвистой кроной заняв огромное пространство и корнями достигнув непостижимой глубины. Иначе как было удержаться этакой громадине? Она была обвшана дарами, как новогодняя ёлка игрушечной мишурой. На её ветках оставляли, кто что мог, кто-то беличною шкурку, кто-то медвежий зуб, кто-то олены рога, кто-то бусы из ягод шиповника, ещё и костяные изделия, а также берестяные, и даже одежду.

Возле этой берёзы — а это на том месте, где река Вымь впадает в Вычегду — издревле шаманили туны. Не раз сам великий Пам показывал своё ведовское искусство, изгоняя злых духов. Та берёза была главной кумирней всей Перми Великой. А слово «прокудливая» родственна слову «кудесник», одного они корня. И на эту вот Прокудливую берёзу поднял топор дерзкий Стефан, люто ненавидевший языческие молельни и всякого рода идолов. Не день рубил, и не два, говорят. Работал до изнеможения, без сна, падал в бессилии, теряя сознание, но приходил в себя и снова брался за топор. С окрестных деревень сбежались зыряне, с ужасом увидели, что творит Стефан. Очевидец рассказывал Паму, что под удары топора люди слышали стоны и вопли женских и мужских голосов, а также детских, это кричали духи, а из берёзы текла чёрная кровь.

По наущению оказавшегося тут колдуна Жалейки люди остановили Стефана, обложили сеном и подошли с факелами, чтобы поджечь сухую траву. Но их поразило то, что Стефан никакого страха не проявлял, а смотрел на них смиренно и с любовью, как на малых детей. Он обратился к ним увещевательными словами, и голос его звучал так мягко, так доверчиво, что люди с факелами замерли. Он говорил, что идолы руками человеческими сделаны. «Они рты имеют — и не говорят, уши имеют — и не слышат, глаза имеют — и не видят». «А твой Бог?» — насмешливо спросил его колдун Жалейка. «Мой Бог живой», — ответил Стефан.

Эту строку Матвей Мезенцев подчеркнул. Видимо, он считал, что образ живого

Бога мог сильно задеть умы слушателей Стефана. Он даже добавил от себя: «Бог должен быть живым, только тогда он может слышать и видеть». И, видимо, та же мысль задела умы разгневанных людей, потому они ослушались тунна Жалейку, который призывал запалить погибельный костёр. Вместо этого люди спросили Стефана, что он будет делать, если останется живым. И он молча пошёл к берёзе и стал дальше рубить.

Тут Матвей Мезенцев делает от себя примечание о характере древних коми-зырян, тем объясняя поведение очевидцев того события. Зыряне считали, что никогда нельзя нападать первыми. Если кто-то начал с тобой драться, то защищайся, но сам свару не затевай. Даже медведя убить постыдись, если он на тебя не пошёл в ярости.

А Стефан никому плохого слова не сказал. Его в огне сгубить готовы, с факелами стоят, а он смотрит на обидчиков такими глазами, словно роднее-то их и нет, братьями называет и сёстрами. Если бы хоть раз первым начал расплющить, то люди давно растерзали бы его за разорение кумирен и сожжение идолов. А тут сам колдун Жалейка не посмел схватить факел да бросить огонь в кучу сена. Всё-таки посчитался с моралью соплеменников, хотя и был дерзок по молодости лет. И Матвей Мезенцев делает вывод, что в той незлобивой морали зырян было много христианского начала, что помогло Стефану в его просветительских трудах.

Слушая очевидцев о том событии, великий кудесник Пам был недоволен поведением Жалейки. Тот вёл себя глупо. Видя, что Стефан снова рубит святую берёзу, стал кричать, что дерево никогда не упадёт. А оно упало. Земля от её падения содрогнулась, а люди онемели. Жалейка стал уверять, что дерево не подвластно огню и к утру встанет на свои корни. Стефан подбросил сена под дерево и поджог. Прокудливая берёза на глазах сотен людей стала гореть, как обычные дрова горят.

Стефан поборол в этом поединке тунна Жалейку, и толпа нашла справедливым оставить победителя в живых. Люди расходились, сильно задумавшись. А именно в этой задумчивости Пам видел наибольшую опасность. Пора было ему идти на защиту веры, унаследованной от предков, иначе поздно будет. Его сильно огорчало то, что зыряне оказались податливы на уговоры чужеземца и многие не только задумались, а уже крестом себя осеняли. Но это пока была слабая вера, неустойчивая. Своим ближним великий Пам говорил, что вера тогда крепка, когда человек за неё и в огонь шагнёт без всякой боязни.

Встреча кудесника Пама и святителя Стефана осталась в народной памяти, да и Епифаний Премудрый в «Житии» святого подробно описывает словесный поединок. Однако в народных мифах слишком много чудес, а Епифаний пристрастен — мудрость Стефана превозносит превелико, а главного волхва язычников Пама хулит огульно, как истый христианин. А так не бывает, чтобы один уж весь плохой, а второй чистенький да беленький.

Санча не раз перечитывал описанную прадедом встречу Стефана и Пама, при этом много думал об этих двух людях. На чьей стороне оказался бы он? Чью правду принял бы? Как повёл бы себя на их месте, окажись в том времени? Да и Матвей Мезенцев не раз в разговорах возвращался к тому эпизоду, задаваясь примерно теми же вопросами. И описал он поединок уважительно к обоим участникам. Лицом к лицу сошлись два недюжинных человека с разными убеж-

дениями, умом изворотливые и характером не уступчивые, а за их поединком следило множество некрещёного люда, частью уже смущённого проповедями миссионера, а частью неколебимого в отцовских устоях.

По мнению Матвея Мезенцева, старый Пам искренне верил — отречение от исконных богов погубит коми-зырян. Ведь боги должны быть свои, находиться рядом, знать и видеть нужды и сетования людей. А Христос, которого проповедует Стефан, родился немыслимо далеко от Перми Великой. Что он может знать о таёжных людях? А если и вознёсся на небо, то много ли с такой высоты увидеть может? Разве же заглянет в жилище каждого зырянина? Разве же пойдёт с ним на охоту? Разве же оградит его от повседневных бед, что угрожают на каждом шагу? Только свои местные боги способны помогать коми человеку, если туны уговорят их, ублажая шаманскими действиями.

Чуть ли не сутки спорили при большом скоплении народа Стефан и кудесник Пам, да так и не одолели словесно друг друга. Искусен был в речах Стефан, но и старый Пам в мыслях не путался. Но видел опытный волхв, что Стефану помогает его молодость, а ему, много пожившему Паму, не хватает наступательной энергии, силы иссякают. И тогда он решился на испытание. Ведь недаром шла молва, что туна Пама и огонь не берёт. Правда, никто не видел, как он из пламени выходит целым, но слава шла, что это истинная правда. Вот он и предложил Стефану пройти сквозь огонь. Кто выйдет живым из пламени, тот и прав, потому что ему помогли его боги. Пам был уверен, что на такое испытание Стефан не пойдёт. Разве не хочется молодому жить? Разве не знает он, что пламя никого не щадит?

Народ вокруг криками поддержал Пама, и охочие до зрелища мужички с редкостной ревностью подпалили развалюху на краю села, жилище негодное, но просохшее, как сено. Пламя вмиг рвануло к небу и жгучим жаром обдало людей, так что толпа отбежала подальше. А Стефан сказал, что смерти нет, тленное тело его сгорит, а душа вознесётся, и Бог примет её у себя.

Затем протянул руку Паму, чтобы вместе шагнуть в пламя. И Пам, и все стоявшие вокруг люди видели, что Стефан за свою веру войдёт в огонь. Да и сам он знал, что если отступит, все его бывшие проповеди окажутся напрасными. Нужен подвиг, чтобы люди приняли его правду. Христос мог избежать Голгофы, но он взошёл на крест ради вразумления людей. Да и что значит единственная жизнь Стефана по сравнению с той верой, которая утверждается на землях Перми Великой?

Вот почему не Пам его, а он вёл за руку Пама. Жара становилась невыносимой, пламя гремело, будто все бесы собрались вместе и устроили шабаш. И старый Пам не выдержал пекла, устрашился за свою жизнь. Он вырвал руку и отбежал назад. А Стефан не отступил, шагнул вперёд. И когда одежда вспыхнула на нём, люди оттащили его от огня, облили водой.

Пам не доверился своим богам. Люди так и поняли. Как мог после этого Пам называть себя кудесником, туном, всесильным шаманом? Кто бы ему поверил?

Толпа требовала суда над старым обманщиком, который говорил, что «вера тогда крепка, когда человек за неё и в огонь шагнёт без всякой боязни». А чего же не доказал на деле? «Казнить!» — кричали многие. Но Стефан напомнил о Христовой заповеди — «Не убий», и отпустил с миром старца. Опозоренный Пам, оставшийся живым по милости Стефана, убежал от разъярённой толпы, а вскоре

покинул Пермь Великую и со своим родом ушёл в Сибирь, где прожил остатки дней своих в задумчивом смирении.

В дальнейшем повествовании Матвей Мезенцев не возвращается к святителю, прозванному Стефаном Пермским, ставшему епископом и после смерти причисленному к святым. Интересует же Матвея Мезенцева колдун Жалейка, который после сожжения Прокудливой берёзы — как мог допустить?! — получил добрую взбучку от Памы, но не повинился, а, наоборот, преисполнился гордыни. А когда увидел позор ещё недавно всевластного Пама, его бегство от огня, то и вовсе возомнил о себе невесть что, да стал внушать людям, что один знает, как спастись коми-зырянам от чужеродной веры.

Когда Стефан на месте Прокудливой берёзы поставил часовню и повесил колокол, то многие люди говорили туну Жалейке, что голос колокола разносится далеко, а значит, и высоко, достигая слуха всемогущего Бога. И если прежде Ен был непостижимо далёк, то теперь он доступен и может помочь каждому, кто в него верит. Звон колокола, мол, соединил людей с небесами. Этих, впавших в раздумье или принявших новую веру, уже было не вернуть к прежней послушности волхвам, а потому Жалейка подался на восток. Недаром Пермь называлась Великой, никто её границ не определял. А малых деревушек, глухих поселений, которых ещё не обошёл Стефан, было множество, и там жили не тронутые сомнениями люди.

Жалейка был честолюбив и умом обладал изворотливым. Говорил он убедительно, давая мыслям слушателей нужное ему направление, и за одно это уже слыл большим туном. Он рассказывал людям о том, как чужак срубил Прокудливую берёзу, как она рухнула, подобно любому дереву в лесу, и сгорела в пламени подобно обычным поленьям, которые хозяйки бросают в очаг. Расколол чужак и деревянных идолов, как чурки, и тоже побросал в огонь.

Из этого Жалейка делал вывод, о котором неустанно повторял, что та берёза была не святой и не главной кумирней, а люди ошибочно считали так, поверив обманщику Паму. Идолы же, вырубленные из дерева, никакой силы не имели, а оказались сплошным обманом. Подлинным же божеством коми-зырян является Зарни Ань, Золотая баба. Люди слышали о ней, но никто не видел наяву. А Жалейка утверждал, что нашёл Зарни Ань и десять его помощников несут богиню в сторону Камня, то есть Урала, подальше от Стефана. Для убедительности Жалейка даже рассказывал, как выглядит Зарни Ань. Вся она из чистого золота, глаза её светятся в темноте, так что видит она днём и ночью. Это ей нужно, чтобы всегда прийти на помощь коми человеку.

В этом месте Матвей Мезенцев в своей рукописи даёт справку о том, что Золотая баба прежде никогда не занимала в религии коми-зырян важное место. Куда как важней и главней была, скажем, четырёхликая Войпель. Она властвовала над северным ветром. А это означало, что от неё зависели приход зимы, лютые морозы, пурга. Она могла продлить тёплые дни, а если не умолить её, то нагоняла такие холода, от которых деревья стыли и становились ломкими, как сосульки. Сильно от неё зависел северный человек.

Вот потому скульптура Войпель стояла возле Прокудливой берёзы среди других богов и была самой высокой. У ног её пестрели камешки, принесённые людьми со всех рек и речушек Перми Великой. Принесли их люди, свято почитавшие боги-

ню и желавшие, чтобы она была добра к ним. Но и эта скульптура сгорела вместе с другими в огне, запалённом неистовым Стефаном. И не содрогнулась земля, не рухнуло небо. Значит, и Войпель была ложным божеством. И только Зарни Ань не страшен огонь, потому-то она и есть главная богиня коми-зырян. Она спасёт людей от чужой воли и покажет дорогу в тот край, где коми люди будут жить хорошо и спокойно.

— Я всё поняла, — неожиданно воскликнула Марина, соскочила с тахты и прошлась по комнате.

Во-первых, надо было чуть размяться, отсидела ноги, столько времени провёдя в неподвижности. А во-вторых, и на самом деле Марине стало ясно. Зыряне оказались на перепутье — то ли старой веры держаться, то ли новую веру признать. А Жалейка тут как тут! Он, мол, один знает правду. И правда эта — Зарни Ань. Жалейка — типичный вожак вроде Пугачёва, Стеньки Разина или большевика Ленина. Не так что ли? Они ведь тоже куда-то вели людей.

Довольно вдохновенно Марина выложила это своё понимание и остановилась посереди комнаты. Санча смотрел на неё, насупив брови.

— Я не права? — удивилась Марина.

— Почему не слушаешь? — недовольно проворчал Санча. — Всё знаешь? Тогда рассказывай.

Марина присела на край тахты, коснулась рукой рукописи, сказала виновато:

— Ну, не сердись.

Потом уверенно вскинула голову.

— А всё же я угадала, что за тип Жалейка?

Но Санча не стал отвечать на её вопрос, а уткнулся в рукопись и продолжал читать о том, как шустрый умом Жалейка стал уверять, что нашёл Золотую бабу. На его глазах будто бы Золотая богиня повернулась лицом на восток. А это означало, что она указывала путь спасения — надо идти в ту сторону, откуда встаёт солнце. Там та земля, где ждёт зырян счастливая жизнь. Жалейка понимал, что два раза скажешь, никто не запомнит. Десять раз скажешь, тоже мало окажется. А надо денно и нощно повторять, что это именно так, и тогда в головах людей засядет новая правда.

Вот с этого начался исход. Как растёт снежный ком, так всё больше прибавлялось охочих людей, идущих за туном Жалейкой. Складывали на олены нарты небогатый скарб, усаживали детей, что были ещё малы, и двигались по таёжному бездорожью за своим счастьем.

Матвей Мезенцев писал, что Жалейка и сам не знал, куда повёл людей. Слышал от оленеводов, что на востоке есть горы, а за ними опять тянется тайга и скорее всего — нет ей конца. А чтобы достичь гор, надо идти навстречу утренней заре. Шли не день и не два. Всё лето пробирались сквозь первобытные чащобы, переправлялись на плотах через реки, снова шли по бездорожью, видя только редкие зарубки на деревьях, что оставляли хранители, шедшие впереди. Жалейка говорил, а люди передавали из уст в уста, что ведёт их сама Золотая богиня. Её несут на носилках, сменяя друг друга, десять крепких светловолосых парней, отныне ставших хранителями.

И люди шли, за спиной оставив свою нищету, а впереди светила надежда. И она обрела тревожную реальность, когда показались вдали сверкающие белки

Урала. Когда перевалили горы, то среди восточных отрогов оказались в таком месте, где будто бы Зарни Ань стала непомерно тяжёлой, десять человек не могли поднять. И тогда будто бы Жалейка понял, что дальше идти не надо.

Заметив нетерпеливое движение Марину, Санча насторожился и спросил:

— Что хочешь сказать?

Уже предельно ясно стало Марине насчёт этого Жалейки. Обычный честолюбец, который ставил себя выше других людей и потому учил жить. Марина сама большая себялюбица, но не до такой же степени, чтобы богов придумывать.

— Обманщик он, — сказала Марина.

— Кто?

— Этот колдун Жалейка.

— Может быть, — согласился Санча.

Но он привёл людей в богатый край, где озёра и реки кипели от рыбы, зверья в тайге кишмя кишело, по весне прилетали несметные стаи уток и гусей, дикие олени бродили стадами, и приручать их было легко. Люди, пережившие не один голодный год, решили, что попали в рай. Они поверили Жалейке, что это Зарни Ань привела к счастью. Важно было одно — людям зажилось сытно и привольно. И, конечно, только чудом можно было объяснить счастливую перемену в судьбе каждого. Естественно, это чудо сотворила Зарни Ань, главная богиня. В этом никто не сомневался.

Если бы теперь Жалейка признался, что он сам по своей прихоти назвал Зарни Ань главной богиней, то люди уже не поверили бы ему. Собственный обман оказался сильнее Жалейки.

— Ну, да! Сказал бы он правду! — скривила губы Марина. — В святых ходил, наверно.

Матвей Мезенцев писал, что Жалейка остался в людской памяти кудесником, способным творить чудеса. Рассказывают, к примеру, что холостой Жалейка уже на новом месте решил жениться. Но простую девушку он не стал сватать, как все другие женихи, а встретил в лесу молодую самку оленя и превратил её в красавицу. Вот на ней и женился. Но детей она ему не рожала. Жалейка сердился на жену, всяко ругал. Она уходила на берег и о чём-то грустила над рекой, глядя на своё отражение. А в воде видела себя в оленьем образе. Это вывело из себя Жалейку и он превратил жену в плакучую иву. Вот она и стоит по сию пору печальная.

Огорчённый своей неудачей, Жалейка запретил хранителям иметь жён и наперёд завещал одним холостякам служить Зарни Ань.

Был ещё якобы такой случай. Какое-то местное племя наткнулось на одно из селений. Их поначалу было три. Жители о врагах понятия не имели и встретили незваных гостей радушно. Те же всех безоружных мужиков убили, а женщин забрали с собой. Кто-то один спасся и прибежал со страшной вестью к туну Жалейке. Колдун сильно рассердился, поехал на оленьей упряжке вслед за шайкой и всех грабителей превратил в зайцев, а пленённых женщин — в кровожадных волчиц. Ну, конечно, зайцам досталось. Только неизвестно, вернул ли кудесник Жалейка женщинам человеческий облик. Об этом легенда умалчивала. Но, видимо, нет, потому что третье селение так и не возродилось.

Многое ещё чудес приписывали Жалейке, однако, Матвей Мезенцев не верил народной фантазии, уж больно была она вольна. Однако признавал, что Жалейка

был человеком незаурядным. Увлечь за собой неведомо куда массу людей не каждый сможет. Видимо, и колдуном слыл не зря. По крайней мере, за сотни, а то и за тысячу вёрст разлетелся слух о всесильном колдуне, и местные племена боязливо сторонились тех урочищ, где поселились зыряне. Кому охота было превратиться в зайца?

Матвей Мезенцев писал историю поселившихся среди гор зырян по тем сведениям, что народ сохранил в своей памяти. А лучшей рассказчицей оказалась Марпа, которая помнила самые древние мифы, а песни и былины могла петь два дня и две ночи, хватило их у неё и на большее время, если бы можно было человеку обходиться без сна. Санча мог бы о своей бабке рассказывать и рассказывать, но речь-то не о ней шла. Зачем же говорить от себя? Кто просил? Надо книги держаться... Хотя веки стали уже тяжёлыми.

— Знаешь? — сонно проговорила Марина. — Не многовато за один раз? У меня уже крыша поплыла. Продолжим завтра, на свежую голову. Хорошо?

— Я куда пойду? — спросил Санча, откладывая книгу.

— Никуда! — даже прикрикнула Марина. — Спи здесь. Это моя комната.

— Значит, ты согласилась? — серьёзно спросил Санча.

— На что согласилась?

— Ну, как? Стать моей невестой.

— Вот уж о чём не думала! Только учти, у меня и вправду другой подушки нет. Будешь спать на полу. Под голову — рюкзак. А уж накрыться сама плед. Жених!

— На полу спать хорошо! — весело согласился Санча.

Глава 9

Утром позвонила Лидия Осиповна, ничего толком не объяснила подошедшей к телефону Ольге Николаевне, а сразу попросила позвать Марину. Постучав в дверь, Ольга Николаевна тут же и просунула голову. Дочка спала на тахте, а гость — на полу. Это было прекрасно! Ольга Николаевна с лёгкостью балерины прошлась на цыпочках по ковру и передала трубку радиотелефона Марине, которая недовольно проворчала:

— Сколько времени?

— Восьмой час.

— Не спится же людям!

Спать можно было ещё более часа. Санча, кстати, тоже проснулся от стука в дверь, но прикинулся спящим. Марина говорила по телефону, больше отвечая однозначно — «да», «нет», «да». Потом передала матери трубку.

— Ладно, встаю, — недовольно проговорила она.

Когда Ольга Николаевна воздушно выплыла из комнаты, Санча накрылся с головой пледом и сказал:

— Оdevайся.

— Какой предупредительный! — высоко оценила Марина и сладко потянулась. — И где только воспитывался? Слышь? Пойдёшь со мной? Хоть издалека посмотришь на родную мать.

— Она не мать.

— Уже слышала. Но мне идти надо. Куда же я тебя дену?

Оставлять дома Санчу нельзя было, Марине просто жалко стало парня — Ольга Николаевна замучает вопросами. Уж точно будет расспрашивать насчёт дальнейших планов. А тот что ответит? «Увезу твою дочь». Вот уж обрадуется мамочка! Нет, не стоит портить ей и без того расстроенные нервы. И Марина решила устроить Санчу в парке, который находится поблизости от кафе, где назначена встреча.

— Вставай, умник, — приказала Марина, накинув на себя халатик. — И оставь рюкзак. Мы в разведку идём. Ещё неизвестно, как будет. Может, нас пошлют далеко-далеко.

Она вышла из комнаты, да тут же заглянула, он ещё и выбраться не успел из-под пледа.

— Неужели кровь молчит? — спросила Марина.

— Какая кровь?

— Да я про зов крови... Впрочем, и так вижу — молчит.

Она закрыла дверь.

Когда уходили и уже обувались в прихожей, Ольга Николаевна стояла чуть поодаль и всё порывалась что-то сказать, но никак не осмеливалась. Марина уже взялась за ручку двери. И тогда Ольга Николаевна всё-таки не выдержала.

— Сними её дочка на мобильник, — сильно стесняясь, попросила она.

— Зачем? — удивилась дочь.

— Посмотреть охота.

Марина пожала плечами и вышла. Санча последовал за ней.

— Успеха тебе! — пожелала Ольга Николаевна гостю. — Ведь родная мать!

Но дверь уже закрылась, и некому было говорить, как это волнительно впервые увидеть родительницу, с которой судьба развела много лет назад. Оставшись одна — муж рано уезжает, к восьми, — Ольга Николаевна выпила успокоительных капель. «Что же это со мной? — сокрушилась она. — Зачем мне её фотография? Какая-то нервная я стала и словно поглупела. Как вчера вечером вела себя? Как тупая клуша. Разве можно так дурно о дочери думать? А ведь какими высокими чувствами жила прежде? Прямо не узнаю себя и презираю».

И чтобы окончательно не расстроиться, Ольга Николаевна занялась своим лицом перед трюмо. Для этого у неё была масса кремов и гелей. И это занятие отодвинуло прочь другие заботы. Всё-таки приятно быть красивой женщиной. И если что-то по-настоящему способно огорчить, так это морщины. Всё остальное можно пережить.

До нужного кафе можно было дойти через парк, двадцать минут ходьбы. В будний день, да ещё утром, в парке было безлюдно. По широкой, выложенной мелкими, под булыжник, плитками аллее две мамаши катили детские коляски, о чём-то живо общаясь. Парень в спортивном костюме пробежал по дорожке между соснами. Пожилой человек стоял, заложив руки за спину и опрокинув голову, следил за белкой, которая выставлялась перед ним, прыгая с ветки на ветку старой сосны. Да в окошке торгового киоска белело круглое лицо продавщицы с выражением безнадёжного ожидания. Вот и весь люд на этот час.

— Посиди здесь, — решила Марина. — Постараюсь не задерживаться.

Марина оставила Санчу на скамейке перед фонтаном, который находился посреди круглой площадки. Пусть смотрит на брызги, всё не скучно. Но Марина и на этот раз ошибалась, Санче в это утро совсем даже не до скуки было. Он впервые в жизни провёл ночь в одной комнате с девушкой. Нет, конечно, вырос он в жилище, в котором чуть ли не вповалку спали бабушка Марпа, мать, отец, две сестры и Санча. Но то же — родня. И это не считается. Так все жили в селище, отдельные палаты не имели, да и сподручней было обретаться семейно, сообща, во взаимной подмоге.

А вчера с ним приключилось такое, что всё ещё дух перехватывало. Девушка, которая ему прежде только снилась, во плоти привела его в свою комнату, попросила сесть рядом на один стул и обнять за талию, а потом ещё и уложила спать на ковёр в трёх шагах от себя. Да этого так много, что и дня не хватит, чтобы чувства и мысли привести в порядок, а пока в голове и на сердце творились полный переполох и ералаш.

Только одно было ясно — Санче сегодня хорошо было жить. Очень! Ему было настолько хорошо, будто он оказался на седьмом небе. Говорят, что там, на седьмом-то небе, — одно блаженство. И что это такое, Санча ясно понял в эти минуты. Он любил деревья вокруг себя, плитку под ногами, фонтан... А если всё и всех любишь, то это и есть блаженство.

Светло думалось о том, как он приедет в родное селение и как удивятся люди, увидев рядом с ним девушку, красивее которой быть не может. Но никто ему не позавидует, а каждый только порадуется за него. Марине понравятся его земляки, потому что они хорошие люди. Вот Ойко вспомнился. Увиделся, как наяву. Маленький, худосочный, с большими серыми глазами на сухощавом лице, бобыль сорока с лишним лет. От него только и слышишь — ой да ой.

Скажут — «Утки прилетели». Он тут же вскинется — «Ой, не верю!» — «Вон же стая летит». — «Ой, и правда летит». — «Так прилетели, значит?» — «Ой, сомневаюсь». — «Да в чём?» — «Ой, не утки, может». — «А что ж тогда?» — «Ой, не знаю». За эти «ой да ой» и прозвали его Ойко. А глаза у него были зоркие, видел он прекрасно, что это утки летят, но знал Ойко и то, что всякие бывают чудеса на свете. Вот, к примеру, кикимора Узя проходу ему не даёт. Бабушка Марпа, которая дружит с Узей, говорила Санче, что кикимора очень хочет выйти замуж за Ойко, но тот гонит её от себя и даже грозится побить палкой — «Ой, получиши!»

А то вот ещё вспомнился Дёля Пель. Пель — ухо, дёля — маленький. Ну, конечно, уши у него мелкие, как у медведя, но не настолько же, чтобы с детских лет носить это прозвище. Мужик он крепкий, будто валун на коротких и толстых ногах. Его ударить, так кулак отбьёшь, такой сбитый. С утра до ночи работает, как заведённый, а ночью жену обнимает. Так ведь ту как зовут? Юмо Синь зовут, а означает это — Сладкие Глаза. И впрямь всегда умильными были её глаза, не менялись. Бабы долго не гадали — отчего? Вывод сделали такой — хорошо по ночам муж обнимает. Силищи в этом Дёля Пеле было столько, что даже и не представить. Бревно поднимал, как хворостинку. Но иногда находила на него задумчивость, и тогда он как бы отрешался от реального мира.

Стоит, смотрит на небо. Санча подходит к нему, спрашивает:

— Чего, дяде, увидел?

— Облака летят, — отвечает Дёля Пель.

— Ну, и что?

— А крыльев нет. Как летят?

Очень возможно, что мысли его имели весьма конкретное направление. Если облака летят без крыльев, то почему человек им подобно не может парить? Значит, есть такая возможность, только найти её надо. Сразу на ум приходит — ветер. Но опять загвоздка! К примеру, сильный вихрь запросто подхватит Ойко и понесёт, такой он лёгкий. Но Дёля Пеля и страшенный ураган не оторвёт от земли. Нет такой силы, чтоб его поднять. И выходит, что из большого озорства судьба наделила задумчивостью, то есть мечтой о полёте, человека, который неотделим от земли, как валун.

— У него и мать с изрядной чудинкой. Всё куда-то спешит, как муравушка, минуты не усидит на месте. Совсем уже старая, кожа с костями срослась и потемнела от времени, а ноги всё держат. Её спрашивают, не от смерти ли бежит. «От неё, милые, — отвечает, — от неё». — «Так разве же убежишь?» — «Убегу, милые, убегу, — отвечает. — Я шустрая». И квохчет, тряся головой. Это она смеётся. А на деле не от костлявой улепетывает бабка, а никак найти не может. Вот оставила где-то, да запамятаала — где. Но это бы ещё ладно, так ведь и того не помнит, что оставила.

Дед Матвей, как Санча называл своего прадеда, говорил не раз с тихой и глубинной грустью о людях стойбища:

— Они — дети. Когда-то человечество было в младенческом возрасте. Потом повзрослело, даже постарело. А эти остались в детстве.

К примеру, тот же Дёля Пель берёзовый хлыст согнул в круг и прочно соединил концы. Его спрашивали — «Зачем тебе круг? Толку ж от него никакого». А он глубокомысленно молчал и всё о чём-то думал, глядя на свою поделку. Когда Санча впервые уехал из своего стойбища и попал в село, то увидел телегу, которая бежала за конём на четырёх кругах со спицами. Выходит, Дёля Пель придумывал колесо, но умом пока не дошёл до спиц. Дёля Пель немножко опоздал, да и то потому только, что и впрямь ни к чему было колесо в селище, окружённом каменистым предгорьем, тайгой да болотами. Пешком-то ходить трудно, а не то, что кататься на колёсах.

И в этот миг, когда сердце Санчи было наполнено счастьем, как мир вокруг него солнцем, возникло в голове видение, от которого всё изменилось, словно наступило полное солнечное затмение. И следа радости не осталось в душе, и фонтан перед глазами показался скучным. А представил Санча, как тот самый Ойко первый бросит в него камень. Как Дёля Пель с медвежьим рыком вскинет над головой целый погибельный валун. И все люди, которых Санча любил, будут в ярости метаться вокруг, проклинать его и бросать камни.

Эти безобидные люди пойдут на смертоубийство, если кто-то вздумает кощунствовать над Зарни Ань. А правду, которую для них подготовил Санча и ради чего спешит назад в стойбище, как раз и примут за великое кощунство, никому непростительное. Санча вполне допускал такой исход — его и слушать не станут, а забьют чем попало.

Но не за себя стало страшно Санче, когда он сидел в парке перед фонтаном. Жуткая мысль судорогой свела всё тело, когда он подумал о Марине. Она-то ведь

будет стоять в толпе. Но её убивать не станут, невест не хватает в селище. Оставят в живых и отдаут замуж за кого-нибудь из друзей Санчи. Такая ей достанется доля. От этой ужасной мысли Санче показалось, что у него в один миг поседели волосы. Правда, этого всё равно никто не заметил бы, потому что он и без того белоголовый.

В это самое время беспечальная Марина увидела блондинку с пышной копной волос, которая вышла из машины как раз напротив окна. Там была стоянка и в эти часы оказалась не столь забитой. Ни Марина, ни Лидия Осиповна в автомобилях не разбирались, но это была дорогая иномарка, уж в этом-то нельзя было ошибиться. И сама женщина была одета не броско, но в такие тряпки, которые стоят хороших денег. Так определила Лидия Осиповна, а Марина согласилась.

Кафе находилось на нижнем этаже жилого дома в небольшом продолговатом зале. Народу в этот час было немного. Лидия Осиповна и Марина заняли столик у большого, на всю стену окна и пока заказали кофе себе, не зная, чего захочет Анна. Когда та прошла в зал, Лидия Осиповна поднялась и помахала рукой. Женщина деловито двинулась к столику, заняла стул между старухой и девочкой, молча перевела настороженный взгляд с одной на другую, поздоровалась и спросила:

— Что вы хотите? У меня очень мало времени.

Провести Лидию Осиповну ещё никому не удавалось, она разбиралась в людях, как никто, и никогда не поверила бы, что эта женщина может быть каким-то делом занята. Уж больно изнеженная, Лидия Осиповна сказала бы — настоящая фифа. Если и есть занятие, так только перед зеркалом крутиться.

— И сына некогда повидать? — спросила Лидия Осиповна.

— Это что? — Анна явно сделала вид, что насторожилась. — Шантаж?

Собственно ей можно было не приходить на свидание с этой старухой. Прошло около двадцати лет. Если Прокопий на самом деле жив, то Анну судить не будут. Столько ж воды утекло! Да и как можно доказать, что юрту она подожгла? Так что бояться нечего.

Теперь Анну занимали совершенно конкретные житейские вопросы — чего от неё хотят эти люди?

— И где он? — подчёркнуто спокойно спросила Анна.

— Сынок? — догадалась Лидия Осиповна.

— Недалеко, — ответила Марина. — Позвать?

— Нет, подожди, — поспешил вскинуть руку Анна и виновато улыбнулась: — Я не готова.

Минуту сидела, бессмысленно выводя кончиком пальца вензеля на столешнице, потом подняла голову. Она уже успокоилась и спросила несколько даже высокомерно:

— И как докажете, что он мой сын?

— Ага! — торжествующе воскликнула Лидия Осиповна. — Вот и призналась, что родила!

— Вы можете сказать открыто, что вы от меня хотите? — раздражённо спросила Анна.

— Лично я — ничего, — поспешила заявить Марина.

— Да и мне от тебя ничего не нужно, — бросила Лидия Осиповна.

С первой минуты Лидия Осиповна настроилась против Анны, она презирала избалованных женщин, которые сами по себе ничего не стоят, а кукольной слизливостью дурачат мужиков, и те их балуют без меры. Она не любила их за то, что им повезло. У Лидии Осиповны поклонников было довольно, многие из них добивались благосклонности, обещая осыпать бриллиантами, а никто и медного колечка не подарил. Можно сказать, не везло официантке ресторана с клиентами, всё шушера попадалась, командировочные пузыри. А мордашкой не хуже была этой фифы, что сидела напротив.

— А кто вас послал? — спросила Анна.

— Странный вопрос, — усмехнулась Марина.

— Приехал твой сын, — решительно пошла в наступление Лидия Осиповна. — Понимаешь? Попросил нас найти мамочку. Хочу, говорит, увидеть маманю и обнять.

Марина поморщилась, ей не понравился фамильярный тон Лидии Осиповны, это было слишком. Но Марина заметила и то, что Анна сникла, высокомерие сошло с лица.

— Он остановился у нас, — смягчила беседу Марина. — Санча стал моим другом.

Может быть, и не стоило так уж уточнять, но почему-то Марине стало жалко женщину.

— Его зовут — Санча? — быстро спросила Анна.

— Элексан, — добавила Марина.

— Александр, по-нашему, — подбросила Лидия Осиповна.

— Собственно, — продолжила тем же сочувственным тоном Марина, сама не понимая, почему ей жалко этой ухоженной женщины, — он только хотел узнать, не надо ли вам помочь. Может быть, вы в бедности... Это он так думал.

— Лисьи шкурки привёз, — всё-таки вставила шпильку Лидия Осиповна. — Загляденье!

И глазки закатила.

— Да, — согласилась Марина. — Он обеспечен. Так что вы не беспокойтесь.

Но, видимо, не бедности сына опасалась женщина, а чего-то совершенно другого. Похоже, даже огорчилась, что нет возможности отделаться деньгами от собеседниц. Лидия Осиповна загадочно улыбнулась, проницательно, как ворожея, заглядывая в глаза женщины.

— Мужа боишься? — спросила она.

— Что вы сказали? — даже не поняла от неожиданности Анна.

— Муж-то знает, что был у тебя в молодости грешок? — доверительно спросила Лидия Осиповна. — А то я случай знаю. Одна гулящая досталась мужу девственницей. А как? Да хирурги помогли. Грешки-то скрыть, я имею в виду. Не тот случай?

— Не вам судить! — запротестовала Анна, даже глаза повлажнели.

— Голосок-то не поднимай на меня, — сдержанно попросила Лидия Осиповна. — Ты мне ничего не сделаешь, а я могу тебе жизнь испортить. Так что сиди, как мышь под веником.

Власть над человеком — наркотическое наслаждение. Это уж точно! Прямо кайф. Это Лидия Осиповна по себе знала.

— Чего от меня хотите? — потерянно спросила женщина.

— Бестолковая что ли? Сына обними, мамочка. Вот чего хотим.

«Сына обними»… Что они знают? Не рассказывать же им о том, как акушерка и мама уверяли, что ребёнок родился мёртвым. Но она слышала через перегородку детский плач. Потом проскрипела дверь, кто-то пришёл. Обессиленная Аннушка различила густой мужской голос, а ребёнок всё плакал. Потом снова хлопнула дверь, и стало тихо. Ещё три дня Аннушку держали в медпункте, роды прошли тяжело. Мама была постоянно рядом, она сказала, что трупик похоронили, но в подробности не вдавалась и даже не хотела об этом говорить. Однако Аннушка всю жизнь была уверена, что родила живого ребёнка, но его у неё отобрали, чтобы не помешал он устроить ей жизнь.

Уже через несколько дней Аннушка с родительницей уехали навсегда из деревни к деду и поселились в его квартире. Дядя Володя помог поступить в местный медицинский институт. Учёба не увлекала Аннушку, она к этому времени очень похорошела, прямо-таки расцвела, и от ухажёров отбоя не было. Она понимала, что может упустить момент, что сиденье за учебниками не прибавляет свежести лицу, а заманчивое сияние глаз тускнеет от долгого чтения. Да и не было в ней жалости к больным, это она чувствовала внятно, в ней много было брезгливости. Какая она медичка!

Тот же дядя Володя познакомил с одним человеком всего на девять лет старше её, который преуспевал в каком-то бизнесе. Но не то важно — в каком, а то, что он влюбился в Аннушку по уши в буквальном смысле — они пунцовели при каждой встрече. Лидия Осиповна не ошиблась в догадке, у дяди Володи был знакомый хирург. И по сей день счастливый супруг считает, что он у жены единственный мужчина, и почему-то чрезвычайно этим горд. Должно быть, жёны друзей и знакомых дали повод для этой гордости.

Можно с ума сойти при одной мысли, что муж узнает о сыне Анны. Это будет конец оранжерейной жизни, в которой одни улыбочки, поцелуйчики, восхищения и дорогие подарки.

— Нет! — невольно воскликнула женщина.

Собеседницы удивлённо уставились на неё.

— Я хотела сказать, — стала объясняться Анна, — что мне никак нельзя. То есть я не то хотела сказать. Я даже и не видела его. Понимаете? Мне сказали, что он умер. А это всё равно, что его не было. Господи, что я говорю?!

— Да поняла я, поняла, — махнула рукой Лидия Осиповна. — Боишься мужа. Чего доброго, выкинет за порог.

— Боюсь мужа? — ухватилась за спасительную ниточку Анна. — Пусть будет так. Думайте обо мне, что хотите. Но ведь он уже взрослый. Зачем я ему нужна? Ведь он поломает мою жизнь! Вы хоть это понимаете?

— С ней всё ясно, — сказала Лидия Осиповна Марине.

Марина сидела, опустив голову. Теперь она презирала эту женщину. Нельзя так зависеть от мужа. Это какое-то рабство прямо-таки!

— Ладно уж, беги к супругу, — позволила Лидия Осиповна.

Анна суетливо поднялась и устремилась к выходу, но резко остановилась и кинулась назад.

— Я могу его увидеть? — спросила она. — Но так, чтобы не заметил.

— В эти игры не играю, — отчуждённо ответила Лидия Осиповна и стала подниматься.

— Ну, отчего же нет? — согласилась Марина. — Идёмте.

И вскоре все трое перешли на ту сторону проспекта, где находился центральный вход парка. Марина повела женщин по одной из аллей и вышла к фонтану, перед которым в большой задумчивости сидел Санча. Анна застыла, увидев парня. Он был настолько похож на неё обликом, что окажись рядом, никто и спрашивать не стал бы, кто они друг другу. Какая-то непонятная тёплая волна охватила сердце и будто понесла, отчего закружилась голова. Анна испугалась, что упадёт, отчаянно махнула рукой, словно отбиваясь от наваждения, и стремительно пошла прочь, чуть не бегом, забыв попрощаться. Уж явно ей было не до этого. Смотревшая вслед Лидия Осиповна спокойным голосом произнесла:

— Стерва!

Она как-то заметно увяла, на лице пропустила серая усталость, и было отчего — охота завершилась ничем. Лидия Осиповна подошла к ближней скамье и присела. Марина не спрашивала о самочувствии, и так видела. Она стояла перед женщиной, не зная, что делать.

— Не расстраивайтесь, — попросила она.

Лидия Осиповна показала рукой, чтобы Марина села рядом.

— Ничего, девочка, — ответила Лидия Осиповна. — Насмотрелась я на людей. И не таких встречала. Ну, да Бог с ней! А я вот что тебе хочу сказать, девочка. Маму твою понимаю, но не всегда поступай так, как взрослые хотят.

— Я давно вышла из пелёнок, — пошутила Марина.

Женщина задумчиво молчала, уставясь в какую-то свою даль.

— Был у меня офицерик, — неожиданно начала она. — Лейтенант. Молоденький. И я ещё девчушкой была. Только работать стала. И звал он меня... Знала бы ты, девочка моя, как он меня звал! Не обещал, как другие, златые горы и кисельные берега. И климат суровый, и квартиру придётся снимать поначалу. Но он стараться будет и в чины войдёт. Не сразу, конечно, не за год и не два... Не скрывал, что пока трудно придётся. «Но мы будем любить друг друга», — уверял он меня. Простенькие ведь слова, а вот запомнились, и видать, уже не забуду. Уж как звал, а я не поехала.

— Куда же звал?

— На Сахалин.

— Испугались?

— Да ведь какая даль! А теперь думаю, тут-то выиграла чего? Может, единственно, кому нужна была. А теперь одна, как... Ай!

Старуха сердито отмахнулась от воспоминаний и поднялась.

— Я уж не пойду к вам. Маме сама расскажешь. Прощай, девочка! Смотри, не упусти...

И пошла, недоговорив. А Марина проводила её взглядом и направилась к Санче. Он не заметил, как она подошла. Она села рядом, Санча коротко посмотрел на неё и участливо спросил:

— Ей надо помочь?

— Да нет. Ни в чём она не нуждается.

И он как-то сразу успокоился, потерял всякий интерес и не осведомился даже, хотела она его видеть или нет, — то было в стороне его сиюминутных забот.

— Надо билет покупать на поезд, — сказал Санча, опустив голову. — Один. Ты не поедешь со мной.

Марина чуть было не рассмеялась, да вовремя удержала себя от неуместного

веселья. С чего это решил, что она собралась с ним? Вроде никакого повода не давала. И ведь таким тоном сказал, с такой обречённой жалостью, будто она тут же на колени бросится и умолять станет, чтобы помилосердствовал, не обижал бедненькую, не бросал. Да её суковатой палкой не погонишь в те дикие края, где живут непонятные люди. Что ей там делать? Комаров кормить? Да уж как-нибудь обойдется без неё, кровососы. Она клопа-то живого не видела. Спит в белоснежной постели. А по утрам любит под тёплым душем постоять. Она без удобств не желает. Чего бы ради? Скажите на милость...

И тут её остренький ум споткнулся о простенький вопросик — а что, она ради Санчи и шага не сделает? Что так уж он ей до лампочки? Санча уезжает. Вот ведь что происходит. Причём тут комары и тёплый душ? Уже завтра его не будет. И, возможно, никогда больше не увидятся. А как ей без него? Почему так больно сердечко сжалось, как она только представила свою улаженную жизнь без Санчи? Что это, минутная грусть? А если не минутная?

Но ёщё в большей растерянности оказалась Лидия Осиповна, как вернулась в квартиру. Присела в кухне у окна, уставилась на двор, забитый машинами, среди которых упорно, просто-таки героически зеленели три дерева, и уж так что-то худо стало женщине, словно сразу всем телом занедужила. Ничего вроде не болело, нигде не свербело, не кололо, а чувствовала, что в теле нет жизни, одна печаль осталась, да память мерцала, как уголья затухающего костра. И отрывчатыми кусками увиделась прожитая жизнь — беготня с подносами в ресторанных залах, подслушивание чужих разговоров, слежка за «подозрительными». И чего она совала нос в чужие жизни? Какое ей было дело, что люди говорят?

А ведь как ревностно старалась вывести на чистую воду «инакомыслящих»! На них всегда велась охота в государстве советском, словно можно было отучить ум от вредной привычки думать. Скольким людям испортила, а то и сломала жизни своими доносами, искренне веря, что служит добру. Людей увольняли с работы, а то и в дурдом устраивали. И чего теперь, на старости лет, кинулась выяснять, кто кем приходится кому-то? Ей-то какая забота?

И так отчётливо, будто вживую, увиделось лицо молоденького лейтенантика, его непрятворные глаза смотрели с мольбой, и незабытые слова прозвучали явственно, но так запоздало:

— Мы будем любить друг друга.

И старуха поняла, что это был единственный человек, ради которого она родилась. Только с ним она прожила бы свою подлинную жизнь, а не ту, никакую.

Но уже ничего не поправить...

От уныния сердце могло остановиться, однако нервы оказались крепкими, ничего с Лидией Осиповной не случилось, и через час она сидела с бабками на дворе и рассказывала про гостя. И впрямь не «здешний» оказался. Лисицу предлагал ни за что ни про что, в подарок, мол. А знает она эти подарки. Позарышься на халяву, а потом пожалеешь. Не взяла, отказалась.

Однако бабки её не поняли. Как это можно от лисьей шкуры отказаться? Зачем? Это же не каждый день такие гости приезжают. Может быть, в жизни-то разок и выпадает такой случай. Лидия Осиповна чего-то тут не договаривает, или бабки уж ничего не понимают.

— А сколько я ему сделала! — просветлённо проговорила Лидия Осиповна. — Родную мать нашла. Можете представить?

Глава 10

В нескольких словах Марина рассказала о состоявшейся встрече и пошла в душ, утром же её подняли, как по тревоге. Ольга Николаевна поняла так, что женщина отказалась от сына, не захотела знакомиться. Видать, с характером. Ольга Николаевна напомнила про фотку, но дочь так брезгливо фыркнула, что лучше и не спрашивать было.

У Санчи Ольга Николаевна не стала выяснять, что да как, — право же не до этого ей было! — а усталыми от переживаний глазами смотрела на парня и всё подыскивала вопрос, с которого бы ловчей было начать разговор о том, что её больше всего тревожило. Они сидели за кухонным столом, Санча завтракал. И словно угадав её мысли, Санча сам заговорил о том самом.

— Марина очень хорошая, — сказал он, налив в кружку чуть ли не одной заварки, видимо, у них там было заведено пить густой чай.

От его слов Ольга Николаевна замерла прямо, сердце нехорошо заныло и чаще забилось. Какая же она тонкая натура! Будто из одних нервов соткана! Тут же слова Санчи и привели бедную женщину в полное уныние. Санча перевёл пристальный взгляд на Ольгу Николаевну и осторожно проговорил просительным голосом:

— Только вы не обижайтесь.

«Ну, вот, — обречённо подумала Ольга Николаевна, — теперь скажет, что они сговорились, и он увозит Марину».

— А ты всё продумал? — жалостливо к себе спросила Ольга Николаевна.

— Очень хорошо.

— О ней-то, о ней?

— Я о ней думал. Не о себе. Много думал.

— Ты меня пойми, Алёша. Я мать. Материнское-то сердце, ведь оно как воробышек.

Слезливые слова Ольги Николаевны гость понял по-своему. Ведь любой матери бывает обидно, когда её дочь отвергают. Санча это хорошо понимал, и ему стало жалко Ольгу Николаевну.

— Она хорошая, — который раз повторил Санча и добавил: — Но я не жениюсь на ней. Мне нельзя.

У Ольги Николаевны дыхание сбылось. Не ослышалась ли?

— Оставил её? — спросила осторожно Ольга Николаевна.

— Ей нельзя ехать со мной. А мне спешить надо.

Теперь-то уж можно было не сомневаться, что слух не подвёл. Ольга Николаевна замельтешила руками, суетливо вскочила, да застеснялась своей откровенной радости и выбежала с кухни. В кабинете мужа она подошла к окну и стала, глядя на небо, суматошно креститься, что было непривычно ей, но душа в своём ликовании прямо-таки призывала к тому, и Ольга Николаевна осеняла и осеняла себя крестом в искренней благодарности.

Успокоившись, она вернулась в кухню. Санча допивал вторую кружку чая.

— Плакала? — спросил он сочувственно.

Ольга Николаевна поспешило поднесла платочек к сухим глазам и кивнула, а для пущей достоверности даже шмыгнула носом. Санча больше не разговаривал

с ней, углубился в какие-то свои сумрачные мысли, а допив чай, ушёл в комнату Марину. Хоть бы «спасибо» сказал. Да уж чего там!

Вскоре Марина вышла из ванной, и оба закрылись в её комнате, о чём-то бесконечно говорили, но теперь Ольга Николаевна чувствовала себя спокойно. Она пошла в гостиную и устроилась в кресле, на спинке которого лежали две лисьи шкурки. Ольга Николаевна из какого-то весёлого озорства устроила на груди через плечи пушистые хвости, как роскошные косы, и включила телевизор. В новостях говорили, как обычно, о новых грабежах, пожарах, убийствах и взяточниках, но Ольга Николаевна смотрела на экран отстранённо, хотя всегда возмущалась тем, что вытворяет человек, насколько он озверел. Счастливое сердце чужую боль не слышит.

Зато Марина была вся на нерве, как сказала бы мать. Санча вечером уезжал, а столько осталось неясного, недосказанного... Прямо жуть какая-то!

— Можешь быть предельно честным? — спросила Марина.

— Как это — «предельно»? — спросил Санча.

Что можно быть наполовину честным, а на остальную половину — лукавым, Санча и представить не мог. И Марина смущалась под его ясным взглядом.

— В общем, так, — сказала она, — я тебя спрашиваю, а ты отвечаешь. В молчанку не играть. Договорились?

— Как хочешь, — пожал плечами Санча.

Он сидел на краю тахты, а Марина устроилась на колёсном кресле и подкатила к нему. Она так строго смотрела на него, что Санча немножко оробел.

— Ты зачем приезжал к нам? — спросила Марина.

— Я говорил. Забыла?

— Потому что отец попросил?

Задавая этот вопрос, Марина хотела напомнить Санче, что ехал он ещё и к «невесте». Не важно, что не знал, есть она в природе или нет её, но намерение-то было реальным. Вот и хотелось выяснить, что он скажет о «невесте». Почему отказался от неё? А ведь после разговора в парке это так и надо понимать — отказался, отверг, отрёкся.

Но Санча беспокойства девушки не понял, а решил ещё раз объяснить, почему тут оказался. Он-то думал, что Марина этого от него добивается.

— Отец попросил, потому что дед его попросил, — толково ответил Санча. — Я отцу не мешал. Я деду мешал. Дед как думал? Пока Санчи не будет, он сделает то, что задумал. А потом пусть Санча приезжает.

— Ладно, это ясно. А что дед задумал. Ну, да! Ты не знаешь. Тогда вот как я спрошу. А почему деду нужно какую-то правду прятать? И что это за правда? Ты можешь объяснить?

— Могу.

— Тогда объясни.

— Долгий разговор получится.

— До вечера хватит тебе времени?

— Хватит.

— Тогда не сиди и не хлопай глазами, а начинай. Я слушаю.

— Надо с прадеда начинать.

— Так начинай, начинай. Хоть с Адама.

Она говорила нарочито грубо, но он-то видел, как она хочет его слушать. И Санча стал говорить о Матвее Мезенцеве, о своём главном учителе. И начал с того, что люди селища были довольны своей жизнью и другой не хотели. А прадед Матвей сказал как-то уже повзрослевшему внуку:

— Они вымрут.

Вот так и сказал. Только голос его прозвучал очень печально.

— Почему? — удивился Санча.

— Они дети, которые не хотят взрослеть.

Матвей Мезенцев считал себя православным человеком, но не выставлял веру напоказ, нёс её потаённо в себе со скромным достоинством. Люди же вокруг него верили в Зарни Ань, с малых лет усвоив, что богиня видит всё и всё слышит. Даже мысли угадывает, её не обманешь. Матвей Мезенцев называл детьми этих милых его сердцу людей, потому что они оставались язычниками, когда всё остальное человечество давно повзрело. Но отчего был уверен, что они «не хотят взрослеть»? Вот чего не понимал Санча, его ученик. И естественно, спрашивал прадеда, почему подобно Стефану Пермскому не просвещал людей стойбища. За годы своей бытности в этом краю он мог бы всех — и даже по одному! — обратить в христианскую веру. А он этого не сделал.

На это Матвей Мезенцев ответил, что не раз об этом сам думал, но не мог одолеть сомнения — людям-то лучше ли будет? Ведь страшно было столкнуть их с нынешней действительностью. Но дело было не только в этом и даже совершенно не в этом. Хорошо запомнился Санче пример, который в доказательство привёл прадед.

— Бабку свою Марпу возьми. Вот она дружит с кикиморой Узей.

— С кем дружит? — спросила Марина, решив, что услышала.

— Да она и с домовиком ругается каждое утро, — ответил Санча.

Домовик хоть и стар, а ведёт себя хуже ребёнка. Всё норовит спрятать что-нибудь бабкино. Вечно под рукой не оказывается то ступы, то пестика, то ложки, то чашки, то веника, то ухваты. Как тут не браниться? Только задремала бабка Марпа, домовик вылезает откуда-то и начинает шебаршить.

— Дурачишь меня? — усомнилась Марина.

— Зачем так говоришь? — обиделся Санча.

— Так что, бабка твоя видит домовика?

— Конечно. А что тут такого? И кикимору видит. И не одна баба Марпа. Многие в стойбище видят. Не все, но очень многие.

— Кого видят? — уточнила Марина.

— Всех видят. Водяного, лешего, баника... Да всех. Только у нас они по-другому зовутся — Васа, Вэрса, Пывсян айка. По-русски — кикимора, а по-нашему — Олыся.

— Олеся?

— Не Олеся. Олыся. Значит, живущая. В болоте живёт обычно. А Пывсян айка — в бане.

Рассуждал Санча исключительно всерьёз. Марина перебила вопросом:

— Ты-то их видел?

Он осекся, опустил взгляд, почему-то вздохнул, будто сожалея.

— Я их не вижу.

— Другие видят, а ты не видишь. Почему?

Санча коснулся кончиками пальцев головы и сказал:

— Ум другой. У тебя тоже. Всё дело в этом. Вот прадед Матвей и говорил, что она своя в природе, равная, баба Марпа.

Пойдёт по воду, обязательно поболтает о том, о сём с водяным. И с лешим она встречается запросто. Всё его учит, чтобы людей не пугал. А это всё равно, что вороне говорить — не каркай. Как думаешь, спрашивал прадед, она согласится с тем, чтобы леший, домовой, кикимора остались в сказках, а не в её реальной жизни? Поди-ка да спроси.

Матвей Мезенцев умер три года назад глубоким стариком. В последнее время, пока был ещё в незамутнённом разуме, всё настойчивей убеждал Санчу покинуть селище.

— А ты почему не уехал? — как-то ответно спросил Санча.

— Я жил ради этого свидетельства, — ответил прадед, достал из-под подушки заранее приготовленную рукопись и передал Санче в руки. — «Закончен труд, завещанный...».

Он грустно улыбнулся. Но позднее, думая о нём и вспоминая многие беседы, Санча пришёл к пониманию, что не только ради своей книги оставался прадед в том краю, а ему мечталось, видимо, научиться и увидеть мир глазами людей, которых называл «детьми», сокрытый нынешнему человеку мир.

Что же касается книги, то Санча знал, что прадед ведёт какие-то записи, но тот никогда не знакомил его с ними. А передав ему толстую тетрадь в кожаном переплётё, Матвей Мезенцев сказал, что «этот текст» можно будет когда-то напечатать, и даже обязательно, однако, спешить с этим не надо. Прадед боялся того, что опубликованная книга может навредить жителям стойбища. Их будут искать и найдут, а уж потом в покое не оставят. Чего доброго учёные начнут копаться в мозгах бабки Марпы, да тем старуху и уморят. У этих учёных любопытства больше, чем совести.

— Храни, пока будешь жив, — попросил прадед. — А я нынче ночью помру.

И до утра его не стало. А Санча бережёт книгу, которую можно будет напечатать только тогда, когда не будет в его родном стойбище ни одного жителя. А Санча-то хотел, чтобы земляки жили и жили...

Марина считала, что прадед был прав, нечего Санче оставаться в глухом лесу с отшельниками, а надо судьбу направить по другому руслу, пока не поздно, пока молодой. Вот и Марина помогла бы устроиться в городе. А чего не помочь человеку?

— У вас же принято слушаться старших? — напомнила Марина.

— Я послушался, — ответил Санча.

— Но ведь назад едешь. А прадед чего хотел? Чтобы ты учился.

— Он не знал, что дед задумает спрятать правду. А я знаю. Как я могу оставаться здесь, а не быть там, если знаю?

— Ну, так расскажи про деда, — попросила Марина. — Может, я всё-таки чего-то пойму.

Дед Харла человек скрытный, никто не знает до конца, какие мысли таятся в его голове. С малых лет его готовили служить Зарни Ань. Всю свою жизнь он честно выполнял свои обязанности. И настолько въелась в его суть эта служба или служение, что себя без этого не представлял. Он был тем солдатом, которого

поставили на пост, и ему в голову не могло прийти покинуть его без приказа. А приказать было некому, главный тун давно умер, оставил Харлу вместо себя. Теперь и сам Харла постарел, пережив шестьдесят пять зим. Сил прежних уже не стало, и надо было думать о преемнике.

Кроме главного туна, в пещере, в которой находилась Зарни Ань, никто не смел входить. Да и охотников пока не находилось. Не было таких дурней, кому так уж не терпелось получить в бок стрелу, которая прошивала человеческое тело насеквозд? Говорили, в тёмной пещере стоят сторожевые самопалы, хорошо скрытые. И только главный тун знал секрет, как на время их обезопасить.

Дед Харла хотел Санчу оставить после себя. И другого выбора у него не было. Вот почему Харла однажды повёл внука в пещеру. Он прежде сказал, что это главное испытание для Санчи. Если выдержит эту проверку, то будет главным туном после деда. А если нет...

Об этом старому Харле даже подумать было страшно.

То, что Санча увидел там, никак нельзя было назвать — Зарни Ань.

Разговор перебила Ольга Николаевна, осторожно постучав в дверь. Марина сердито обернулась.

— Что тебе, мама?! — крикнула она не самым добрым голосом.

Марине хотелось узнать, что же он увидел в пещере, а не слушать мамины глупости. Что-то ж там хранилось шестьсот лет?

Ольга Николаевна опасливо просунула голову в приоткрытую дверь. На лице появилась умильная улыбка.

— Лидия Осиповна звонила, — сообщила Ольга Николаевна.

— И что ей надо? — так же сердито спросила Марина.

— Лисью шкурку хочет забрать.

— Чего хочет?

— Да Саша ей шкурку подарил. Она отказалась. А теперь передумала.

— Раз подарил, пусть забирает, — пожала плечами Марина.

— Я сказала, что Саша уезжает. Так она сказала, что приедет попрощаться.

Может, выйдете?

— Скажи, нас нет, — с досадой бросила Марина. — Она твоя гостья.

— Нехорошо, — сказал Санча. — Надо попрощаться.

— Ну, ладно, — без охоты сказала Марина матери. — Приедет старуха, выйдем.

Довольная ответом Ольга Николаевна усиленно закивала и бесшумно прикрыла дверь.

— Ну, говори, Санча, — живо попросила Марина.

Потрясение от увиденного у Санчи было так велико, словно перед глазами рухнули горы, и открылось пространство пугающей огромности. Даже дух перехватило.

— Где Зарни Ань? — спросил Санча.

— Её нет, — ответил спокойно дед Харла. — И никогда не было.

— Значит, люди верят в то, чего нет?

— Это не важно, — сказал дед Харла.

— А что важно?

— Что верят.

И дед стал объяснять, что ничего не изменилось бы, если бы в пещере стояла

настоящая золотая скульптура женщины со светящимися глазами? Люди селища всё равно никогда не увидели бы её. Так что для их веры совершенно не имеет значения, что таится в пещере. Значение имеет только одно, чтобы оставалась вера, которая им помогает жить. Вот что важно! Это главная наука для будущего главного туна. Она пошла от Жалейки и держалась много веков. Теперь Санча должен был её принять. Это и было главным испытанием.

Но к великому огорчению Харлы внук стал уговаривать деда открыть правду людям, чтобы положить конец обману, который длился века. Ложь — всегда плохо.

— Что плохого, если людям хорошо? — возразил дед. — Без веры не будет лада между людьми. Ты этого хочешь?

Всё-таки Харла ещё надеялся, что внук его Санча покорится разуму деда. Но внук его Санча был сильно испорчен знаниями, которые передал ему прадед Матвей Мезенцев. Он настаивал на том, чтобы открыть правду, другого пути не видя. И нашла коса на камень...

— А что, что ты увидел? — нетерпеливо настаивала Марина.

— Помнишь Прокудливую берёзу? — спросил Санча и продолжил: — Ну, конечно! А я говорил или нет про часовню? Если нет, то теперь скажу.

И Санча стал рассказывать о том, как Стефан поставил на месте порушенной берёзы часовню и повесил колокол. А колдун Жалейка не раз приходил и, таясь поблизости, слушал звон этого колокола. Тогда, видимо, ему пришла мысль. И однажды ночью колокол исчез. А украли его люди Жалейки по наущению самого колдуна. Вот этот-то колокол, обёрнутый в оленьи шкуры, и несли на носилках в сторону Урала новоявленные хранители, рослые и белоголовые.

Колокол был ребячьего роста, чуть выше метра, и впрямь походил на бабу в малице с широким подолом. Это, видимо, и толкнуло на мысль колдуна Жалейку. Никто, кроме него и хранителей, не видел, что завёрнуто в оленьи шкуры. Хранители сами снимали с крюка, сами пеленали, но они и слыхом не слыхали о колоколах и всей душой поверили туну, что вызволили из неволи Зарни Ань.

В пещере Санча увидел высокие козлы, сбитые из толстых лиственниц, которые за века ссохлись до железной прочности. К верхней перекладине и был подвешен колокол, с языка которого свисал жгут, сплетённый из полосок замши. Так и поныне оленеводы плетут тынзян, аркан то есть.

Звук колокола зарождался, как рык в горле медведя, глубинно, утробно, потом вырывался на волю, раструбом пещеры стократно усиленный, и нёсся высоко над лесами. Каждая гора по-своему отражала звон, эти отзвуки сплетались в пространстве, возникали раскаты и стоны, они были столь причудливы, что ни с какими другими земными звуками не сравнить, и потому вызывали особенную оторопь у простодушных людей.

Богиня напоминала о себе только тогда, когда злилась на селян за их неразумное поведение. Сердитый вопль богини был настолько громок, что закладывало уши. Многие женщины теряли сознание, настолько гневный рёв был страшен. Даже самые отважные охотники робко опускали головы, будто уже готовые к тому, что на них обрушится небо.

Чем испытывать такие ужасы, лучше не злить богиню. И люди вели себя так, как было заведено истары предками, не обижали баб и детей, не злились друг на

друга, не убивали зверя без надобности, не рубили деревья без нужды. Люди старались в любых случаях поступать осторожно, чтобы не вызывать гнева у богини.

— Вот и вся тайна Зарни Ань, — закончил Санча.

Теперь понятно стало, какую правду хотел скрыть от людей главный тун, который ошибся в наследнике. Никакого другого выхода у него не было, кроме одного — оставить после себя пустую пещеру и вечную тайну о Зарни Ань. И дед отослал Санчу, чтобы не мешал задуманному замыслу. Деда не станет, и Зарни Ань навеки исчезнет.

Люди в селище будут жить, как жили века. А значит, останется обман. Санча не может этого допустить. Надо успеть вернуться, пока дед не упрятал колокол. Утопит в болоте, и нет концов. Вот почему надо ехать.

— Тебе что-то грозит? — спросила Марина.

— Конечно, — просто ответил Санча.

— Можешь никогда не вернуться?

Но тут ожил дверной звонок, разлился птичий трелью, и лицо Марины поскучнело. Не будет покоя от этих взрослых!

— Приехала, — недовольно поморщилась Марина. — На такси прикатила. Выйти придётся.

— Хорошо, — согласился Санча.

А в дверях комнаты взял её за плечи своими большими осторожными руками и чуть привлёк к себе. Был же гораздо выше ростом, ей пришлось опрокинуть голову, чтобы его глаза увидеть. Марина почувствовала, как вспухли губы, горячими стали. Смешно! Его лицо тоже стало напряжённым, а обычно серые глаза прямо-таки родниковой голубизной светились. Что-то уж очень важное для него хотел сказать. Но промолчал, отвернулся, руки безвольно соскользнули с плеч. Ну, чего он испугался? Она же готова была выслушать. И перебивать бы не стала. Такая досада взяла, что прямо с кулаками хотелось накинуться. Но он уже открыл дверь.

В прихожей Лидия Осиповна прятала в целлофановый пакет шкурку, ей в этой работе помогала Ольга Николаевна.

— Думаю, ещё обидится, — поясняла Лидия Осиповна. — Подарок, мол, не взяла. Побрезговала. И так ведь можно понять. А молодые, они ведь какие? Они же очень обидчивые.

Заметив Марину и Санчу, старуха пришла в умиление.

— Погляди, Ольга! — воскликнула она, прижав мягкий пакет к груди. — Какая пара! Загляденье!

— Да ладно уж вам! — замахала рукой Ольга Николаевна. — Уезжает Саша.

— Вот как! — Лидия Осиповна уставилась на Марину.

Заметив это, Ольга Николаевна заслонила собой дочь и сердито шепнула старухе:

— Не едет она, не едет. Вы уж...

Что случилось дальше, могла перенести только Лидия Осиповна, закалённая превратностями судьбы женщина. Девчонка-то велела своему хахалю попрощаться с бабушкой и повела его обратно в свою комнату. А мать грубиянки стояла перед Лидией Осиповной и молчала. Явно ждала, когда уберётся старуха. И что оставалось делать Лидии Осиповне? Только уйти. Когда этой фифе надо было, так

воспользовалась её отзывчивостью, а теперь не нужна стала. Дочка-то остаётся при ней. Чего ешё? Да пошли они все...

Хотя и работала официанткой, но никогда себя ниже других Лидия Осиповна не ставила, а даже наоборот — всегда чувствовала превосходство. И на этот раз в её голове промелькнула мстительная мысль — «Я вам покажу!». По телевизору видела, как сектанты устроились в подземелье и там собирались пережить конец света. Чуть не каждый день показывали, как их уговаривают, чтобы выбрались. Вся страна переживала, небось. А тут целая деревня прячется в глухомани. И никто — ни слухом, ни духом. Что за люди? От чего прячутся? От кого? Попусту хорониться не будут. И как это так — без учёта живут?

А что, если там скрываются бандиты или ешё какие-нибудь незаконные люди, террористы, к примеру? Накуролесят в городах и прячутся в своих берлогах. Всё может быть в наше время. По тому же телевизору только и слышишь — «по горячим следам никого не нашли». А, может, не там ищут? В голове Лидии Осиповны возникла мысль, что надо непременно сигнализировать, куда положено. Парень уедет, поздно будет. А так его задержат, и всё подробно выведают о лесных людях. Эта решительная мысль помогла Лидии Осиповне уйти с большим достоинством.

В своей комнате Марина слышала, что гостья ушла, но не придала этому никакого значения. На этот раз она усадила Санчу в кресло, а сама села на тахту и смотрела снизу вверх, не скрывая приязни.

— А что с тобой может случиться? — нетерпеливо спросила Марина.

Глаза её светились участием, лицо её порозовело, и губы набухли. А Санча почему-то стал сумрачным, даже печальным. Он раскрыл книгу Матвея Мезенцева, которая лежала у него на коленях, и без всяких предварительных слов стал переводить то, о чём свидетельствовал летописец.

В своей книге Матвей Мезенцев описал одно немаловажное событие, которое случилось в шестидесятые годы прошлого столетия. Один из хранителей ушёл в большой мир и не вернулся назад. А там у него возникли сложности с получением паспорта. Вот он и признался властям, кто и откуда есть. Милиция устроила ему подробный допрос и назначила проводником отряда из десяти вооружённых автоматами милиционеров. Только дурное начальство могло такое придумать. Да разве от этого легче? И ведь не сталинские же времена были, а уже брежневские. Но дури всегда хватало.

Для жителей Выльтима — тогда ешё было два селища — погожее летнее утро началось тревожно. В девственной тишине послышался далёкий рокот, который становился всё явственней, и потому всё больше народа выбиралось из жилищ на улицу. Стояли и немо слушали, а грохот нарастал, пробуждая опасливую растерянность. Люди никогда не слышали подобного звука, он не был похож на голос Зарни Ань. Уж его-то они тут же узнали бы.

А в то погожее утро не голос богини услышали жители Выльтима, а непонятный вой и скрежет. Уже всё население оказалось на улице, потому что страх заставил выползти даже не ходящих больных. От нарастающего грохота и свиста мелко дрожала земля, и казалось, на части разрывается воздух. И вот из-за ближней горы вылетело ревущее чудище, похожее на преогромную стрекозу, над которым в лучах восходящего солнца светилось круглое сияние. Чудище повисло над

головами людей, и сильный ветер подул сверху. Даже в сказках такого не было, чтобы ветер дул с неба. Свист усилился настолько, что люди испугались — оглохнут. Ошпель, тогда он был совсем мальчишкой, схватил маленького братика на руки и побежал к недалёкой тайге, которая стояла спасительной тёмной стеной поблизости. За ним бросились ещё двое-трое, кто был и моложе, и отважней. Но больше никто не последовал их примеру. Кому-то бежать было не под силу, кто-то родителей не хотел оставлять, кто-то сразу не поверил в спасение. Вот эти люди скрылись в одном из жилищ, в самом просторном, выкопанном многосемейной роднёй, жившей нераздельно. Дверь подперли изнутри так, что чужакам не пройти было.

Те, что затаились в лесу, видели, как чудище опустилось на землю, грохот и свист стал затихать, длинные, похожие на стрекозиные, но только чёрные крылья, повисли в неподвижности. Из утробы страшилища вышли обыкновенные люди, только одетые не по-здешнему. Среди них был Тоштем, один из хранителей. Ошпель узнал его, потому что видел два раза. Хранители попусту не болтались среди людей, жили отдельно в горах в потаённых жилищах, но изредка давали о себе знать неожиданными и таинственными появлениеми.

Тоштем и ещё один, должно быть, старший над пришельцами, вожак, подошли к двери жилища. Старший уговаривал выйти, мол, зла им никто не желает, а только добра хотят. Тоштем переводил уверения на свой язык. Русский-то кто же знал! Надо признать, что у начальника терпение было и хватило его на долгое время, но никто не отзывался на его слова, словно укрывшиеся потеряли слух и голос.

Тогда начальник стал сердиться и обозвал выльтицев глупыми, потому что почитают богиней какую-то Золотую бабу и живут дикарями, отстав от времени. Не преминул он сообщить выльтицам и о том, что всякая религия — это опиум народа. А потом пригрозил ту Золотую бабу выволочь из тайника, да забрать с собой. И на кого они тогда будут молиться?

То, что случилось дальше, никто не ожидал. Да и как можно было подобное предвидеть? Люди слова чужака приняли за чистейшую правду и решили, что пришёл для них конец света. И, конечно же, с общего согласия, иначе и быть не могло, мужчины выбили стояки, на которых держались своды. А были они в три наката, да ещё поверх — полуметровая толща земли, так что веса достигали неимоверного. И эта масса рухнула на живых людей, так что и стона не донеслось. Ошпель потом рассказывал, что чужаки так испугались учёного ими бедствия, что поспешно попрятались в чреве пугалища, которое взревело и взмыло в небо, да и улетело поспешным образом.

— Ты не знаешь этих людей, — сказал Санча, закрыл книгу и строго посмотрел на Марину. — А я знаю.

В глазах Санчи она увидела неприворную боль. Эти лесные люди были чужими для Марины, а Санча смотрит на них не со стороны. Он к ним относится, как к себе. Вот ведь в чём вся разница! Чужую боль понять может только тот, кто способен относиться к другим, как к самому себе.

Глава 11

В гостиной Ольга Николаевна уселась в кресло, прикрыла ноги пледом и включила телевизор на малую громкость. «И что же со мной творилось? — раздумывала Ольга Николаевна. — Откуда разные мысли в голове появлялись? Как и отчего они возникали? Сколько же во мне этих фантазий было?» Ещё три дня назад Ольга Николаевна умилилась бы своим странностям и только. Но приезд гостя и страх за Марину сильно подействовали на женщину, теперь она весьма критически отнеслась к себе, осудила прежние умственные причуды и дала себе клятвенное слово, что с этой минуты никогда больше не станет увлекаться заоблачными мечтами, а будет чуткой мамой и женой. Это разумное и трезвое решение успокоило женщину, и уже не какой-то волшебный, а самый обыкновенный сон одолел Ольгу Николаевну, и она сладко уснула в кресле под тихое бормотание телевизора.

Разбудил её приход мужа, который нынче вернулся рано, как-то у него так удачно сложилось с работой. Ольга Николаевна с тихой радостью сообщила, что Марина никуда из дома не уезжает. Санча сам об этом сказал. Он домой спешит. В гостях хорошо, а дома лучше. Похоже, мальчик совсем не умеет притворяться. Это же так трогательно! Правда, воспитания не хватает.

Муж принял новость с таким безразличием, словно не его родную dochь миновала беда. Но Ольга Николаевна не стала делать замечания, чтобы не портить себе самой настроение.

— Перекусишь? — спросила, как обычно.

— Чуть позже, — ответил муж, чем-то озабоченный или уставший.

— Ну, смотри.

А Олег Степанович сменил рабочий костюм на домашние льняные брюки, такого же свободного покроя кофту с большими нагрудными и боковыми карманами и с поясом, сшитую по заказу под фасон «толстовки», и сел за компьютер, но не стал включать, а забылся в раздумье, уставившись перед собой размытым зрением. «Вот он, шанс, — думал он. — Другого не будет». В эти минуты Олег Степанович с удивительной ясностью понимал, что шанс, который предлагает ему судьба, беспрогрызный. Олег Степанович имел надёжного проводника Элексана, который привезёт его к Прокопию, а уж старые друзья как-нибудь поладят. Может быть, придётся немножко похитрить, обещать, что оставит при себе тайну, однако, это ровным счётом не имеет значения по сравнению с тем открытием, что сделает перед просвещённым миром Олег Степанович.

Представляя, какой шум поднимется вокруг его имени, как он часто будет давать интервью по телевизору, как напишет книгу о своём путешествии, Олег Степанович чувствовал сладкую истому, охватившую сердце. Теперь уже казалось ему, что с малых лет мечтал совершить нечто такое, что прославило бы его имя и оставило бы в истории. И вот настал миг...

Но одновременно и побочно этим мыслям здравый разум подсказывал, что никуда Олег Степанович не поедет, не скинет любимую кофту и тапочки, не нарядится в телогрейку да в кирзовые сапоги. Да и нет у него ни ватника, ни кирзы. А как же объяснит, куда и зачем собрался? По летам ли такая затея? А с работой как? Ректору позвонит? И что скажет? Отлучусь, мол, не судите, за чудом

еду. И это он, который за все годы службы ни разу не опоздал даже на минуту. Или уже ничего не значит авторитет порядочного благородного человека? Как это можно оторваться от надёжного причала и пуститься во все тяжкие на утлой лодчонке? А если никакой Золотой бабы нет, а только миф? Тогда с какой миной на лице он вернётся назад? Позор!

— И зачем Олегу Степановичу лишняя головная боль?

Искать и не сдаваться — это красиво, но уютно жить куда лучше. Да и славой сыт не будешь. Чтобы успокоиться и уйти от пустых мечтаний, он решил перекусить и направился в кухню.

Когда Марина вышла из своей комнаты, а за ней и Санча со своим дорожным рюкзаком, Олег Степанович как раз проходил через прихожую.

— Папочка, — обратилась Марина к нему, выставив перед собой ладошку. — Привет от тебя Санча передаст. Скажет, что помнишь, уважаешь... Что ещё?

— Да что же это такое? — возмутилась Ольга Николаевна, выйдя из кухни. — Куда ж торопитесь? Когда поезд-то? А я же думала посидеть на дорожку.

— И от тебя, мамочка, пламенный привет, как я понимаю. Мы побежали. Ещё билет купить надо, по магазинам пробежаться...

— Ой, как же я не подумала! — всполошилась Ольга Николаевна. — Разве можно без подарка? Что о нас подумает Прокопий?

— Купим. Скажем — от вас. Не беспокойтесь, — и как-то особенно, без суетливой скороговорки обратилась к родителям: — Мам, пап! Ну, пока!

И поспешила к двери, словно убегала от чего-то, словно опасалась, что останется, удержат. Это её-то, Марину, самую свободолюбивую девчонку в мире. Олег Степанович только руками развёл.

А Ольга Николаевна успокоенно подумала, что Марине явно поднадоел гость и она спешит его проводить. И так целых три дня возилась с чужим человеком. И откуда терпения набралась? Плохо мама знает единственную дочь, оказывается, когда захочет и вежливой может быть.

— Всё как-то не так получилось, — уже не зная на что пожаловаться, вздохнула Ольга Николаевна.

— А как ты хотела?

— Как-то сердечней надо было бы...

Олег Степанович направился в кухню, а Ольга Николаевна почему-то всё же заглянула в комнату дочери и посмотрела на кровать. Опытному взгляду сразу стало ясно, что молодые люди ничего лишнего себе не позволили. Ну, и хорошо! Ну, и ладно! Надо мужа покормить. Забот-то других нынче вроде бы и нет.

Из початой бутылки муж разливал по фужерам вино, стоя за столиком.

— Давай выпьем, мамочка, — предложил Олег Степанович.

— За что, милый?

— Я вот подумал и понял, — растроганно проговорил Олег Степанович, — ничего я не хочу, кроме того, что у меня есть. Я счастливый человек. За нас, Оленька!

— И за дочь нашу, умницу! — чуть подправила тост Ольга Николаевна, не очень понимая, с чего это её сдержанный, солидный муж заговорил о счастье. — В общем — за нас!

Олег Степанович обошёлся двумя фужерами лёгкого вина и поднялся из-за

стола в прекрасном настроении. Он сказал жене, что ему надо посидеть за компьютером, и неспешно удалился в кабинет. Ольга Николаевна не стала удерживать, а он включил компьютер, раскрыл любимый пасьянс и стал укладывать карты, чтобы добиться победного результата.

В это время у себя дома Лидия Осиповна составляла короткое письменное уведомление. Она писала о том, что у таких-то и таких-то гостит молодой человек без регистрации, который подозрителен тем, что имеет явно поддельный паспорт, неизвестно, где проживает и весьма неясно с какими намерениями прибыл в наш город. Подумав, добавила, что этот молодой человек делает дорогие подарки с непонятной целью.

После этого письменного усердия Лидия Осиповна почувствовала себя не очень хорошо и решила полежать на кровати, а уж потом пойти, куда надо. Хотела-то просто полежать, а против воли задремала. Да тут же проснулась от ужаса. Ей приснилось, что молоденький лейтенант стоит над ней с пистолетом в руке и зло говорит:

— Застрелию, падла! Зачем настучала, что ругал командование своей части?

Отдышавшись от ужаса, Лидия Осиповна догадалась, что это «нездешний» гость наслал на неё страху. Коли отец его шаман, то и он той же масти. Яблоко от яблони... Но не на ту нарвался. Боевитую Лидию Осиповну никто и никогда не запугает, особенно при исполнении гражданского долга. И она, сбросив домашний халат, стала одеваться.

Видать, дятла стучать не отучишь.

В институте Марина побывала не более получаса и вышла довольная. Санча сидел на той же скамейке, на которой ожидал её в прошлый раз.

— Всё уладила, — сказала, подбежав, Марина и села рядом. — Ну, что? По магазинам?

Вся она прямо кипела энергией.

— Зачем? — спросил Санча.

— А подарки? Забыл?

— Не надо подарков. У нас не принято. Никто не уезжает, никто не приезжает.

Какие подарки?

— Денег жалко что ли?

— Денег бери, сколько надо. Никуда не побежим. Посидим, давай.

— Хочешь о чём-то поговорить? — догадалась Марина.

— Молчать будем. Прощаться.

— Молчать? Нет, дружок, я так не умею. Будешь молчать, о чём-то думать, а я гадай — о чём.

— Я твоей матери всё сказал. Она передаст.

— Что сказал? Почему маме? Ты мне скажи. Когда за плечи взял меня, что-то хотел сказать? Что?

— Я не могу, — признался Санча.

— Почему не можешь?

Санча коснулся правой рукой сердца и глухо сказал:

— Лопнет...

И впрямь лицо его побледнело, глаза как-то впали, словно парень внезапно заболел. Марина догадалась о причине сердечного недуга Санчи, и никаких слов ей не надо было уже, всё она поняла, взяла Санчу за руку и подняла на ноги.

— Пошли, — приказала Марина и повела к воротам.

В такси она молчала и не смотрела на Санчу, сидела, отвернувшись к окну, и смутно улыбалась. Может, и не хотела, но улыбка сама бродила по лицу, дрожала, как зыбь на воде. А уже на вокзале, оставив Санчу в зале ожидания, Марина побежала к билетным кассам и пристроилась к очереди. И всё та же зыбкая, трепетная улыбка жила на её лице. И сдержать её у девчонки не было сил.

Когда вернулась в зал ожидания, заметила, что Санча сидел всё в той же позе, в какой остался, согнувшись и глядя в пол. Печальная обречённость была в его понурой фигуре и такая скорбная отрешённость, что не заметил присевшую рядом Марину.

— Кстати, поезд отходит через полчаса, — сообщила Марина, не глядя на Санчу, чтобы он не заметил улыбки на её лице.

Возле вагона полная проводница явно весёлого характера проверила билет и сказала унылому Санче:

— Девушку-то поцелуй, кулёма! Ведь хочешь, я вижу.

Санча поспешно поднялся в тамбур, как-то испуганно оглянулся и крикнул:

— Прощай!

И скрылся, не оглянувшись, не махнув рукой. У него было нижнее место. Он бросил рюкзак на верхнюю полку, сел у окна и уставился на соседний вагон. Окно выходило в противоположную от платформы сторону. В голове металась только одна мысль, и она была о том, что он навсегда расстался с Мариной и никогда больше её не увидит. Только оттого — других причин не могло быть — в сердце нарастила боль, словно кто-то ухватил его в кулак и постепенно сдавливал пальцы. Сколько раз Санче самому приходилось держать в руке пойманного в силки снегиря. Только теперь он представил, как же было страшно бедной птичке.

Кто-то прошёл в купе. Санча не обратил внимания, ему ни с кем не хотелось разговаривать, свинцовой тяжестью давила тоска ум и душу. Но кто-то довольно грубо пихнул в бок. Санча отодвинулся и посмотрел через плечо. Это была Марина. Поезд еле заметно двинулся и начал набирать скорость.

— Не шуми, — сказала она. — Сиди тихо.

Достав мобильник, Марина выбрала нужный номер, коротко подождала и сказала спокойным голосом:

— Мама, тут так сложились обстоятельства, что я отлучусь ненадолго. Ну, может, на месяц. Что-то менять уже поздно. Считай, что поехала в Париж. Туда же пустила бы. Вот так и говори всем — в Париже, на стажировке.

И она отключила телефон.

— Для Севера я одета легкомысленно, — сказала она, показывая на лёгкое летнее платьице. — Будет, где купить одежду? В общем, приоденешь девушку. Что у вас там носят?

На время потерявший дар речи Санча испуганно сказал:

— Поезд пошёл!

Намерение поехать с Санчей возникло у Мариной под утро, когда она поняла, что он слишком большое значение придаёт вере своих земляков. Люди есть люди, что в городе, что в лесу, свою пользу понимают. Надо им толково объяснить, что глупо жить по старинке, что на дворе двадцать первый век и пора давно высунуть носы из своих берлог. Она учится в институте вести бизнес, готовится круить

большими делами и уж как-нибудь доверчивых людей образумит. Им же на пальцах можно доказать, что для них хорошо, а что плохо.

Одного Санчу отпустить она не хотела. Уж лучше быть рядом, так надёжней. За неделю управляется со всеми делами и поедут назад. Заодно Марина повидает далёкие края, куда не собралась бы никогда, не увлекаясь туризмом. Всё складывается, как нельзя лучше. И главное — Санча любит. Так смешно сказал: «Лопнет». Марина до сих пор не может сдержать улыбку.

Поезд уже летел во всю силу. Как раз об этом думала в эти минуты Лидия Осиповна на больничной кровати в отделении травматологии: — «Поезд ушёл». С Лидией Осиповной стряслась большая неприятность. Старуха собралась в полицию и уже спускалась с крыльца, как за её спиной появилась соседка и окликнула. Она спросила, куда это Лидушка в такую рань собралась. Лидия Осиповна повернулась, чтобы напомнить о любопытной Варваре, да оступилась и вывихнула или даже сломала ногу. Пришлось «скорую» вызывать. Ну, что вот за жизнь?! Одни жулики да шаманы вокруг...

Что же касается Ольги Николаевны, то лицо её заметно осунулось от пережитого потрясения, но ей это пошло на пользу — глаза обрели выражение загадочной печали. И вернулась к ней забытая привычка, по вечерам после заката солнца Ольга Николаевна с балкона смотрела на Полярную звезду.

Отшельники

Часть третья

Глава 1

В сороковом году девятнадцатого столетия тобольские плотники закончили возведение церкви на левом берегу Малой Оби, на холме. Одиноко стоять среди первозданной тайги, сверкая позолоченным крестом, пришлось ей недолго. Чуть ли не сразу после открытия в метрической книге новоявленной Михайло-Архангельской церкви появились фамилии переселенцев-зырян, которые стали заселяться вокруг прихода семьями, срубив «гостеприимные дома», как свидетельствует запись.

Так возникло село Мужи, избами нарастая вокруг церкви. Мигрантов становилось всё больше, были они в основном молодыми людьми, лет тридцати-сорока, принудила их на переселение нехватка промыслов и оленевых пастищ по ту сторону Урала, а также кочевой образ жизни и природная предприимчивость. А потому как молоды были и здоровы, детей нарождалось много, судя по тем же метрическим книгам. И росло село быстро, как сказывают в сказках, — «не по дням, а по часам».

Более полтора века Мужи сохраняли облик старинного кондового села с добрыми избами, амбарами и не мощёными улицами, которые после дождей так раскисали, что не перейти. Но это никого особо не огорчало, уживчивый

народ беспечно ходил по шатким тротуарам и никогда не унывал, сохранив бодрость духа первых переселенцев.

В последние десятилетия селение настолько осовременилось, будто возникло не в старину, а явилось новостройкой. Ни одного признака от прежнего села не осталось. Выросли кирпичные многоэтажки с городскими удобствами, а частные дома с их верандами и шиферными крышами никак избами не назвать. Улицы вымостили бетонными плитами, по ним бегали иномарки. Хоть бы одно подворье оставили для памяти. Но эта благая мысль никому в голову не пришла, потому что люди жили по-нынешнему, то есть текущим днём, а предки их обустраивались на века и дома рубили добротные с расчётом на детей, внуков, а то и на правнуков. Да ведь и стояли бы те сработанные без гвоздя строения поныне, коли б не пустили их на дрова поспешающие в ряду со временем нынешние хозяева.

В пришлых зырянах удачно сочетались находчивая ухватка и добродушие — своего не упустят, но и соседа не обидят. С ними укоренилась в этих краях христианская вера, потому что были они потомками принявших православие ещё во времена Стефана Пермского. И, разумеется, никакого касательства эти люди не имели к тем зырянам, что обосновались в верховьях Сыни шестьсот лет назад. Нынешние представления не имели, что в дебрях одной с ними тайги потаённо живут бывшие соплеменники, сохранившие веру пращуров.

О Золотой бабе мужевские люди, правда, кто постарше, что-то и слышали, но осторегались болтать лишнего, достоверно зная, что её охраняют от стороннего любопытства могучие шаманы, которых побаивались и в наш бесшабашный век. Сунешь нос, куда не надо, замутят память, заманят в болота, и конца не найти. Никакая просвещённость при этом не поможет.

Вот в это село Мужи, кокетливое в нынешнем облике, под цветными шиферными крышами, приехал в полдень на «Метеоре» Санча и с пристани пошёл к своему знакомому, оставив Марину со словами — «Хочешь, побудь на берегу, а коль охота — погуляй». Марина около часа просидела на корме дебаркадера, глядя на огромную реку, которая неторопливо несла свои воды, равнодушная ко всему, что творится на её берегах. У неё была своя забота — нести свои воды в океан, чтобы тот не иссох.

Марина даже нашла что-то общее между рекой и Санчей, о котором постоянно думала. Он ведь тоже стремится к какой-то своей цели, и его не остановить, как эту реку, потому что так ему надо, другого пути для него нет. За три дня дороги Марине многое в нём стало понятней, будто душа его приоткрылась, но от этого интерес только больше обострился и придиличный и въедливый ум Марины всё задавался вопросом: «Кто ты, Санча?»

Что-то Санчу задерживало, а Марина устала сидеть сиднем и она пошла по главной улице села, которая вела в гору. А там оказался самый, должно быть, людный перекрёсток, на котором находились почтовое отделение, библиотека и небольшой рынок. Перед глазами сновало много народу. Кто коми, кто русские — не различить было, ни лицом, ни ростом не рознились, а тем более — одеждой.

Но что больше всего удивило Марину, так это шмотки, в которые одеты были её ровесницы. В таких же прикидах ходили девчонки по улицам её города. Даже немножко досадно стало, что проехала более трёх тысяч вёрст, Полярного круга чуть ли не достигла, а перед глазами — никакой экзотики, те же машины,

телеизионные антенны, цветной шифер, евроокна, современно одетые женщины и подвыпившие мужики.

Прошли, правда, две важные бабушки в национальных одеждах — широкие сарафаны до пят, яркие кофты с пышными рукавами, кокошники. Марине тут же захотелось раздеться похоже, и она решила попросить Санчу купить такой наряд. Пока он почему-то одел её в длинную, до пят юбку и в кофту с глухим воротником. На ноги купил серые резиновые сапожки. Однако на её монашеский вид никто не обращал внимания, тоже ведь городская черта — мало чем удивишь нынешнего человека.

Молча, ни с кем не заговаривая, Марина походила по рынку, на котором торговали импортными шмотками, потом вышла на прибрежную кручу и теперь уже с высоты долго смотрела на реку, думая о Санче, потом вернулась на пристань, а там её, как оказалось, уже изрядное время ждали. Выше дебаркадера, прижаввшись бортом к дощатым мосткам и уткнувшись носом в песчаную кромку берега, стояла моторная лодка, в которой Санча сидел с каким-то мужиком средних лет с обветренным до черноты лицом. Увидев её, Санча соскочил на берег и шагнул навстречу.

— Может, останешься? — спросил он негромко, чтобы мужик в лодке не слышал.

— Ещё чего! — дёрнула плечами Марина, и слишком независимо шагнула с мостка на нос шаткой лодки, да с непривычки потеряла равновесие и точно плюхнулась бы в воду, если бы Санча не подал руку.

Обретя устойчивость, Марина покосилась на мужчину, который сидел на корме, но он не обратил на неё никакого внимания. Для неё Мариной как бы и не было. Когда Санча перешагнул через борт, мужчина стал веслом отталкиваться и загребать, чтобы выйти на вольную воду. Потом он сел рядом с Мариной за штурвал, нажал на кнопку и подвесной мотор взревел, лодка рванула вперёд и тряско пошла по мелкой ряби, задрав нос.

— Здравствуйте! — крикнула Марина под рёв мотора, решив проявить городскую вежливость.

Мужик кивнул, не глядя, и остался при своём молчании. И всю дорогу мужик этот не то, чтобы словом обмолвиться, а даже ни разу не глянул на Марину. Санча сидел на корме, до него не докричаться было. А Марине страсть как хотелось поговорить, поспрашивать, мимо чего плывут, какие деревья растут на берегах, что за поселение миновали, почему не остановились, почему ехали-ехали по Оби, а потом свернули и что это за приток. Но приходилось молчать.

Проехали за три часа два посёлка, но почему-то не стали останавливаться. Ещё ехали около часа. Потом неожиданно мужик заглушил мотор, и лодка наползла на хрусткий галечный берег, замерла, скособочившись. Река в этом месте оказалась узкой, метров десяти шириной, и с двух сторон её притеснила тёмная тайга. Мужик выбрался из лодки и укрепил якорь, течение было сильным и, видать, настолько, что не под силу оно стало мотору. Мужик углубился в лес, а Санча сел рядом с Мариной и сочувственно заглянул ей в глаза.

— Ещё можешь вернуться, — сказал он. — На «Метеоре» доедешь до Тобольска. Дальше дорогу знаешь.

— Знаю, конечно, — согласилась Марина, но почему-то весьма чинно.

— Больше возможности не будет.

— Даже так?

Он не ответил, а только отвёл взгляд.

— Так вот что, Санча, — заносчиво заявила Марина. — Я не меняю своих решений. Или надоела? Так говори прямо.

— Я не о себе думал.

— Обо мне мог бы подумать и лучше. Понял? Идём.

Но когда она соскочила на берег и отошла от лодки, навстречу ей надвинулась плотная серая туча комарья. Марина такого ужаса никогда не видела и даже обомлела. Словно триллионное комариное племя всея тайги прознало о свежей крови и поспешило на весёлое пиршество. Это полчище кровососов капли не оставит в теле, дай волю. И Марина оценила теперь предупредительность Санчи, нарядившего её в резиновые сапожки, в длинную юбку, под которой были ещё спортивные брюки, и глухо застёгнутую кофту. А тут ещё подошедший Санча водрузил ей на голову накомарник, и мигом лицо оказалось за спасительной сеткой. Марина даже засмеялась, представив, как огорчились комары, которые уже прицепились впиться жалами в её заносчивый носик без промаху.

Из лесу вышел мужик с букетом веток голубики, полными ягод. Но мужчина не протянул Марине букет, а буркнул, проходя мимо, с чуть заметно промелькнувшей на лице улыбкой:

— Дочка порадуется.

Санча убрал якорь и оттолкнул лодку, в которую уже забрался мужик. Они без единого слова махнули друг другу руками, сильное течение подхватило судёнышко, как мыльницу, и понесло по воде, которая бугрилась на подводных камнях, будто собиралась вскипеть.

— Как хоть зовут его? — спросила Марина. — Ну, молчун!

— Зато надёжный. Михайло зовут.

Санча двинулся впереди, а Марина последовала за ним по узкой звериной тропе вдоль реки. По дороге Санча объяснил, что хотел в селе навестить Комова, который ему много задолжал, но того не оказалось дома.

— Ты говорил о Комове, — вспомнила Марина. — Он жулик. Да?

— Коммерсант. Так себя называет.

— Чего уехал, не повидав?

— Мишка говорит, спрятался.

— От тебя?

— Должно быть, в окно увидел.

— А чего прятаться?

— Денег должен. Отдавать жалко.

— Как это жалко?

— Тянет. Выгодно, говорят.

— В банке держит?

— Да я не знаю.

— В другой раз со мной пойдёшь. Отдаст, как миленький, и проценты выложит.

— А Мишка сосед его. Ночью разбуди, повезёт.

— И денег не взял?

— Этот не возьмёт.

Поначалу Марина бойко шагала и охотно болтала, намолчавшись за дорогу, но чего-то язык стал уставать, ноги тоже. И уже идти было не так весело, и дышать стало тяжело. Хотелось накомарник снять. Но шли-то в комарином облаке. И стервятники эти были в полной боевой готовности, высунь нос, тут же и облепят, с лету впиваясь.

Ни Санча, ни тем более Марина не знали, что шли по той самой тропе, по которой много лет назад бежала домой от горящей юрты Анна. Ей было легче, она спускалась по склону, а Марине приходилось подниматься в гору. Рядом река уже бурлила и пенилась среди валунов. Марина была готова попросить Санчу, чтобы сделать хоть короткий привал. Но он впереди шагал так легко, будто по асфальту, не спотыкаясь о бесчисленные корневища, ни одно из которых Марина не упустила, кажется.

Уже и в глазах темнеть стало. А может быть, ей просто показалось, потому что наступила ночь, и в лесу сумерки густелись. Однако шагать становилось всё тяжелей, словно сапожки обросли свинцом. Уже и обида стала вскипать на Санчу, — мог бы и повнимательней быть! — но тот, как оказалось, хоть и не оглядывался, а угадывал самочувствие Марины. И когда она уже готова была заняться, остановился, подождал, а как только оказалась рядом, легко подхватил её на руки и понёс без всякого усилия.

В первые минуты Марина чувствовала только блаженство, совесть проснулась гораздо позже.

— Не тяжело? — спросила она.

— Ты лёгкая, — ответил он.

— Давай договоримся, как устанешь, вернёшь на ноги. Мне минутку отдохнуть и всё.

Эта минутка затянулась на добрых полчаса. Да собственно Марина была готова хоть всю жизнь плыть на руках Санчи, видя близко его лицо. Такое у неё было в эти минуты настроение. А он оказался на удивление сильным, и с ношей двигался легко пружинистым неслышным шагом охотника. Когда кончился подъём, Санча поставил её на ноги и сказал:

— Дальше — легче.

Остаток пути оказался не таким трудным, шли по берегу реки, по песку, слежавшемуся до твёрдости снежного наста. Потом был ещё небольшой подъём, и на вершине холма Марина увидела какие-то разрушенные строения. Это были остатки юрт, в которых когда-то жили родичи Прокопия. На месте отцовской сгоревшей юрты торчали два-три обугленных бревна из густого пырея. Но Санча прошёл мимо равнодушно, не зная о том, что в этом месте был зачат, после чего запыпал огонь, чуть не погубивший отца.

В развалинах юрт не приютиться было, Санча прошёл через давнее стойбище без внимания и углубился в лес. Потом они вышли на поляну, и Марина увидела избушку на курьих ножках. Среди тайги ночью под магическим неподвижным оком полной луны оказаться перед слепой избушкой на четырёх столбах, конечно же, Марине не приходилось. Будь одна, страху натерпелась бы до обморока, но рядом был Санча, а с ним совсем даже не было боязно. Ну, ни капли! Марина даже озорно представила, как распахнётся скрипучая дверь и выгляднет Баба-яга. Оказалось, что этот с виду игрушечный домик назывался лабазом. Храли в нём съестные припасы или пушнину. А чтобы не было потравы от мышей и лесных

хищников, поставили на гладких столбах. Хитрая лиса, к примеру, покрутится, повиляет хвостом и уйдёт, не солено хлебавши. Это ей не глупую ворону обдурить. Чует нос, да коготки не достанут.

Как объяснил Санча, этот лабаз был обменным пунктом. Санча привозил пушнину и оставлял, а Комов забирал товар и прикалывал к стене расписку, сколько должен. По этой бумажке Санча потом мог взять у Комова деньги.

Наискось к двери стояла лестница, вырубленная в толстом бревне. Санча первым поднялся по ней, открыл маленькую дверь, в которую пройти можно было на четвереньках, и подал руку Марине. Та поднялась и оказалась в помещении, одинаковой ширины и длины — не более двух метров, и с низким потолком, под её рост. Санча тот сразу опустился на колени и стал стаскивать оленьи шкуры из кучи, что сложена была в углу. Он устроил две постели, одну у дверей, а вторую у противоположной стены. Видимо, из какой-то опаски выбрал себе место у порога. Усталая Марина повалилась на вторую постель. Свёрнутая в рулон шкура служила подушкой.

— Давай спать, — сказал Санча. — Вставать рано будем.

Голос его показался осипшим. С чего бы? Марина с удивлением подумала о том, как могло случиться, что она оказалась вдали от дома, в тайге, в избушке на курьих ножках, лежит на пахнущих сухим мехом оленьих шкурах, а рядом напряжённо дышит молодой мужчина, которого знает-то всего несколько дней. Тут ещё почему-то вспомнила о тех уродах, которые изнасиловали её подругу. Трое справились с беспомощной девчонкой. Ну, прямо Гераклы! Да разве это мужчины! Ничтожества! Жалкие твари!

А с этим парнем по имени Санча Марина была совершенно спокойна. Она прикинулась спящей и была уверена, что Санча до утра промается, но не будет приставать, потому что он такой, каким и должен быть сильный мужчина. А сама она ещё немножко подумает и, может быть, придвинется к нему. Ведь до него рукой подать. Ей хотелось прижаться к Санче. Всё бы так и случилось, как настроилась она, однако, подкрался откуда-то предательский сон, замутил сознание, и Марина сладко уснула.

Проснулась она от яркого света. Санча выбрался из лабаза и оставил дверь открытой, а раннее солнце, поднявшись над тайгой, заглянуло в проём и озорными лучами дотянулось до лица Марины, так что при закрытых глазах стало светло. Марина на четвереньках подползла к двери и выглянула. Санча стоял в нескольких шагах от неё и разглядывал что-то в траве.

— Что потерял? — весело спросила Марина. — Доброе утро!

— Медведь подходил, — сказал он.

— Это когда? — насторожилась Марина.

— Уже под утро, видать.

— Залезай сюда, — торопливо попросила Марина. — Он же рядом!

— Ну, и что? — спокойно ответил Санча. — Нам идти надо.

— Я боюсь.

— Медведь сытый. Мы ему не нужны.

С большой опаской поглядывая на кусты, Марина выбралась наружу. Санча закрыл дверь и задвинул деревянную щеколду. Затем преспокойно и прямиком пошёл в тайгу. Марина засеменила за ним, то и дело оглядываясь. Но потом она устала бояться медведя, и ей стало не страшно в лесу, пронизанном лучами солнца.

Они повторили тот самый путь, который когда-то проделал Прокопий. Так же, как когда-то Прокопий, они вышли на кручу и увидели долину Выльюгана, тёмную, неприветливую, усеянную болотными оконцами. Жёлтыми ядовитыми столбами стояли дымы. Прямо какая-то долина гейзеров, как подумалось Марине.

Но и эта мрачная картина не смущила Марину, не вызвала страха в её душе. Пока что чувствовала она себя так, как будто была в туристическом походе с опытным проводником. От того, что вся пройденная дорога оказалась не трудной, в ней поселилось чувство, что и впереди не ждут неприятности, а всё образуется разумно и спокойно. Люди окажутся понятливыми и добрыми, как и положено быть в этом краю, которой не коснулась цивилизация с её пороками. Марину чего-то потянуло на философию. Да, видать, и не может быть иначе, когда стоишь на круче и видишь перед собой картину, неизменную со дня сотворения мира.

Но с кручи надо было спускаться к речке, тёмная вода которой дышала холодом и пахла болотной прелью. Санча объяснил, что вода оттого похожа на густую чайную заварку, что дно торфяное. А течения почти нет потому, что долина между гор ровная, как стол. От застойных вод и болота образовались.

— А это откуда? — продолжала расспросы Марина, увидев небольшую лодку, в которой только вдвоём и уместиться.

— Я оставил.

Перевернуться на этой утлой посудине можно было запросто. Марина это почувствовала, когда Санча усадил её на носу лодки. Она прямо замерла, даже голову повернуть боялась. Но когда Санча сел на корму, почему-то лодка обрела устойчивость. А ведь он шевелился, работал веслом, наклоняясь то вправо, то влево, но как-то умудрялся своим телом удерживать равновесие.

Плыть им предстояло долго, как объяснил Санча, надо набраться терпения. А картина вокруг была унылая и однообразная — болотная хлябь да жёлтые столбы пара. И такая стояла тишина, словно ещё не народились звуки на планете. Оттого особо смачно раздавались всплески от весла, словно оно целовалось с рекой. Марина разглядывала лицо Санчи, и взгляд остановился на его губах. Оттого, видимо, и подумалось о поцелуе. А вообще, Марине нравилось смотреть на Санчу. Это ведь тоже чего-то значило. Тем более, что не было у неё привычки разглядывать лица людей, ничего приятного в этом не находила. А тут смотрела бы и смотрела. Да ведь ещё невольно начинала улыбаться. Прямо новенькое что-то!

— Скажи, пожалуйста, — подала она голос после долгого молчания озабоченному какими-то своими мыслями Санче, — а как ты меня представишь родичам? Как скажешь, кто я тебе?

— А кто ты мне?

— Я тебя спрашиваю.

— Сама же знаешь.

— Может, забыла. Напомни.

И совершенно серьёзно на её игривый вопрос Санча ответил:

— Ты моя невеста.

— А в невестах у вас долго ходят?

— По-разному бывает. Но не очень долго. Раз невеста, чего думать? Жениться надо. Так у нас.

— И ты не будешь медлить?

- Буду.
- Ничего себе! Ещё и думать будешь?
- Сама знаешь.
- Опять я знаю. Что я знаю?
- Нельзя нам жениться. Пока нельзя.
- Боишься, что тебя забьют камнями? Что я молоденькой вдовой останусь?
- Не говори много об этом. Беда услышит и придёт. Так бабка Марпа говорит.
- Веришь в бабкины приметы?
- Может, так и бывает. Кто это знает? Ты знаешь?
- Нет, я не могу сказать уверенно. В городе сказала бы, а тут не могу почему-то.
- Я тебя передам бабе Марпе. При ней будешь. Делай только то, что она скажет. Если беда случится, она тебя отправит домой.
- Ух, какой заботливый! Я даже не знала, что такой сердобольный!

Надувшись, Марина отвернулась. Ей почему-то хотелось, чтобы Санча готов был жениться, несмотря ни на что. Если любит, никакая беда не должна пугать. Взялись за руки и — в пропасть. А ещё лучше — обнявшись. Вот как должно быть, если любишь. А он рассуждает!

— Только попробуй, чтобы что-то случилось, — заявила Марина. — Друзей не бросают. Сам говорил.

В этот солнечный день не верилось Марине, что их могут ожидать какие-то неприятности. И будто в поддержку её радужному настроению, лодка выплыла в озеро, из которого вытекала речка. Вытянувшись, как долгий речной плёс километровой ширины, озеро лежало в полном покое в ложбине между пологих гор, которые вдали завершались белками, снежными вершинами. Вода была поразительно чистой, прозрачной, сбежавшей с тех горных верхов. Озеро казалось бездонным, как небо, которое отражалось в нём. Лодка плыла в пространстве, наполненном голубизной. Это было так красиво, что Марина забыла о недавней обиде на Санчу. Даже и то забыла, за что надулась.

Неожиданно для Марины лодка уткнулась носом в берег, и Санча сказал:

— Вот и приехали.

Марина поисками глазами признаки селения и ничего не нашла. Перед глазами расстипалось просторное зелёное поле, в котором горбились какие-то плоские бугры. Они были разной величины, а над одним курился дым. Потом Марина увидела, как прямо из-под бугра выскочила какая-то бойкая старуха и поспешила к ним, с кем-то оживлённо разговаривая. Но рядом с ней никого не было. Впрочем, старые люди бывают чудаковатыми и сами с собой говорят.

Пока Санча затаскивал на сушу лодку и переворачивал дном вверх от дождей, Марина разглядывала приближающуюся старуху с возрастающим интересом. Она была одета в платье из какого-то грубого домотканого полотна и обута в кожаные сапожки, которые назывались нюкваниями, как позднее выяснила Марина. Платье свободно болталось на бабке, отчего её движения ещё более казались суетливыми.

Бабка остановилась в пяти шагах, и Марина увидела удивительной доброты лицо. Она прежде таких лиц и не встречала. Морщины как морщины, и нос не какой-то особенный, да и всё остальное — глаза, щёки, лоб, — ничем не отличало бабку от обычновенных старух. Но от этой пожилой женщины исходило тепло,

серые, выцветшие от времени глаза излучали такое добродушие, что Марина невольно заулыбалась в ответ. И никак не объяснить было, да собственно и не хотелось понимать, почему она прониклась доверием к бабке, достаточно было того, что Марине хорошо стало, будто она приехала к родне.

Подошёл Санча. Бабка спросила о чём-то приветливым голосом. Санча ответил по-русски:

— Да, невесту привёз. Мариной зовут.

Марпа подошла к Марине, потянулась к ней рукой, погладила по плечу и что-то сказала на своём языке. Марина не поняла, но почему-то ей стало приятно и от этого лёгкого прикосновения, и от мягко прозвучавшего голоса.

— Что она сказала? — не выдержала и спросила Марина.

— Что ты хорошая.

— Мама бы услышала! — усмехнулась от смущения Марина. — Не такая уж я хорошая.

— Она лучше знает.

— Чем я себя? — не поверила Марина.

— А что ты о себе знаешь? Ничего ты о себе не знаешь.

Вдруг бабка замахала рукой, отгоняя кого-то и вслух уговаривая. Марина вопросительно уставилась на Санчу.

— Это она с Узей, — пояснил Санча. — Та, оказывается, шла с нами рядом, когда мы ехали через болото.

— Как это рядом? Там же не пройти.

— Она ж кикимора болотная, — подсадовал Санча непонятливиости Марине. — Чего ты хочешь!

— А ты видишь эту Узю?

— Нет. Я не вижу.

Баба Марпа отошла от них, явно увещевая невидимку. Марина догадалась:

— Я не понравилась Узе?

— Она никого не любит, кроме Ойко.

— А бабушку Марпу?

— С детства были подружками. И всё время перепиräются. Ладно, пошли домой. Сами разберутся.

— Я должна бояться кикиморы?

Марина схватила Санчу за руку, как маленький ребёнок взрослого, и пошла рядом, заглядывая ему в лицо.

— Она вообще-то вредная, — сказал вполне серьёзно Санча. — Но ты держись бабы Марпы.

— Лучше тебя буду держаться.

— Завтра я ухожу в горы.

Вот ещё новость! Марина могла ожидать чего угодно, только не разлуки с Санчей. Как это он оставит её среди незнакомых и ещё неизвестно каких людей? Вся её сила духа и держится на том, что он рядом. Марина уже была готова разразиться гневной тирадой и снова напомнить, что друзей не бросают, но сдержалась. Понятно же — его не остановить. Если надо, он пойдёт. Марина и то понимала, что он взял бы её с собой, если бы это было можно. Значит, нельзя. Значит, придётся ей пройти некое испытание. А чего она ожидала?

Глава 2

Однако огорчение недолго владело Мариной, уже в следующую минуту она с недоумением крутила головой, старательно озиралась, но никак не могла обнаружить селище. Пологий бугристый склон тянулся в сторону гор и утыкался в стену леса. Что за ерунда! Опять шагать по звериным тропам? А откуда бабушка Марпа появилась? Из-под земли?

— А где дома, слушай? — спросила Марина Санчу.

Он показал на плоский бугор в шагах десяти от них, а потом повёл рукой шире — на другие похожие бугры. Они были примерно одинаковой высоты, не более полуметра, но разной величины, и все обросли какими-то травами и мелкими кустами, о которых Марина понятия не имела. В общем, всё росло вольно и в большом обилии. Потом уже Марина узнала, что это были и багульник, и пырей, и голубика, и назойливый бурьян. Вдоль тропы, по которой поднимались от речки, блестела угольными шариками черника. Прямо россыпи! Марина даже не удержалась и набрала пригоршню. Ягоды оказались такими сочными и вкусными, что не отрываться бы от них, но всё-таки надо было прежде выяснить, как это можно жить в таких низких жилищах. Ползком что ли заползать, как в норы?

Не успела спросить об этом, как Санча увлёк её за руку куда-то вниз по ступеням, вырытым в глинистой земле, и они оказались перед тяжёлой квадратной дверью из смолистых плах. Марина видела в кино, как на войне бойцы заходили в блиндажи. Это было очень похоже. Но она оказалась не в тесном помещении, а в достаточно просторном, и потолок держался на стояках из ошкуренных брёвен. Свет в помещение проникал через продолговатые отверстия в одно бревно, похожие на бойницы в крепостных стенах, тоже виденные в кино. Они назывались продушиками, находились под самым потолком и на каждой стене, но всё равно было сумрачно в жилище. В дальних углах вообще притаилась темень. Как-то сразу бросился в глаза очаг посреди жилья. Это было фундаментальное сооружение. Основу его сложили из камней и глины, а от него, начиная с растрюба, в котором находилась топка, конусообразно поднимался к низкому потолку дымоход. Он был вылеплен из глины и от огня покраснел, как кирпич после обжига.

Потом уже Марина приметила вдоль двух противоположных стен сплошные полати. Оттуда доносились приглушённый писк и какая-то возня. Марина догадалась, что это попрятались дети, как пугливые мыши. Взрослые в это дневное время, видимо, были на работах. Через зал Санча отвёл её в закуток не больше вагонного купе, в котором умещались топчан и скамья. Над входом висела скрученная в рулон циновка.

— Захочешь, спустишь, — сказал Санча и сел на скамью.

Санча хоть и не показывал вида, но явно устал, столько отмахав веслом. Он сел на скамью, бросив рюкзак на пол, привалился к стене и вытянул ноги. Ему бы полежать. Марина покосилась на топчан, и у неё невольно промелькнула в голове придирчивая мысль, не тесно ли будет на этом лежаке вдвоём. Но она тут же мысленно и сердито осекла себя: «Ты о чём это?»

Хотелось обнять Санчу и засмеяться. Но Марина сдержала себя, потому что Санча был очень серьёзен. Но и молчать Марина не могла, потому что в голове было много вопросов. Вот и пол её чем-то заинтересовал. Вдруг скинула сапожок,

носок стянула и голую ступню прижала к полу. Очень удивилась чему-то, присела на корточки и ладонями коснулась утоптанной глины. Потом удивлённо подняла голову и уставилась на Санчу.

— Думала, показалось, а он тёплый на самом деле. Слушай, что это? У вас утеплённые полы?

И она скинула второй сапожок.

— Вот здорово! А что там внизу? Отчего тепло?

Санча понимал, что в голове Марины много вопросов. Когда в новое место попадаешь, всегда в голове возникает много вопросов. А чутьё подсказывало Санче, что ему надо спешить в горы. Что-то там или уже случилось, или должно произойти. Он был охотником и от зверей, должно быть, невольно перенял обострённое чувство опасности. Но Санча не мог оставить свою гостью, не пояснив хотя бы, почему именно так строились предки, а не иначе.

Ну, отчего тепло? Если бы учёные приехали, то тут же и выяснили бы, что это за природное явление, но самим жителям села охоты не было разбираться, что да как, тепло и ладно, зимой дров намного меньше уходит. Да и соглашались они с бабушкой Марпой, которая объясняла просто и понятно — Зарни Ань согревает землю своим сердцем, одинаково жалея мужчин и женщин, но больше всего детей. И будет так до тех пор, пока вера в людях крепка. Какие могут быть ещё вопросы? Всё же ясно.

Но не ради изысканного удобства, не ради утеплённых полов предки вкалывали избы в землю и крыли плоскими крышами. Ну, чего бы, кажется, избушку в землю вгонять? Ведь изба красна оконцами, особенно коли крашеные ставни при них, да и внутри света много, а от света всегда человеку весело. Тут же на верхнем венце — продушины на ширину бревна, не застеклённые. В холод закрывались задвижками, вовсе заслоняя свет. Так что в давнюю старину при лучине сидели, потом при свечах, а теперь керосиновые лампы появились, но не у всех. Иные терпеть не могли керосиновый дух.

Так какая нужда в земную темень зарываться?

На такие труды могли пойти только из опасений, грозивших жизни. Других причин быть не могло. Конечно, во времена кудесника Жалейки и Стефана Пермского самолётов и вертолётов не было. Но строились предки явно с тем учётом, чтобы их не обнаружили сверху. С высоты и впрямь нельзя было разглядеть селение. Крыши в три наката, засыпали землёй, которая густо зарастала травой, а то и кустарником. Если дым очага над крышей появлялся, то в окрест этих болотных дымов было столько, что и приглядываться к ним никто бы не стал. Не «летающих тарелок», конечно же, опасались предки, а окрестных гор, с которых враждебные племена могли обнаружить жилое место.

Отчего двери сколочены из таких толстых плах, прямо-таки прочности крепостных ворот? К тому же изнутри они запираются поперечной дубиной. Ради чего? А для того это, чтоб медведь пупок надорвал, а не одолел. И этих гостей надо было брать в учёт строителям, медведей и ныне хватает в окрестностях, а тогда их было того более.

Внутри помещения сохранялся избяной уют. Потолочные плотно пригнанные бревна ошкуривали для красоты, а глиняные стены обкладывали расколотыми надвое лесинами горбылём во внутрь. Получались ровные плоскости. Под полатями

для полного удобства полы застилали олеными или медвежьими шкурами. Детям ползать безопасно и опять же в удовольствие. Серединная часть помещения устилалась тонкими досками, которые назывались — латы. Пилились они не на пилорамах, а вытачивались топором из толстых сосновых брёвен, которые прежде раскалывали, вбивая клинья.

Но не все жилища были такими просторными, как то, в которое попала Марина. Иные топились по-чёрному. В такой дом войдёшь, сразу на колени вставай, выше плотным облаком висит дым. Но очагами пользовались мало, в самые лютые морозы разве, и не все, а только те, кто готовил еду на огне. В старые-то времена все придерживались сырой еды, а теперь в некоторых семьях варили мясо и даже рыбу.

Всё это рассказывал Санча, выведя Марину из своей кельи. Марина так и не обулась, шла босиком. Когда проходили через «залу», останавливаясь и разглядывая жилище, Марина опять услышала шорохи и приглушённый писк. С полати отважно высунулась детская головка прямо-таки с полыхающими от любопытства глазами, да спряталась, но тут же возникла вторая. Санча не обращал на них внимания. Он-то знал, что с детьми только начни, а уж они баловаться будут без конца. Это были его племяши, он был с ними всегда строг, чтобы не приставали с глупостями. В Санче ещё спало отцовское чувство, и детей он воспринимал, как досадную необходимость. Не понимал их неугомонную возню и крикливое общение между собой, когда не поймёшь, о чём они воят, а уши закладывает.

Оказалось, что Санча не экскурсию по своим хоромам устроил ради неё, как подумала Марина, а вёл к отцу, который лежал в дальнем от двери углу на постеленных шкурах и под заячьим одеялом. Санча опустился в изголовье на пол, скрестив ноги. Марина осталась стоять. На неё смотрели тёмные неподвижные глаза. Марине даже как-то не по себе стало от этих немигающих глаз. Измождённое от болезни с остро выдающимися скулами лицо не выражало ничего, как маска. А в глазах была жизнь, какая-то очень напряжённая мысль в них затаилась, будто больной замер перед неким пологом, который вот-вот раздвинется и откроется сама тайна жизни.

— Дочь Ольги, — сказал Прокопий слабым, но обычным человеческим голосом.

Не спросил, не подтверждения хотел, а согласился с тем, что видел.

— Дочь Ольги, — будто эхом прозвучал ответ Санчи, но Прокопию эти слова не нужны были, он без них знал, потому что видел перед собой молодую Ольгу.

Марина ожидала, что расспрашивать будет, как там старая знакомая Ольга, как муж, хорошо ли поживают. Но Прокопий только смотрел и молчал. Марина читала о «чёрных дырах», но никак не могла их представить воочию. Та же стихия, должно быть, крылась в этих глазах, тот же поглощающий магнетизм. Отчего так подумалось, Марина не могла бы объяснить, но действительно с ней происходило непонятное, будто лишилась воли над собой. И хоть бы Санча помог, а он на неё — ноль внимания, сидел, опустив голову, как тибетский монах, и молчал. Вот же предатель!

Трудно сказать, сколько длилось это оцепенение, может, минуты, а может, век, но Прокопий перевёл взгляд на сына, и Марина почувствовала облегчение, словно вырвалась из водной глубины, из той чёрной речки, по которой плыли недавно. Даже легче стало дышать, а то ведь воздух не доходил до лёгких.

Уже на своём языке Прокопий сказал что-то сыну, трижды повторив слово «Каля». Что-то, видимо, сообщил. Санча только ниже опустил голову, как-то особенно погрустнев, посидел ещё минуту и поднялся. Прокопий закрыл глаза в знак согласия с тем, что уходят. И Санча повёл за руку Марину. Они вернулись в свой закуток. И уж тут Марина показала, что есть у неё воля. Первым делом она упрекнула в предательстве. Просто так, без всяких объяснений. Потом возмутилась поведением его отца. Разве с гостями так ведут себя? Не мог по-человечески поговорить, приветить? «Дочь Ольги» — и всё. А про Ольгу спроси? Раз до сих пор помнишь, поинтересуйся, как она? Но ему всё равно.

Санча терпеливо объяснил Марине, что отец всё выяснил, что ему нужно было. Что она дочь Ольги, вроде бы доказательств не требуется. Он снова увидел Ольгу, которая не постарела, и ему было трудно говорить.

- А что тебе сказал? Про меня? Я не понравилась?
- Он сказал, что я зря приехал.
- И я то же самое говорю. А Каля — это что?
- Это человек. Так его зовут.
- Отец его трижды назвал. Почему?
- Мне надо в горы, — сказал Санча.
- Тебе отдохнуть надо, — возразила Марина. — Вот что тебе надо.

Но уговорить Санчу ей не удалось, он и слушать не стал.

Горы только казались рядом, а до них шагать да шагать. Конечно же, Санчу застанет в пути ночь. Но это его не пугало. Марина не знала, что Санча в тайге настолько знал свои тропы, что легко пройдёт с повязкой на глазах. Вот же упрямый тип! Ничего не стал объяснять, а собрался и пошёл, не сказав, когда вернётся, даже доброй ночи не пожелал, а оставил бедняжку в келье одну. Бесчувственный!

От досады и слезливой детской обиды Марина забралась в постель, которая оказалась непривычно жёсткой, под олеными шкурами не было пружинистого матраца, зато большая подушка оказалась пуховой и одеяло — легче облака, тоже набитое, видимо, птичьим пухом. Через амбразуру, как про себя прозвала продолговатое окошко над головой Марина, тянуло прохладным горным воздухом, которым легко дышалось. Даже голова немножко кружилась, от обилия кислорода, возможно. Или от обиды. Марине до слёз хотелось, чтобы Санча в эти минуты был рядом с ней.

Ведь она, Марина, была сегодня готова положить подушку рядом с подушкой Санчи. Правда, не подумала, где её взять, эту подушку? Но дело же не в этом. А дело в том, что он должен был почувствовать её настроение. Толстокожий!

Почти бесшумно появилась Марпа, шустро поднялась на скамью и дотянулась до задвижки. Она закрыла «амбразуру», сказав:

- Продует, ночью свежо будет.

Наступила кромешная тьма, то есть та самая темень, о которой говорят — нигде не видно. У носа держи ладонь и не увидишь.

- Темно же! — вскрикнула Марина.
- Зачем свет, когда спишь? — прозвучал добрый голос бабушки.

Слышино было, как она чего-то возилась на скамейке, потом успокоилась, видно, улеглась и сказала довольным голосом:

— Ну, вот! Я рядышком буду, не бойся. Ты кушать-то не хочешь?

Только тут до Марины дошло, что Марпа говорит на русском языке, правда, с небольшим акцентом, но очень даже правильно и чисто.

— Бабушка, — удивилась Марина, — вы говорите по-русски?

— Да какое там говорю! Так, немножко. Матвей научил. Не знаю — зачем. Я спрашивала. А он говорит — интересно, выучишь или нет. Потом всё не верил.

— Чему?

— Весной мы начали. А к зиме я уже говорила.

— Ничего себе! Я в школе учила английский, в институте учу, а разговаривать не могу. Читать читаю, а говорить не получается. А вы за полгода.

— Так я ж молодая была. Память не теперешняя была.

— Так я тоже вроде не старая.

— Конечно, конечно, молодая. Может, отвлекаешься много. В молодости бывает.

— А вы не отвлекались?

— Везде нос совала. Вот какая была. Всё бы знать, да всё бы запомниТЬ. А разве это можно — всё знать? Это же не можно. Одна Зарни Ань всё знает.

— Расскажи, бабушка, про Зарни Ань.

— Давай, спи. Время-то уже — спать. Не то разговоримся, а утро придёт. Что тогда делать будем? Спать? Люди же засмеют. Вот уж на смех поднимут тебя молодую да меня старую. Скажут, сони, днём спят.

— Бабушка, можно спросить? — притушил голос, обратилась к Марпе Марина.

— Ну, спроси, да будем спать.

— Бабушка, а сейчас эта Узя рядом?

— Да не-ет, — напевно ответила Марпа. — Домой ушла Узя.

— Дом её далеко?

— Да не близко, думаю. Я у неё не бывала. В болотах где-то живёт. Не придёт, не бойся. Уже успела, обегала всех, сообщила — Санча невесту привёз. Всем прямо захотелось невесту посмотреть. Бабы дела побросали, гляжу — идут. Да я никого не пустила.

После этой новости ни о каком сне Марина и думать не могла. Как это можно уснуть, когда о тебе, оказывается, уже все знают? И слух разнесла не какая-нибудь болтливая кумушка, а кикимора Узя. Ей-то чего неймётся? Не иначе, как задумала какую-то пакость? Взбаламутил, к примеру, девок на выданье, перезрелых невест, а те соберутся и толпой нападут на Марину. Ну, а что? Разве охота им терять такого завидного жениха, как Санча?

— Зачем они шли, бабушка? — спросила Марина.

— Посмотреть невесту. Может, она какая кривая, хромая, да ещё горбатая. Зачем такую привозить?

Марпа засмеялась своим словам с каким-то удовольствием прямо, как ребёнок. А Марина уже успокоиться не могла.

— А если я им не понравлюсь? Да иначе и быть не может! Уж точно не понравлюсь. Тогда что?

Не понимая, чего боится гостья, Марпа стала её успокаивать и объяснила, что невест привозят со стороны давно. Никто и не помнит — с каких пор. Так что Марина не первая и не последняя. За многие-то века все, посчитай, породнились.

Жениться на сёстрах и выходить за братьев — негоже вроде. Так что хранители из каких-то глухих деревень или оленеводческих чумов привозили молоденьких девушек для созревшего жениха. Люба, не люба, а женись. Что есть, тому и радуйся. Как правило, невесты были из многодетных семей, видимо, считались обузами, не надеялись на выданье и богатым сватам были рады. Привыкать к здешнему укладу жизни им не составляло сложности — тот же крестьянский труд, те же домашние заботы. Не фифы какие-нибудь, не царевны, легко обывкали.

— Так я же фифа, — самокритично напомнила Марина.

— Ну, и что? — спокойно отнеслась к этому Марпа. — Я тебя всему научу.

Перспектива носить воду на коромыслах, как видела в кино, косить, разделять оленьи шкуры — и что ёщё там? — почему-то не очень обрадовала Марину, не вызвала восторга. А тут ёщё бабка вздохнула:

— Только жаль вот — лет тебе многовато.

— Да какая же я старая, бабушка? — обиженно возмутилась Марина.

— Я ж не сказала — старая, лет, говорю, много.

Оказывается, хранители предпочитали привозить невест малолетними, чтобы те вырастали в здешней среде. Если поначалу и была разница с ровесницами, так быстро стиралась. С оленеводами или с рыбаками из глухих юрт всегда можно было поладить, даром отдавали девчонок, не видя в них проку, когда их много. А то и обмен шёл, он отдаёт дочку, а для сына забирает невесту. Девкам здешним ведь тоже замуж надо.

Хоть Матвей Мезенцев в своё время и говорил, что на большой земле есть очень строгая советская власть — олени стада и каждый человек у неё на учёте. Но ведь за шесть месяцев касланий мало ли что могло случиться. Детская смертность в тундре была велика. Приехали в село родители, сказали — умерла, похоронили. Кто поедет проверять? А девчушка растёт в новой семье, в тепле да сътости. Уже и жениха своего знает, кому предназначена. Так что обновление населения происходило, но очень осторожно и с большим выбором.

К тем, кого девчушками привезли, Марпа относилась доверчиво, всё-таки на глазах выросли. Но ведь привозили — хоть и редко — подростков. Так те у бабки с первого дня вызывали большую настороженность, да и потом она относилась к ним подозрительно. На своём горьком опыте познала, что не надёжный они народ, уже испорченный предыдущей жизнью в большом мире и неисправимый.

Марину всё-таки сильно задело заявление Марпы, что лет ей много. Значит, она невеста с изъяном? И Марина поинтересовалась:

— А тебя, бабушка, тоже привезли?

— Да ты что?! — будто даже испугалась Марпа. — Не-е, я здешняя. И мать, и бабушка, и бабушки бабушка — все местные. Род-то наш от начала. Что ты, милая? Как могла только подумать — «привезли»?

— Так я ж не знала, бабушка.

— Теперь-то знай. Больше так не говори.

Чего уж так всполошилась? Ну, коренная и ладно. Но для неё это важно оказалось. Впрочем, и Пушкин гордился, что из столбовых дворян. А ведь умнейший человек. Значит, есть в происхождении повод для гордости. Но это чувство Марине не знакомо, никогда не задевало душу, и не с чего было. От бабки Марпы она тоже не ожидала такой чувствительности. Подумаешь — здешняя! Оказывается,

новенькие свои имена привозили — Анастасия, Наталья, Ольга, Катерина... А здешние переиначивали на свой манер — Настук, Наталь, Эльгэ, Катьэ. Отец дочь назвал Марфой, видать, продвинутый был. Звать стали — Марпой.

— Мать-то ведь не соглашалась, — призналась бабка.

— А как тебя мама назвала? — спросила Марина.

— Туяна.

— А что это значит?

— Туй — это путь. Путная, выходит. Мама всегда говорила: «Ты у меня толковая». И звала Туяной. Ещё один человек так же звал...

— Мне тоже нравится — Туяна. А меня бы как назвали, бабушка?

Видимо, имя давать было непросто, Марпа надолго задумалась. Её дыхания не было слышно, наступила глубокая, прямо-таки первозданная тишина, да ещё при кромешной темноте. Марина представить не могла прежде такую тишину и такую темень. Она даже подумала, что так темно и тихо было до Большого Взрыва, до того момента, как из малого ядра разлетелась осколками Вселенная. И ей почудилось, что она невесомо летит в бездонную колодезную глубину времени, где ещё ничего не было, даже не по себе стало, и Марина подала голос.

— Бабушка, — позвала она, — вы не уснули?

— Да что ты, милая! Я раньше тебя не усну. Ты даже и не беспокойся. Акань.

— Что акань?

— Так называла бы тебя. Красивая потому что, хрупкая, как куколка.

— Нет, бабушка, я не хочу быть куколкой. Куклы — они же безмозглые. Так только дразнятся — кукла.

— Ну, давай другое имя поищем. Что нам-то с тобой? Акань не нравится, так и ладно. Другое имя не найдём что ли? Мича.

— Это что?

— Красивая.

— Ну, опять, бабушка! Не такая уж я красавица. Да и на мужское имя похоже — Мича, Митя.

— Надея.

— Это что, надежда?

— Вот видишь, догадалась. Значит — твоё имя. Оно ждало, ждало тебя, а ты вот и пришла. Да сразу признала. Теперь Надеей будешь. Я тебя по-другому-то и звать не стану. Уж как хочешь, милая.

Спорить Марина не стала, ей понравилось новое имя. Но она отвлеклась от главного интереса — чем «привезённые» Марпу не устраивают. И Марина так прямо и спросила — имена именами, а что ещё? Марпа голос понизила, будто кто-то мог их подслушать, и поделилась более важной причиной.

— Они мясо варят.

— А как иначе?

— Не было у нас обычая варить на огне мясо да рыбу. А они вот такую моду привезли. Я даже не знаю, что теперь делать. Здешние-то все были сыроедами. Это Матвей так называл нас — сыроеды. Прадед Санчи. Рассказывал? Ну, вот. И сроду мы не знали соли. Теперь какие дети вырастают? Они же совсем другими вырастают. Это уже не те люди, что были. Я-то своих внуков-внучек берегу от лиха, не готовлю на огне. А «привезённые»? Которые мужики-то жён не боятся,

так те волю им не дают. Но есть, есть и такие, хоть тайком, да варят и солят. Тыфу!

- Да как же, бабушка, не варить и не солить? Да все люди...
- И пусть все, — торопливо перебила Марпа. — А нам нельзя.
- Отчего же?
- По старинке надо жить.

Признаться, Марина так не считала, но не стала спорить с бабкой. А Марпа, оказывается, боялась, что дети селища вырастут не прежними, не похожими на предков. И всё почему? А потому, что человек стал придумывать разные вкусности себе во вред. Матвей рассказывал, что в большом мире люди едят, так Марпа в ужас приходила. Природа даёт человеку всё, что ему нужно, и ничего сверх того не надо придумывать.

— Так, глядишь, и веры не станет.

И вот эта опасность больше всего тревожила Марпу. Ведь вера должна впитываться с молоком матери. А если мать сама слабо верит? Вера крепка, если ты с ней в сознание пришёл. Ребёнок-то поначалу и не понимает, где оказался, в каком мире. Это же сколько ему понять надо! Да ещё и разобраться, без чего не прожить, а что на дух не нужно. Вот в этом-то главном вера и помогает. Она до конца дней будет вести за руку, как мама в детстве водила. И выходит, вера — помощница наша и хранительница.

В замечании бабки, что лет ей много, ничего обидного для Марины не оказалось. Она действительно в том возрасте, когда трудно поверить в какую-то золотую богиню. Если Марина и впитала что-то с молоком матери, так это чувство удовлетворения. Родители во всём потакали единственной доченьке, так что ни в чём она не знала отказа. Ей всегда было хорошо и плохо быть не могло. Это засело в голову, это в крови растворилось, как сахар в чае. Если эгоизм — тоже религия, то уж её-то Марина старательно впитала с молоком матери.

— Ну, спи, — уже сонным голосом проговорила Марпа, — спи, Надея.

Но именно в этот миг Марину удивила внезапная мысль. Ведь только что уверяла себя, что в сказки не поверит. А почему с такой лёгкостью приняла Узю? Ведь сомнения не возникло, что разыгрывают, а как бы даже сама ощущала присутствие кикиморы. Воздух что ли тут такой, дурманный?

Надо бы всё это обдумать. Бабушка вроде уснула, тихо и мирно посапывает. Может, прикинулась или пример подаёт. Но ничто не мешает Марине размышлять, да не о каких-то экзаменах или других пустяках, а о том, о чём прежде голова не болела. Что это за мир, куда она попала? Почему ничто не удивляет — ни вкопанные избы, ни безлюде — никого же не видела! — ни кикимора... Кажется, всё так просто, всё так привычно, словно в какой-то предыдущей жизни она со всем этим была уже знакома.

И во многом, если не во всём Марина разобралась бы при теперешней необычной ясности ума, если бы не предательский сон. Но уже через минуту девушка спала безмятежно, как в детстве, чему-то во сне улыбаясь. Одна кикимора Узя видела эту улыбку. Она без опасений пробралась в дом, когда Марпа уснула.

Глава 3

Нынче выдалось полнолуние, и деревья проглядывались далеко. Казалось, огромное стылое око луны заколдовало лес, и жизнь замерла. Поначалу Санча шёл через кедрач, чистый, без подлеска, будто прибранный заботливой хозяйкой. Под ногами сухой мох хрустел мягко, но и эти слабые звуки, видать, насторожили зверушек, лес стоял без признаков жизни. А ведь одних белок в этой роще не счешь, пожалуй. Высунули, должно быть, ушастые головы из дупел и трепетно замерли, усиленно стараясь угадать, кто это нарушил их покой и опасен ли ночной возмутитель.

Всю дорогу Санча шёл на подъём. После кедровой рощи он вышел на редколесье, на лиственничную редину. Лиственницы по своему рангу не могли тесниться, каждой надо было много земли, чтобы напитаться соками, которые древесине дают твёрдость, равную железу.

Дорога становилась всё круче. Санча ступил в ущелье меж двух гор, расположенных поначалу на изрядном расстоянии друг от друга. Но дальше теснина сужалась и сходила на нет. Подъём стал круче. Но, главное, начался спелый, перестойный лес, мешанина елей, берёз и пихт с подлеском из можжевельника, шиповника, голубики, да к тому же попадалась осока, торчащая пучками сабельных клинов. Казалось, тут болоту не место было, но временами ноги ступали на ёбкую почву.

Когда-то, видимо, по этой лощине сбегал водный поток, и островками остались зыбуны на бывшем русле. Их подпитывали дожди, потому они не высыхали. И это были настоящие ловушки, готовые поглотить с головой неопытного путника, но Санча знал потаённую тропу, и легко передвигался через гущу свившихся кустов. Он и при желании не сумел бы ошибиться, ноги сами находили, куда ступать, так что и напрягаться не приходилось.

Чем выше в гору Санча поднимался, тем растительность становилась мельче, уже и карликовые берёзы пошли. Будто кто-то понарошку извил их тонкие стволы, стараясь себя превзойти в художестве. Да и кто мог быть, если не сама природа? Ещё выше начались стланцы, зелёными пятнами выступали они на крутых обрывистых склонах. Крохотные кедры и берёзы каким-то чудом лепились на голом камне, игрушечные стволы их не поднимались, а ползли по тверди, цепляясь ветвями за своих соседей. Вот же сила жизни! Просто завидная...

Одолев кручу уже на четвереньках, Санча оказался перед каменной чашей, которая была когда-то ложем довольно большого озера. Вода вытекла, найдя слабые горные породы, растворив их и смыв. А следом образовалось множество карстовых пустот, пещер, целые лабиринты, причудливо запутанные, как ходы гигантских кротов. В этих пещерах жили хранители, сам главный тун Харла и таилась Зарни Ань.

Перед тем, как двинуться дальше, Санча с высоты поглядел вниз и невольно залюбовался увиденной картиной. Горы выселились полукругом, образуя гигантскую подкову. В границах этой подковы небесной голубизной отливало большое продолговатое озеро, из которого в разные стороны вытекали две речушки, — по одной из них он недавно плыл с Мариной на челне, — зеленели луга и курчавились рощи. Самого селища было не различить среди этого благолепия. Горы закрывали

эту местность от сердитых всегда, а зимой даже лютых северных ветров, создавая особые, уютные условия для жизни. Райский уголок и только!

Междур прочим, баба Марпа была уверена, что раньше тут жил сам Ен, вышний бог, но потом, закончив сотворение мира, перебрался на седьмое небо. Может, сильно устал. Или что-то ему не понравилось из того, что сотворил. Марпа точно не знает причины. А говорить о том, в чём не уверена, она не будет. Врать не умеет. Но что эти места от Ена достались людям, Марпа не сомневается.

Чего это вдруг вспомнилась баба Марпа? Санча даже улыбнулся, как только подумалось о ней. Он любил её с малых лет. Он вырос под тихое задушевное звучание её голоса. Что будет с бабой Марпой, когда Санча при всём народе будет говорить, как тун Жалейка обманул земляков, выдав сворованный им колокол за богиню Зарни Ань? Стоит ли правда Санчи того удара, того духовного потрясения, которые он нанесёт любимому человеку?

С такими мыслями Санча пробрался к жилищу деда Харлы через подземный ход, похожий на длинный коридор, уходящий вглубь горы. Жильё главного туна находилось в нише высотой в человеческий рост и длиной в три метра. Умещались только топчан и столик с табуреткой, сколоченные с не ошкуренных берёзовых чурок. Стены и потолок тоже были обшиты берёзовыми жердями, получился этакий берестяной короб. Вход занавешивался циновкой. В этой монашеской келье температура воздуха держалась всегда одинаковой. Нельзя было сказать — тепло, но привыкнуть к этой прохладе можно было вполне. Рассеянный свет проникал с «коридора», и если циновку отодвинуть, то хватало его для глаз, как в ранние сумерки.

Старик лежал на жёстком ложе, забравшись в малицу, как в спальный мешок, так что капюшон находился в ногах, а подол прикрывал плечи. Харла всегда имел такое обыкновение — малица служила ему и периной, и одеялом одновременно. Голова его была высоко на пышной подушке. Санча заметил, что дед заметно сдал за время его отсутствия, лицо сильно осунулось.

— Вернулся, Эливан, — такими словами встретил его дед.

И трудно было понять, вопрос ли прозвучал, тихое ли восклицание, огорчился или обрадовался дед возвращению внука. Санча сел на табурет. И между ними возник разговор.

- Что с тобой, дед? Заболел?
- И полежать нельзя? Хочу и лежу. Лучше скажи — чего вернулся?
- Из-за тебя, дед.
- Вот не ожидал. Соскучился?
- Я догадался, что ты задумал, дед.
- И что это я задумал? Ну-ка, расскажи.
- Утопишь в болотах. Вот что у тебя в голове.
- Кого утоплю?
- Не кого, а колокол.

— А-а, вон ты о чём! И как это я умудрюсь? Сил-то хватит? Может, помочь поспешил?

В голосе деда чувствовалась усмешка.

- Нет, дед, не помочь.
- Тогда помешать?

— Сам не упрашишься, конечно. Так ведь Дёля Пеля попросишь. Ты выход найдёшь, дед.

Сил у Дёля Пеля на пятерых хватит, спустит колокол с гор, как нечего делать. Ум у него не хитрый, характер доверчивый, Харла просит, молчать будет. Мол, ты никому не говори. Дёля Пель и согласится. Можно ещё припугнуть — а то плохо будет. Главного туна все считают могучим шаманом. А кто же поперёк шамана пойдёт?

И уйдёт колокол в бездонную прорву.

Этот план Санча от начала до конца выстроил сам, уверенный, что угадал мысли деда, но тот в ответ только засмеялся. Судя по смеху, не был дед таким уж больным, чтобы лежать. По какой-то другой причине укрылся от белого света в своей келье.

Хоть Дёля Пель, насмешливо объяснил дед, и медведя сильней, но привлекать его к тайному делу никак нельзя. Он ни одного шага не сделал в жизни, о котором жена не знала бы. Ночью всё и выложит, как на духу, он без жениной ласки не может. А та язычок за зубами не приучилась держать.

С огорчением Санча признал свои предположения мальчишескими, но не всух, конечно. Когда он подумал о болотах, как о самом надёжном тайнике, то лучшего выхода для деда не видел. Но тот посмеялся над его выдумкой. Неужели у него есть какой-то особый план, который и разгадать-то невозможно? И как он один управится? Судя по сегодняшнему настроению, едва ли дед откроется внуку. О чём угодно будет говорить, однако, умолчит о том, что задумал.

— Отец говорил, Каля чего-то суетится, — сообщил Санча.

— Да знаю, — отозвался дед. — Опонько донёс.

Опонько был хранителем. Видный из себя вроде мужик, лет пятидесяти, важный, не ходит, а выступает, но сплетник неимоверный, равной среди баб не найти. И не скажешь, что со зла или от обиды наговаривает на человека, а натура такая, сорочья, знай, стрекочет, а неважно — о чём, был бы язык занят. Никакие сведения в голове не удержатся, как песок на ладони, по большому секрету чего-нибудь передай, а он тут же и выболтает. Но, правда, не привирает, в этом смысле он очень даже честный, слово в слово передаст. Да и корысти никакой не ищет, нет у него умышленной цели, одна страсть.

Деду Опонь рассказал, что Каю интересует.

— Что скажешь? А? — будто бы сказал Каля, при этом глаза затуманились от внутренней мечтательности. — Золотишко-то, а? Должно быть?

Скорее всего, в забывчивости подумал всух, не собираясь ничего обсуждать, но слова ж вылетели, а уж Опонь ухватил их на лету и поспешил до главного туна. Он был и до этого вхож в келью Харлы, еду приносил, воды, новости. Остальные хранители даже подумывать стали, что главный тун приблизил к себе Опоню, на своё место готовит. Да и сам Опонь лелеял надежду. И эта надежда была единственной тайной, которую этот человек умудрялся держать при себе. На деле Опонько был очень удобным осведомителем, Харла через него узнавал всё о хранителях, что говорят, чем недовольны, какие планы строят. О каком золоте Каля намекал, Опонько догадаться не мог, конечно, однако, Харле передал те слова.

Конечно, Харла виду не показал, однако, насторожился. Золото Каю мерещится! Зачем оно человеку при здешнем укладе жизни? Что он с ним собрался делать? Не засолишь, не провялишь, суп не сваришь... Зачем?

— Что-то не можется мне, — решил прикинуться и впрямь больным Харла. — Вот всё думаю...

— О чём? — чуть не задохнулся от любопытства Опонь.

— Как вы будете после меня.

И уже в сладкой надежде Опонь ждал, что Харла продолжит доверительную беседу и скажет, наконец-то, кому быть главным туном после него. Но, увидев застывшее в немом ожидании лицо Опони, Харла притворно застонал и слабо махнул рукой.

— Иди, Опонь, иди. Потом...

Конечно, Опонь огорчился, что ничего не узнал, но смиренно ушёл, и тут же отвлёкся мечтой о том, как он в подробностях расскажет Халею о своём посещении главного туна и о том, что дела со здоровьем у того явно плохи. В этом, мол, он убедился воочию. Так ведь этого и хотел Харла.

Уже уверенный в скорой смерти главного туна, Каля стал доверчивей со своим осведомителем. Опонь узнал, о каком золоте намекал Каля и передал, естественно, Харле.

— И знаешь, что ему в голову пришло? — спросил Харла внука.

Тот только плечами пожал.

— Что в пещере, — продолжил дед, — Зарни Ань стоит среди завала золотых монет.

— Какое золото? Откуда?

— А вот Каля знает — откуда.

Кроме непосредственной охранной службы хранители занимались ещё и торговыми делами. И было так издревле. Зимой, к примеру, на тройке оленей, одетый в малицу хранитель приезжает в село, в котором проходят ежегодные торги. Из тундры наезжает множество упряжек, оленеводы привозят «мягкую рухлясть», пушнину. Ничем от них хранитель не отличается, с таким же товаром торгует. Приезжие из России купцы обмениваются, им — шкурки соболей, куниц да лис, они — дробь, порох, ружья и другие надобности. А то и деньгами расплачиваются, коли на то пошло, коли торговец запросил. Хранители брали в обмен только то, без чего трудно было обходиться в повседневной жизни, главный тун запрещал баловать своих людей излишествами вроде бисерных ожерелий, кашемировых шалей да разноцветных лент.

Уже в советское время такие торги невозможны стали, поскольку купцов извели, а пушнину принимали государственные конторы. Но что стоило хранителю тот же самый товар сдать через знакомых оленеводов? Правда, возникло одно неудобство. Раньше купец мог расплатиться золотыми или серебряными монетами. Теперь об этом и подумать было смешно. И вообще внешний мир стал опасным.

Но хранители искали и находили пути для обмена пушнины на житейские нужды. У Санчи была своя тропа. Прокопий ещё до прихода в селище имел деловые отношения с Комовым. Он и передал ту тропу сыну и научил брать за товар доллары. Комов же посоветовал не копить деньги в сидоре, а через него передавать в банк. Там их каким-то образом становилось больше. При этом Комов жульничал безбожно, мало что недоплачивал за пушнину, так ещё с процентами мудрил. А где Санча найдёт замену? Зато Санча приехал к нему и получил свои деньги, как ехать понадобилось в далёкий город.

Опоня от пожилых хранителей знал, что в старые времена за пушину брали золотом, чтобы в случае чего откупиться от врагов. Каля тут же прикинул, сколько могло накопиться монет за несколько веков. И пришёл к выводу, что набралось их ровно столько, что не сосчитать. Мешков десять точно хранится, а то и больше. Это же уму непостижимо! Каля три ночи толком не мог уснуть от собственной догадки, так она его разволновала. В эти бессонные ночи и возник простой и очень даже ловкий план.

Истории жители селища о деньгах не имели представления. Это их сильно отличало от остального человеческого рода. А Опонь ещё лет семь назад ходил по обменным делам и говорил Кале, что за горами наступили такие времена, когда за деньги можно купить всё.

Это произвело на Каля большое впечатление, он даже почувствовал, что в нём проснулся другой человек. И этому другому человеку не давало покоя золото, которое лежит без толку, без всякого полезного употребления. По ночам ворочался бедняга с боку на бок в нудном томлении, пока не составил план.

А возник замысел в тот день, когда уехал Санча из стойбища в неизвестном направлении. И был слух — навсегда. Вот когда Каля почувствовал, что все путы спали с него. Если бы Харла оставил после себя внука, то с этим парнем Каля не управился бы. В тайге вообще-то свидетелей нет. Но Каля всё-таки на самый страшный, даже невообразимый грех не пошёл бы. Значит — тупик.

Но, должно быть, Зарни Ань была к нему благосклонна — Санча уехал. Теперь осталось так устроить, чтобы Опонько стал главным туном. А уж Каля будет при нём надёжным помощником. Вот и весь план. Несколько дней Каля жил, окрылённый надеждами. Счастливое было время.

Но самый ненужный ему человек вернулся, да ещё не один, а с бабой, то есть навсегда. И такая злоба охватила всего Каля, словно по жилам потекла чёрная кровь. Он сам себя испугался. Опонь, принёсший дурную весть, увидел на бледном лице приятеля волчий оскал. Даже оробел — уж не оборотень ли перед ним?

— Дед, а есть оно, золото? — спросил Санча.

— Зачем тебе знать? — безучастно ответил дед. — Думай, что нет.

— Я ж не Каля. Мог бы и сказать.

— Сегодня не Каля, завтра Каля.

— Да ты что, дед? Как можешь обо мне...

— Ты был в большом мире. А там люди убивают друг друга ради золота. Я это знаю. И ты это знаешь.

А тут пока такого нет и быть не должно. Жители селища с малых лет знают, что богиня Зарни Ань вся из чистого золота. Но никому не приходит в голову, что это и есть то золото, которое приносит богатство, ради которого люди в большом мире идут на любой грех. Даже Каля польстился монетами, а не зарялся на Золотую бабу. А почему? А потому что ещё крепка вера в душах зырян.

— Мы с тобой знаем, что нет Золотой бабы, — который раз толковал дед внуку. — Но не это важно. А веру сохранить важно. Для этого-то и надо, чтобы никто и никогда не узнал о колоколе.

Сокровенные мысли деда Харлы были бы убедительны, если бы Санча не думал иначе.

Глава 4

После дороги Марина так крепко спала, что не видела никаких снов. Такое было ощущение, что минуту назад закрыла глаза, а теперь вот очнулась, но уже отдохнувшая, бодрая и в хорошем настроении. Она вспомнила сразу, где находится. Тем более, что баба Марпа перед своим уходом растворила окошко, в комнатке было светло.

Поднявшись с топчана, Марина прихватила свою сумочку и вышла в общую комнату с намерением найти, где можно заняться утренним туалетом. Она буквально наткнулась у входа на детей, которые стояли плотной стайкой, мал мала меньше. Как потом узнала, дети уже с семи лет, а то раньше начинали помогать взрослым и бездельничать могла только мелюзга.

Вот эти малыши давно ждали, когда проснётся гостья, проявляя редкое терпение, — не шумели, не разговаривали, даже не шушкались, чтобы не разбудить соню. Кто в такое время спит? Солнце уже из-за гор поднялось. Марина удивилась, как на неё уставились распахнутые глаза, будто она была невесть кто. А потом самая маленькая звонко засмеялась, показывая на Марину пальцем, и остальные прямо-таки зашлись смехом.

Баба Марпа сидела возле открытой двери, где было светло, и костяным скребком снимала с оленьей замоченной шкуры мездру. Она была в длинном платье из домотканого полотна. Марпа удивлённо подняла голову, не понимая причину детского веселья, а потом бросила работу и поспешила к Марине. Что-то сказала детям на своём языке, руками замахала, и те разбежались, в ладошки уткнув носы и душа смех. А Марпа взяла Марину за руки, вывела на улицу и стала кончиком платка вытирать лоб и щёки.

— Узя это, — объяснила она ничего не понимающей Марине. — Ночью приходила. Ну, я ей задам!

Марина извлекла из сумочки зеркальце. Лоб и щёки были вымазаны печной сажей. Она не успела испугаться, как баба Марпа поспешила успокоить:

— Она только пугать любит, а сама безобидная. Вон дети и те не боятся.

В открытых дверях, стиснувшись в один комок, стояли малыши, в живых глазёнках было столько любопытства, что Марина невольно успокоилась.

— А где я могу помыться? — спросила Марина бабушку.

Повернувшись к детям, Марпа что-то сказала на своём языке, отчего те сильно засуетились, одни юркнули в дом, как белки в дупло, остальные выскочили на улицу, стыдливо сторонясь гостьи, пробежали вперёд и остановились. К ним присоединились выбежавшие из дома две девчушки, одна с полотенцем в руках, а другая с большим куском хозяйственного мыла и мочалкой.

— Они тебя поведут, — сказала баба Марпа.

Оставить свою работу бабка не могла, шкура засохнет, а смочила она её не просто водой, а раствором из оленьей печени, чтобы мездра отходила легче. Дети — пять девчонок и трое мальчиков — пошли впереди, всё оглядываясь и жестами приглашая за собой.

— Да постойте же вы! — просила Марина.

Ей удалось ухватить девчонку за руку и повести рядом. Тут же ухватилась за свободную руку вторая девчонка. И остальные дети окружили Марину. Они поняли, что тётя готова с ними дружить. А уж их-то упрашививать не надо.

Вышли на берег озера, которое лежало в покое, отражая небо с ватными облаками и горы в белых шапках. Под ногами хрустела мелкая галька. В стороне, в шагах двадцати зеленел густой тальник, за ним темнела тайга, будто спускаясь с гор сизой лавиной. И горы вокруг, и раздольное озеро — всё было первозданным, словно только вчера Бог создал мир, и Марина оказалась в этой новизне. Прежде она видела другой мир, уже переиначенный человеком. И теперь ей было жаль, что люди лишили себя такого воздуха.

Дети шумно, как галчата, побросали одежонки — платьица и длинные рубашки — и уже бултыкались в озере. Марина опасливо оглянулась, не видит ли кто, и осталась в купальнике. Она ступила в озеро. Вода оказалась прохладной, но Марина привыкла быстро. Под ногами тугой песок оказался ребристым, как стиральная доска.

Дети помогали ей мыться, держали то мыло, то мочалку, но тут чего-то случилось. Мальчишеский голос испуганно прокричал:

— Ягса!

Марина как раз обильно намылила голову и не могла открыть глаза. Она определила по плеску воды и крикам, что дети выбежали на берег. Окунувшись головой в озеро, Марина смыла мыльную пену с волос и осторожно высунула голову из воды. Оказалось, что дети отбежали на изрядное расстояние от берега. Они показывали руками на тальник и выкрикивали всё то же непонятное слово:

— Ягса!

Они были чем-то очень напуганы, но и дрожа от страха, не могли оставить гостью одну. Друзья познаются в беде. Это уж точно! А пока Марина никак не могла понять, отчего так всполошились дети. Она смотрела в сторону тальника и ничего опасного не видела. Может, медведь?

Не видя угрозы и оттого не чувствуя испуга, Марина решила выйти из воды и обтереться полотенцем, что лежало, брошенное, на кромке берега. Но тут увидела бегущую к озеру и очень встревоженную Марпу. Та кого-то ругала и размахивала хворостинкой, будто отгоняла гусей. По тому, как заколыхались верхушки тала, Марина поняла, что кто-то тайком следил за ней из зарослей, а теперь убегал. Но страха всё равно не было. Как можно бояться того, кто убегает от хворостинки в руках старушки? Наверно, какой-то бесстыжий парень.

Странным показалось то, что Марпа оставалась очень обеспокоенной.

— Нельзя тебя оставлять одну, — упрекала она себя.

— Так я ж не одна, — пыталась успокоить бабушку Марина. — Вон сколько нас!

Дети уже подбежали и что-то лопотали на своём языке, вероятно, рассказывали о своих переживаниях. И снова повторяли это слово — Ягса. Марина поинтересовалась, что это значит, но Марпа отмахнулась:

— Не надо тебе знать, милая.

Ладно. Не надо, так не надо. Марина спросит у Санчи. Нет проблем. Марпа отправила Марину с детьми домой — дорога близкая, да и место открытое, ни кустика. Сама же осталась на берегу и с кем-то стала разговаривать. Должно быть, с Узей. Марина спросила детей, видят ли они, с кем беседует бабушка Марпа. Но они ничего не поняли.

— Так, — сказала строгим тоном наставницы Марина, — надо заняться вами. Вы у меня будете говорить по-русски.

И предстоящее обучение начала с того, что показала на себя и назвалась:
— Надея.

Дети стали наперебой повторять — Надея, Надея. Они поняли, что так её зовут.

— Уже не плохо, — подвела Марина итог первого урока и стала по очереди показывать на детей. И те догадались, чего от них хочет гостья, называли свои имена. Но Марина поняла, что ни одно имя не запомнит, слишком непривычные — Спира, Проке, Сизим, Мича, Жунь...

Учительское рвение, внезапно возникшее, увлекло Марину. Уже в жилище она усадила детей на скамью, что стояла у глухой стены, и стала читать стихи:

— Буря мглою небо кроет...

Она уже выработала новую методику обучения. Прежде всего, необходимо приучить к языку, чтобы дети привыкли к звучанию русских слов. Для этого более всего годятся, конечно, стихи. Марина читала выразительно, помогая себе жестами и мимикой. Дети это восприняли как игру и стали дурачиться, корча рожицы, кривляясь и неся немыслимую словесную белиберду. И всё кончилось общим хохотом.

Вернулась Марпа, села опять за свою работу у порога. Марина подошла к ней и опустилась на корточки рядом. Марпа была сухонькой маленькой женщиной, словно телом осталась в подростковом возрасте, а доброе с карими глазами лицо, как срез дерева, свидетельствовало морщинами о прожитых годах и о добытой мудрости. Оно было умное, это лицо, что сразу бросалось в глаза, и оно было скорым на приветливую, мягкую улыбку. Должно быть, в молодости Марпа была очень красивой, потому что и теперь на неё было приятно смотреть. А ведь это бывает редко, чтобы человеческое лицо сразу так располагало, что не отвести было взгляда.

Так привлекают и трогают только лица наших постаревших мам.

— С Узей поговорила? — спросила Марина.

— Поподи она, — винясь за Узю, ответила Марпа. — Для смеху, говорит, измазала сажей. Больше не будет.

— А кто в кустах был? — не могла не спросить Марина.

— Медведь, милая, — быстро ответила Марпа. — Не бойся. Они людей не трогают, съедят.

Лукавить Марпа явно не умела, поэтому отвела взгляд. Марина ещё больше уверилась, что у неё появился какой-то ухажёр, тайный воздыхатель. Вот она узнает — кто, и вправит мозги. Весь день она провела с детьми. Баба Марпа не спускала с неё глаз. Чего боялась? Но явно же чего-то опасалась. Дети звали в лес за грибами, Марпа не пустила. Хотели по селищу походить, с другими детьми в прятки поиграть, но Марпа не позволила. Сидите, мол, дома или играйте на дворе, и нечего разное придумывать.

Вечером вернулся Санча. Марина издалека увидела его и бросилась навстречу, обняла, повисла на шее.

— Как я соскучилась!

А он её осторожно и очень мягко отстранил от себя и тихо сказал:

— Смотрят же...

У них не принятые были прилюдные нежности. Но Марине-то что до этого? На всякий случай она оглянулась и никого не увидела. Но ощущение того, что за

ними следят невидимые глаза, возникло. Больше не стала вешаться на шею, а стукнула Санчу кулаком в бок и сказала:

— Медведь толстокожий...

Да тут же похвасталась:

— А я знаю, как «медведь» по-вашему. Ягса. Уже выучила одно слово. Вот как!

— Ягса — это Леший, — ответил Санча, смеясь.

Марина уставилась на него, распахнув глаза.

— Леший? Ты шутишь? Разве лешие бывают?

— А чего им не быть? — подивился Санча.

Ему показалось, что Марина побледнела.

— Что с тобой? — обеспокоился он.

— Идём домой, — она взяла его за руку и повела, решительно шагая впереди. — Поговори с бабушкой, потом расскажешь мне. Хорошо?

А Марпу искать не надо. Она уже стоит у входа и ждёт внука с невестой. Видимо, на эти минуты её другие заботы отошли в сторонку. Марпа и Санча перекинулись несколькими словами на своём языке, и тут же Санча перешёл на русский.

— Не надо от неё ничего скрывать, — Санча придвинулся к Марине и явно хотел обнять за плечи, но сдержался.

Жалкий трус! Но обличительный пыл Марины угас, как только заметила детишек, которые столпились у двери и замерли в ожидании того, когда тётя-учительница освободится, чтобы броситься к ней и показывать на себе свежие познания — «рука», «нога», «голова». Они сегодня все свои игры забросили, потому что куда интересней было узнавать, что «зыр» называется «лопатой», «керка» — «домом», а «ме» вовсе смешно — «я».

Толстое сосновое бревно, стёсанное сверху, лежало на двух камнях и служило скамейкой. На нём и устроились Марпа, Марина и Санча. Дети проявляли удивительное терпение, молча смотрели издали на взрослых, хотя разговор между ними затянулся. Впрочем, говорила больше Марпа, а Санча только изредка уточнял вопросами. Марина же молчала, потому что всё, о чём она слышала, походило на сказку, да ещё и недобрую.

— Я тебе раньше не говорила, Санча, — с этих слов начала Марпа. — Зачем, думала, знать тебе. Да и Прокопий, вишь, скрывает. С медведем, мол... Да какой медведь! Как раны увидела, сразу не поверила.

— Что ты узнала? — спросил Санча.

— А можно при Надее? — спросила Марпа, жалостливо поглядев на Марину.

— Можно, можно, — скороговоркой разрешила Марина.

Но Марпа ждала, что скажет внук.

— Ну, зачем от неё скрывать? — рассудил Санча.

— Ягса приходил, — сообщила Марпа, — когда Надея с детьми купалась.

— Я уже догадался. Это сегодня. А о чём ты раньше не говорила?

В тальнике сегодня прятался молодой Ягса. А молчала Марпа про старого Ягсу, отца этого соглядатая. Вот с тем-то Прокопий и подрался, а совсем даже не с медведем.

— Что ты такое говоришь, бабушка? — не поверил было Санча.

Прокопий во время охоты, видимо, случайно набрёл на жилище Ягсы. Между ними возникла ссора.

— Да откуда знаешь? — удивился Санча. — Отец признался?

Но Марпа невозмутимо продолжила рассказ о том, как Ягса вдруг заметался между деревьями, будто в бешенство впал. Да так, видимо, и было. Узя своими глазами видела, как Ягса кинулся в топь. Сам.

— А-а, от Узи знаешь, — недоверчиво произнёс Санча. — Она и соврать может.

— Может. Но не врана.

— Не мог отец против Ягсы... Знает — нельзя.

— Совсем нельзя, — согласилась Марпа. — Но Узя говорит, драку Прокопий затеял. Вот ведь что!

— А чего отец задрался? — спросил Санча. — Чем Ягса помешал?

— Разве Прокопий скажет! — отстранилась от ответа Марпа.

— А ты не знаешь?

— Раз молчит, значит, не может об этом говорить. Вот что я знаю.

— Это ж какая должна быть причина, — вслух размышлял Санча, — чтобы на лучшего пойти с кулаками. А?

— Видать, была причина. Не тревожь отца, не спрашивай. — И посмотрев на Марину, Марпа убеждённо добавила: — Теперь молодого опасаться надо.

Чтобы Марина не терялась в догадках, Марпа объяснила, что молодой Ягса не простит людей и неизвестно как, но отомстит за отца. В месть молодого Ягсы Марина сразу поверила, и как-то ей даже зябко стало. Почему он за ней следил? И что могло быть, если баба Марпа не прогнала бы его прутиком.

Санча прикоснулся руки Марине.

— Никуда не ходи одна, — попросил он. — Ни шагу от дома. Бабушка, слышишь? Купаться пойдёт, глаз не спускай. Узю уговори, чтобы следила, нет ли поблизости Ягсы.

— Сама знаю, Санча. За Надею не тревожься.

— За какую Надею?

— За меня. Бабушка мне дала новое имя — Надея. Тебе нравится?

Он поднялся, и Марине показалось, что уйдёт молча, но Санча посмотрел на неё каким-то удивлённым взглядом, словно впервые видел, и улыбнулся.

— Надея...

И голос прозвучал мягко, и улыбка была хорошая. Санча ушёл в дом, детвора в дверях расступилась, пропустив его, и снова сошлась в одно многоголовое и глазастое существо, застывшее в трепетном ожидании.

— Бабушка, а Узя здесь? — спросила Марина, поглядев по сторонам.

— Да нет её чего-то, — проворчала Марпа, тоже повернувшись головой.

— Она какая?

— Ну, какие бывают кикиморы? Страшненькая. Нос длинный. Волосы, как пакля. Руки — закорюки. Обыкновенная, в общем.

— А как ты её видишь?

— Не знаю, милая. Вижу и всё.

— Как меня?

— Да нет! Что ты? Она зыбкая. Понимаешь? Как дым. Вот, к примеру, на воде рябь. А ты склонилась. Какой себя видишь?

- Да, да, — поняла Марина. — Зыбкой. И как дым.
— Вот же какая ты у меня умница!
— Она ходит или летает?
— Как-то я даже и не думала. Да не ходит, и не летает. Появится, исчезнет.
— Я поняла. Она — дух.
— Ну, конечно. Вообще-то — нечистая сила.
— А как же ты с ней дружишь, бабушка, раз она нечистая?
— Да мы с детства, как две сестры. Как же я могу прогнать от себя? Я ей всё время говорю, чтобы она зла не делала никому.
— Слушается?
— Ну, как не слушаться? Я ж её прогоню. И она совсем одна будет. А кто ж этого хочет? Чтоб одной... Хуже не бывает.
— А Ягсу тоже видишь?
— Так он же, как мы, — засмеялась Марпа. — Из мяса и кости.
— Он похож на человека?
— Ну, конечно! Только большой и не разговаривает. А ещё можнатый, как медведь. Зато одёжки не надо. А то какая ж ему малица нужна, такому большому? Руки отвалятся, пока сошьёшь.
И теперь Марина спросила о том, ради чего и завела разговор:
— А почему Санча так за меня испугался?
— Я тоже боюсь.
— Чего вы с ним так боитесь?
— Так-то он людей не трогает. Попугать любит, а чтоб кого обидел... Нет, такого не было. Но этот же злой за отца. Кто знает, что у него в голове?
— Я знаю, — заявила Марина. — Он меня украсть хочет.
— И такое может быть, — спокойно ответила Марпа. — Но мало ли, что он хочет!
— А если ночью придёт?
— В дом-то не проберётся. Да и Узя за ним следить будет. Я попрошу.
— Бабушка...
— Что, милая?
— Расскажи мне про Узю.
— А чего рассказывать-то? Даже и не знаю. Вроде ничего такого и нет, о чём рассказывать-то.
— Да как же нет? Она ведь живой была когда-то. Потом умерла. А вы всё дружите.
— Она-то умерла. А душа? Ну, да! Откуда тебе знать? Молода ещё...
— Чего я не знаю?
— Душа человека, Марина, не умирает. Куда она девается, я толком не знаю.
Да и никто не знает.

Она посидела, теребя сухими узловатыми пальцами кончик платка, наброшенного на плечи, додумала какую-то свою мысль и посмотрела на Марину, при этом лицо осветилось робкой, стеснительной улыбкой. Для приличия немножко поворчала на себя, мол, старая и глупая, всякого наврать может, так что слушай её, да своей головкой суди. Толком-то, мол, и впрямь не знает, куда деваются души усопших, а догадка есть.

Вот по весне птицы прилетают. Они же строят гнёзда, стараются, хлопочут, гомонят, а жить в них вечно не будут. Подросли птенцы, встали на крылья и оставили гнездо. Так, возможно, и души. Люди им нужны, как птицам гнёзда. Только успел родиться человече, а душа уже поселилась в нём, уже нашла себе гнёздышко. А как помер, улетает на вольную волюшку. И уж где та воля начинается, да имеет ли конец, того мы не знаем. Может, летят до самого Ена. Может, ему никак без них не обойтись. Кто нам скажет? Никто же не скажет.

— Отчего же душа Узи не улетела?

— А за грехи кто ответит?

— За какие грехи?

— За свои. Вот она умерла и всё? И никакого над ней суда? Нет, Надея. За наши грехи ответит душа. Никакой воли не получит, останется на земле и будет вечно маяться. Так это, так. Даже и не спорь со мной.

— За что так Узю?

— Дитя извела. Вот за что.

— Как извела?

— У нас такого сроду не было. Чтобы собственное дитя бросить! Да что ты, милая! Разве ж можно? Если и в старые времена случилось, и то помнили бы. А нет, не было, чтоб мать сгубила дитя по своей воле. Большего греха быть не может. Уж какая ни терпеливая Зарни Ань, а такого не простит.

— Узю наказала Зарни Ань?

— А кто ж ёщё? Она, милая, она. — Марпа кивнула в сторону детей. — Ждут тебя. Ишь, как понравилась!

— Ну, ёщё подождут, — просительно проговорила Марина. — Бабушка, ну, пожалуйста, расскажи про Узю. Как вы дружили?

А как дружат девчонки? Обыкновенно. Они же одногодки были. И жили рядом. Соседи друг без друга не обходятся, эти помогут, те им подсобят, без людской помощи не обойтись. А дети же рядом крутятся, видят, взрослые ладят, и они по их примеру. Марпа с Узей на день и то не разлучались. С утра до вечера всё у них какие-то секреты, не соскучатся. Замуж и то вышли в один год, по шестнадцати было, не больше. Марпе достался тихий муж, молчаливый и добрый. Баб тут не принято обижать, Зарни Ань сама женщина, и мужики опасались даже прикликнуть на своих жён, а не то, чтобы руки распускать. Жена, может, и стерпит, а Зарни Ань так не оставит. В тайге всякое может случиться.

Рассказывали, что в давние времена какой-то мужик побил жену. Так чего добился? Пощёл на охоту и на хоженом месте угодил в зыбун. Весь день и всю ночь орал, звал на помощь, но никто не услышал воплей, а песчаная жижка неспешно засосала беднягу. Сколько людей потом по тому месту ходило, никакого зыбуна не обнаружило. Кто же после таких страостей посмеет злить Зарни Ань? Ясно же, добром не кончится.

Так что мужики вели себя осторожно. Однако сердцу не прикажешь. Оно-то у нас своевольное, само по себе живёт. Марпа к своему мужу притерпелась, жалела, а Узя своего невзлюбила. На людях не показывала своей неприязни, да и мужу наедине была покорна, а только Марпе доверяла свою боль и отчаяние. Родители её выдали не за того, за кого хотела Узя. Босиком бы по снегу побежала к тому. Да разве ж можно? Тот-то, желанный, был женат. А не было у здешних такого,

чтобы муж бросал жену или жена уходила от мужа. Что это за манеры такие — сходиться да расходиться? Не по-людски это!

Так что того, чего хотела Узя, и быть не могло. Вот и жила, стиснув зубы. У Марпы уже две дочки родились, а Узя всё не беременела. Тоже редкий случай. В селище бабы рожали по многу детей. А тут вот не заладилось что-то. Но неожиданно Узя понесла. Пока об этом знала только Марпа, единственная подруга. Даже мужу Узя не призналась. И не успела сообщить. Муж утонул. Ставил сетку на озере с лодки, шаткой и утлой, да навалился на палку, а та сломалась, он и вывалился в воду. Видать, барахтался, всё больше запутываясь в сети, и захлебнулся.

И не пошла бы Узя, вероятней всего, на грех, если бы не заболела жена Ойко. Это же он изводил сердечко Узи. Теперь тоже постарел, на сивого филина похож. Правда, и прежде не отличался особой статью да молодцеватостью. Всё суетился, да ойкал. А вот чем-то пришёл Узе, и она в нём видела невесть кого. Не зря говорят — сердцу не прикажешь. Прослыпав про болезнь жены — та и впрямь на улицу не выходила, — Узя решила, что баба помрёт и оставит место рядом с Ойко свободным.

Вот и пришла ей в голову дурная затея, о которой она даже Марпе не сказала. Пояснила, что уходит в тайгу, сама будет промышлять, муж не успел заготовить еды на зиму. Что уж тут такого? Некоторые бабы охотились. На медведя не пойдут, конечно, или на лося, но запросто добудут и зайчатины, и глухаринных да утиных тушек, которые засолишь — одно объединение.

Устроилась в охотничьем домике мужа. К осени, когда уж снег выпал, Узя родила, сама отрезала пуповину охотничьим ножом и полностью отрешилась от ребёнка. Узя оставила его на снегу в тайге, а сама вернулась в селенье. Приволокла на санках зимние запасы еды и зажила, как ни в чём ни бывало. Марпе сказала, что случился выкидыш.

А к тому времени жена Ойко выздоровела, ходила налитая, да краснощёкая, колуном стукни, колун отскочит. И что-то в голове Узи створилось, умом тронулась, отчего однажды ночью повесилась, приняв на душу ещё один непростительный грех.

Потом как-то Марпа полоскала бельё в речке. Вечером тихо было, деревья не шелохнутся, вода не зарябит, облака на небе и те от безветрия будто повисли на месте. И слышит Марпа тонкий-тонкий голосок вроде комариного писка. И никак не поймёт, что же это такое и откуда. Уж и крутила головой, уж и прислушивалась да приглядывалась, а никак не разберётся. «Здесь я, — голосок-то говорит, — на бережку. Подруга твоя, говорит, Узя». И впрямь у самых мостков на песчаной косеглядела всё-таки Марпа зыбкую, как сгусток марева, фигурку. Тогда и узнала, что Узя превратилась в кикимору, в нечистую силу, небеса не приняли её душу.

— Да всё бы ничего, — печалилась за подругу Марпа. — Так ведь вот что. С того вечера много лет прошло. А всё не теряет Узя глупую надежду.

— Какую? — удивилась Марина.

— Замуж выйти, — Марпа прикрыла сухонькой ладошкой рот, чтобы удержать смех. — За Ойко.

— Разве это можно?

- Да нельзя никак. А душа-то хочет. Душу-то как унять?
— А Ойко знает?
— Как не знает! За столько-то лет нажужжала на ухо.
— И что же будет?
— Да ничего не будет. Баба зачем мужику нужна? Детей рожать. А Узя-то бестелесная. Зачем она Ойко?

Приглядевшись к недалёким зарослям можжевельника, баба Марпа что-то увидела и торопливо поднялась.

— Вернулась, — бросила она и поспешила к невидимой подруге.

Не успела Марпа толком отойти, как дети воробыиной стайкой слетелись вокруг задумчиво сидевшей Мариной. Она невидящими глазами смотрела на них, и это насторожило ребятишек. Они опять притихли. В голове Мариной всё кругом шло. Куда она попала? «Там чудеса, там леший бродит...». Да что же это такое? Марпа не стала бы небылицы плести. Зачем ей надо? Значит, история Узи подлинная. Марина сама всем телом и душой была пронизана любовью, и ей труда не составило понять эту несчастную женщину. Всю жизнь любить одного, ради него пойти на детоубийство, самой в петлю влезть, но и на том свете не найти покоя и забыться — не слишком ли много?

— Надея! — робко и жалостливо позвала старшая девочка.

Дети не понимали, что с тёщей? Может, заболела? Марина от этого зова будто очнулась, осознанно увидела детей и виновато улыбнулась.

— Совсем я вас забросила! — сказала она и протянула руки.

И что тут началось! Всем хотелось обнять её, хоть прижаться, хоть ладошками коснуться. Крики, толчая, суетня... Ну, точно — воробыи! Марина смеялась под этим натиском детской любви, сама пыталась руками погладить каждую и каждого.

И совсем успокоилась, про себя решив, что больше ни на минуту не останется без Санчи. Куда он, туда и она. И так до конца жизни. Решение показалось самым простым и главное — разумным.

Глава 5

К телесной боли Прокопий мог притерпеться, по опыту зная, что она пройдёт, только надо выждать время. Да и тёща, лучшая знахарка селища Марпа, усердно лечила. Чего уж там! Всё на нём заживёт, как на кошке, так что останутся одни рубцы на теле памятными знаками. Скорбел Прокопий по другому поводу.

Попав в это селение, жил он, как обычный человек, как все другие вокруг. Уже и забыл, что природа наделила его шаманским даром. Да если бы каким-то полезным! А то ведь никому не смел открыться, на что он способен. Дано-то было ему — убивать. И не руками, а одним взглядом. К чему такой талант? Какая радость от такого дара? И жена о том не знала, и дети не знали, а соседи и односельчане тем более. Марпа и та не догадывалась, потому что ни разу порча не проявила себя за все эти толково прожитые года. Один только Харла помнил, как духи терзали сына, насиливо вселяясь в его тело.

По натуре своей Прокопий был жалостлив, и ему совсем не хотелось никого обижать. Конечно, приходилось охотиться и рыбачить, то есть отнимать жизни.

Но он соблюдал извечные правила. Попался муксун, к примеру, он его выпускал, первого. Но прежде нашёптывал рыбине, чтобы она поплыла к своим сородичам и рассказала, как нуждается Прокопий в их помощи. Надо кормить семью, а иначе не вырастут дети, умрут от голодной смерти, жена истощится, рожать перестанет. И рыбы приходили в сеть, всю её забивали. Как Прокопий мог отказаться от такой помощи? Тут же по обоюдному согласию всё происходило.

А шаманство — это совсем другое. В этом случае не могло быть договорённости. И в этом Прокопий недавно опять убедился. Никуда порча не ушла от него, а глубоко сидела в нём, затаившись.

Когда к его постели подошёл Санча и опустился на пол, Прокопий как раз думал, что если бы смерть могла стать избавлением от ненавистного дара, он принял бы её с большой готовностью. Но смерть не будет избавлением. Он знал судьбу Узи, оттого понимал, что и за пределами жизни нет ему спасения и покоя. Страдать предстоит бесконечно, если не высвободится от порчи, которую навязала судьба. Но как её изгнать из себя, если она столько лет пряталась и возникла вмиг с прежней силой. Где она таилась? Должно быть, изначально растворилась в крови, пропитала тело и душу, так что ничем её не вытравить. Кровь иссохнет, тело сотлеет, а душа-то останется.

— Как ты? — спросил сын, подобрав под себя ноги и удобно усевшись.

Значит, для долгого разговора пришёл.

— Я ничего, — ответил Прокопий. — У деда был?

— Был.

— О чём говорили?

— Немножко про Калю. Ну, и так... Что-то он скрытничает. Дед. Что-то он задумал, потому молчит.

— Мне не говорил. Какой я теперь помощник?

— Узнать бы — что, — опустил голову Санча и вздохнул.

В помещение шумно прошли дети и с ними Марина. Она их рассадила на скамейке рядышком и стала учить новому слову, тыча себе в нос. Те хором отвечали. Прямо все такие старательные!

— Помоги, — попросил Прокопий сына, пытаясь приподняться.

У него были поломаны три ребра, они приносили мучительную боль. Санча подхватил отца на руки и вынес на улицу. Отец был лёгким, как ребёнок. Санча жалел отца и не представлял, как он мог схватиться с лешим. И с чего бы? Ягса никогда не тронет человека. Если нет самки, умыкнёт бабу, не постесняется. Но чтобы, ни с того ни с сего, с мужиком драться! Сомнительно что-то... Или чего бы отцу задираться? Он же охотник, понимать должен.

Рыба не случайно запутывается в сетях, а зверь не сам выходит на мушку ружья или под стрелу самопала. Охотнику или рыбаку повезёт, если того захочет хозяин. А хозяином тайги является не медведь косолапый, а леший. Это он распоряжается по всей округе, какому зверю, птице и рыбе стать нынче уловом и добычей. Это он соблюдает порядок, чтобы одних зверей не становилось непомерно много, а других — ущербно мало, а чтобы соблюдалось равновесие. Такая у него, у лешего, служба, которую он добросовестно исполняет.

Санча усадил отца на скамью, на которой недавно сидел с Мариной и Марпой.

— Знаешь, что говорит бабушка? — спросил Санча.

Отец вопросительно уставился на сына.

— Что дрался не с медведем.

— Поверили? — скривил в усмешке лицо Прокопий.

— Если не с медведем, — рассудил Санча, — зачем от меня скрывать?

По всей великой тайге леших водилось невероятно мало, владели они обширными округами или уроцищами. Название тут не имеет значения, а то важно, что было им трудно находить пару. И если уж обзавёлся кто из них семьёй, лучше не оказываться возле его обиталища.

И разве отец не знал этого? Вот чего не понимал Санча. Почему наткнувшись на жильё Ягсы, — если верить Узе, — не кинулся прочь, а в перепалку вступил с хозяином? Ясно же — не пустяк и не дурь. Но что?

Прокопий медлил с ответом. Вот и сидели сын с отцом да молчали. Санча терпеливо ждал, не мешал отцу думать, а Прокопий искал пути, как от прямого вопроса увернуться и не обидеть сына. Сказать правду он не мог, уж пусть она останется с ним. Слишком она была горькой.

Прокопий основное своё время проводил в лесу. И думалось ему, что обошёл все звериные тропы в округе, а вот лешего не встречал. Иногда чувствовал, что Ягса находился поблизости, возможно, и следил за ним, но не показывался, умев среди листвы таиться так, что с пяти шагов не приметишь. Зато Прокопий наткнулся однажды на лесную женщину. А кто она могла быть, если не жена лешего?

Почувствовал, что кто-то смотрит на него. Оглянулся резко. А в кустах — она. Лицо человеческое, женское, старое и морщинистое, а глаза какие-то одичалые. Одета была в медвежью шкуру, как догадался Прокопий — снятую целиком с небольшого зверя, молодого. И получилась малица.

Уставились друг на друга, опешили. Потом непонятное существо кинулось бежать и скрылось в ельнике. Но пока Прокопий видел убегающую женщину, в душе его поднялась большая тревога. Что-то до боли знакомое показалось ему в её фигуре и суетливых движениях. Прокопий в тот раз поспешил убраться из этого гиблого места, но никак не мог забыть странное существо с белыми от испуга глазами. И снова против собственной воли потащился в это уроцище, много бродил, всё более убеждаясь по многим признакам, что рядом где-то обиталище Ягсы. Он не стал бы так настойчиво искать, если бы не натыкался то и дело на следы обычных человеческих ног.

И Прокопий снова увидел ту женщину. Она сидела на плоском валуне, одетая теперь в обычное селянское платье. Были случаи, когда бабы оставляли на ночь свои тряпки сушиться, а что-то из них пропадало. Даже не знали, что и думать, воровства-то в селище сроду не было. Грешили на собак. Женщина ела рыбу, хватая её зубами и отрезая кусок ножом у самых губ. И нож-то был знаком! Прокопий не раз держал его в своих руках. Острый, охотничий нож, служивший не одному поколению родичей.

Ягса возник внезапно, вырос перед Прокопием мохнатой горой и зло зарычал. Женщина испуганно скатилась с камня на четвереньках и заползла под деревья, наваленные кучей. Должно быть, это и было жилище. А Ягса схватил огромными лапами Прокопия за плечи и отбросил в сторону. Прокопий выпустил из рук ружьё. Да ему и в голову не приходило стрелять. Он только хотел поближе увидеть женщину, которая притаилась.

— Пусти! — кинулся вперёд Прокопий, пытаясь обойти глыбистое тело Ягсы.

Но тот ухватил его за шею и откинул назад, как щенка. Прокопий больно стукнулся головой о ствол ольхи и сорвал мочку уха, угодив на сучок. Такая боль пронзила голову, что в глазах потемнело. Но когда прояснилось, радости уж точно не прибавилось. В семи шагах от него стояло двухметровое чудовище, мускулистое бугристое тело которого заросло грубой пепельной шерстью, густые волосы спадали до плеч, половину лица прикрывала седая борода, а над маленькими злобными глазами нависали клочковатые брови.

— Пусти же ты, — пролепетал Прокопий с мольбой. — Ну!

Но этот идол, истукан косматый языка человеческого не понимал. Одно было ясно — наступит на Прокопия и раздавит, как муравья. Ружьё оказалось поблизости. Прокопий дотянулся, ухватил за цевьё. Это явно не понравилось сопернику, он утробно зарычал и шагнул к Прокопию. Тогда Прокопий и выстрелил. Ягса ухватился за грудь, всё-таки не погладили, а врезали кучным зарядом дроби, но не взревел от ярости, а как будто успокоился.

Он неторопливо наклонился, взял ружьё за ствол и отбросил в сторону. Ружьё плюхнулось в болотное оконце и утонуло, булькая. Только затем он занёс ногу, чтобы размозжить голову своего врага. Прокопий даже разглядел коричневую в трещинах пятку, похожую на толстую сосновую кору. И в последний миг ловко вывернулся, перекатился в сторону и на четвереньках быстро пополз подальше.

Ягса оказался резвым, ловко поймал Прокопия и нанёс несколько ударов кулаком, да швырнул оземь. Тогда и поломал рёбра. Прокопий успел развернуться на спину, вгорячах не почувствовав ещё боли, и увидел, что Ягса наклонился над ним, явно готовясь ударить. Пробил бы кулаком грудину, это уж несомненно. Его маленькие зелёные глаза смотрели с такой злобой, что смерти не избежать было. И тогда Прокопий почувствовал в себе забытую силу. Он уставился в звериные глаза, и как показалось, проник через них в мозг Ягсы, мысленно зажал в кулаке серую массу, похожую на тесто и стал мять. Ягса дико завопил, отшатнулся, а потом заметался, хватаясь за голову. Кричал жутко, на весь лес. И затих, как бросился в трясину.

Даже не посмотрев в ту сторону, Прокопий пополз к жилищу, пересиливая жуткую боль в груди, но женщину там не обнаружил. Она скрылась в чащобе.

И что он мог теперь сказать сыну, сидящему рядом на бревне. А если обознался? Если только почудилось ему, что узнал? Если ошибочно решил, что женщина попалась в руки Ягсы, когда пробиралась через болота, покинув родную юрту?

Но думается Прокопию, ястребиной зоркости охотнику, что видел он и в медвежьей шкуре, и на плоском валуне с рыбиной в руке свою мать. Ей теперь должно быть под шестьдесят, она так и выглядела — старухой, только совсем одичавшей. Не мог Прокопий сказать сыну правду, а потому схитрил, чуть бойчей повернулся и застонал. Не притворялся, боль была настоящей, поломанные рёбра будто рвали нутро.

— Ладно, отец, — успокоил его Санча. — Не волнуйся. Не надо ничего говорить. Выздоровеешь, потом...

Эти слова сына принесли облегчение — врать не надо. Уж лучше поговорить о том, что касается всего местного люда. Пусть Харла живёт ещё долго, но люди должны знать, что есть у него наследник. И тогда им станет спокойно за своё будущее.

Деловые рассуждения Прокопия сын прервал неожиданным вопросом:

— Сам-то веришь в Зарни Ань?

— А что? — удивился Прокопий такому интересу.

Когда он вышел на это селение и привыкал к здешней жизни, Марпа много толковала ему о Зарни Ань.

По её словам выходило, что всему живому началом были Небо и Земля. Всё от них произошло, от Отца-Неба и Матери-Земли. Небесные силы олицетворяет Ен, вышний бог, а Мать-Землю — Зарни Ань, Золотая богиня. Вот так обстоят дела.

Небо и Земля были отцом и матерью шести богатырей, а от тех пошли обыкновенные люди. Теперь рассудите сами, кем являются все друг другу? Если это не родство, что же родством называется? У бабы Марпы логика была предельно ясной. И неоспоримой. Да ведь и комар — божье создание, а значит, тоже родственник. Только очень далёкий, сам уже не помнит и потому кусается. Умишка-то мало, какая там память!

Уму Прокопия трудно было осваивать эти мысли, они казались закрученными, как свилеватое дерево. Он с детства видел деревянные идолы, да и в каждой юрте обязательно хранился божок, занимая самое почётное место. Перед охотой хозяин всячески ублажал божка, хвалил, возносил и обещал почитать. Но если возвращался из тайги без удачи, с пустыми руками, то швырял божка на пол, пинал и ругал самыми скверными словами.

Пусть Зарни Ань из золота, но всё равно идол. А земля так велика, что конца не имеет, можно целый год идти по тайге и всё равно не дойдёшь до края. Ни обнять землю, ни оглядеть. А главное — она так разнообразна, что ничто её не может олицетворить. И как Марпа ни старалась внушить понимание божества, Прокопий не мог уразуметь, что Земля и Зарни Ань — это одно и то же. И тогда Марпа махнула рукой на несмыслёного ученика:

— Да ну, тебя!

В ту пору Прокопию ближе и понятней были разговоры с Матвеем Мезенцевым. Он же был отцом его матери Ульяны, то есть дедом, и любил Прокопия. А потому очень хотел, чтобы у внука в голове мысли текли разумно, а душа открыта была добру. Он рассказывал о Боге, который живёт на небе, всё видит сверху и помогает тем, кто ведёт себя хорошо, а тех, кто идёт против его воли, наказывает. Прокопий жил на земле, много ходил по тайге и плавал по рекам, а на небе ни разу не был. И по этой причине он вполне допускал, что там может обитать Бог. А на земле — только люди, звери, рыбы, мошкова неисчислимая, да вот Ягса. Прокопий был неразлучен с природой, своими глазами видел, как возникает всякая новая жизнь, как она проистекает и как исчезает во прахе. Он-то знал, чудес не бывает, нет на свете никаких других сил, кроме жизни и смерти. А как там на небесах, он не знал.

— Не веришь ты, отец, — сказал Санча и улыбчиво покосился на отца. — И дед говорит, не веришь.

— Много знает твой дед! — не зло проворчал Прокопий.

Продолжение следует...

Ольга Баженова

Ольга Николаевна Баженова чужис 1992-өд воян Емдін районса Кёжмудор сиктын. Велёдчес Түискөрёсса шёр школаын, 8-өд классянь — Коми Республикасы Юралыс бердын искуство гимназиянын, гуманитарной юкёнын. Оңи велёдчө коми филолог Сыктывкарса канму университетын 5-өд курсын. Кывбұръяссö позьо лыддыныны «Войыв кодзув», «Арт» журналъясысь, «Медводдза муслун» öтувъя небöгысь. 2012-өд воян гижёдъяссö лои öтувтöма «Шондia ю» небöгö.

1921-өд воо **В.А. Савин** чукёртліс «Сыкомтевчук» (Сыктывкарса коми театрын ворсысь чукёр) нима котыр. Тайё зіль, вежёра да енбия йöзыс пуктисны подувсö медводдза коми театрлы.

2013-өд воо Сыктывкарса канму университетын велёдчысын вайтыр мёвштисны пöртны олёмö «New-tom-tevchuk» проект — гижны коми пьеса да пуктыны сцена вылын. Пьесасын конкурссын вермысьён лои 5-өд курсса студент Оля Баженова. Конкурссо нүöдны да спектакльсö пуктыны отсалö М. Кастрен котыр (Суоми). Проектсö олёмö пöртны мёвшпалёны коми йöзкёд, кодлён шёр уджыс абу шитчöма театркёд, тайё студентъяс, велёдчысысь, уна сикас удж бергöдьысьяс.

Проектён веськёдлö коми да финн-угор кафедраса доцент Е.В. Остапова.

От

1 акта пьеса

Ворсысьяс:

Морт. Ар 40.

Туйморт — ыджыд тушаа поль, еджыд юрсиа-тошка, руд пасъёма, трубкаа. Мортлон двойник.

Мортлон пи Иван. 8 арёса.

Морт ичётдыйрийыс. 8 арёса.

Мортлон ёрт. Ар 40.

Редактор.

Мортлон бать.

Ныв.

1 серпас

Кывбур: Кор ныылёмён сорласьё синва,
Кор сы мыйта туй коли бёрё,
Сәк казялан: помланыс синём
Пыр лоана панасö пёрö.

Пемыд вёртi мунö морт, пошиктö. Корсысыö петан туйсö.
Аддэö из вылын пукалысь Туймортöс. Морт пуксьё сы дорö шойччины.

Кост.

Морт. Ме ылалi, Туйморт. Ме мудзи.

Туйморт (*ичёттика тишинасъю трубканас, чёв олёö*):

Кост.

Морт. Ме зэв рад, мый аддзи тэнö, Туйморт. Тёдан, ме век кёсий сёрнитны тэköд, сёрнитны. Быдтор йавысыс. Тэ öд ставсö тёдан и ставсö кужан, Туйморт.

Туйморт (*кыскö трубкасö*):

Ме тёда, мый овлö зэв сьёкыд.
Мый измылö сьёлёмыд, лолыд.
Мый эсқыны йозыслы полан.
Сәк казтышт, мый орччён ме тэköд.
Мый олёмыс — пыдёстём-помтём,
Мый ветлан кё кытчёö,
Локтан век
Гортад.
И шондыыс вольсалö туйсö
Да югöрыс сылён
Оз вош ни оз
Куслы.
Мый кадыс оз помасьлы некор,
Кöть мыйта эн сёрнит,
Кöть мыйта эн серав,
Быд кывтор,
Быд шүём
Зэв колана.
Ина.
Вётön ли, вемёсön,
Куньса ли синмён
Ставсö ме кыла да пуктыла
Пыдди.
И олёмсö,
Анбур моз,
Öтлаын

Лыддям.
 Кор овлё зэв съокыд
 Да измылёр лолыд,
 Сәк казьтышт, мый кодлыкё
 Зэв ёна колан.

Морт. Кутшомкё зэв тёдса кывбур, Туйморт. Но ог вермы казьтыны, кытысь ме сийос кывлі.

Туйморт. Кор измылёр лолыд...

Морт. Да! Да! Изйён колё лоны, изйён. Мыйта позьо терпитны, кор тә вылын сералоны, кор тә вылёр горзёны, кор тәнё некод оз радейт! Мукёдис шуласны: поэтлы колё лоны кучиктёмён. А ме ог кёсайы став дойсё кывны, ме ог кёсайы лоны поэтнас! Мед некод оз лысът менё вörзьёдны, мед нинём оз лысът меным инмёдчыны, ме тайё из кодыыс жё! Всё, Туйморт, ме ог кёсайы тәкёд сёрнитнысö. Муна, кытчö кокой нуас.

*Морт чеччё да мунё.
 Туйморт колъччё. Видзёддё морт вылёр.
 Морт косё. Видзёддё Туйморт вылёр.*

Морт. Туйморт, а ме ёд век... кёсайи мунны тәкёд тёллесь югорті да лёня варовитны.

Кост.

Туйморт. Стеклёа ёшиньё лыйисны изйён. Мыйла стеклёыс пазаліс?

Морт. Изыйс вёлі выйті чорыд, Туйморт.

Туйморт. Эз.

Морт. Стеклёыс вёлі выйті вёсни, Туйморт.

Туйморт. Эз.

Морт. Оз кё ог тёд.

Туйморт. Ёшиныс вёлі пёдса.

Кост.

Морт. А кыдзи меным восьтны ёшиньёс, Туйморт?

Туйморт (чеччё). Мунан мекёд?

Кост.

Морт. Муна.

2 серпас

Морт да Туйморт пуксёёны партерас медвөддза радас. Сцена вылас — редакция. Тыртмөл бүсөссөйм полкаяс. Пызан вылын куритчан доз. Пызан саяс редактор да мортлён двойник.

Редактор. Мый морла сюйсян литератураас, сямыд кё абу?

Мортлён двойник мышкыртчö, чёв олё.

Редактор. Йёзыс тышыглы кулёны, юсьёны, ёта-мёднысö виалёны, а тэ «кымёр вылын менам чомиййö».

Мортлён двойник. Ме... Прёста... Гажтёмтчи... Аслам... Небесной Родинасы...

Редактор. Сарство небесной ийвессыд позьё и попкёд бызгышты. А ыджыд литературалы таёдз могыс ичёт.

Мортлён двойник босътö сылы мыччöм кабалаяссо, мышкыртчöмён петö.

Сценаыс кусё. Морт да Туйморт петёны сцена вылас.

Морт. Туйморт! Тэ ачыд аддзан, кыдзи сiёй талялiс менё тёрыт, кыдзи талялiс!

Туйморт. Тан ёти талялсысыс. Тэ.

Морт. Ме? Но тэ ёд ачыд аддзылiн!

Туйморт весъкёдчö партерлань. Морт вётчö сы бёрся.

Морт. Туйморт!

Кыкнанныыс пуксыёны медводдза радас.

3 серпас

Сцена вылас Мортлён жырыйс. Вой. Мортлён двойник узъё крёвать вылас. Садьмё.

Мортлён двойник. Вот тайё да! Кутшöм ясыда-вежёра ставыс. Кутшöм радейтöм, кутшöм мич... Колё эсько чеччыны да гижны... Но ладнö, асывнас, оз ёд вун... гашкё.

Бёр унмовсъё.

Морт. Збыль, тадзи и вёлi тавой. А ме дзикёдз нин вунёдi. И садьми, нинём нин эг вермы казьтыштысö.

Туйморт. Кодi нё кодёс талялiс?

Кост.

4 серпас

Сцена вылас мортлён жыр. Асыв. Пызан вылас кытчююрё шыблалёма небёгъяссö, сулалё некымын чашка, пызан улас тырыс гарччöм провод, паськёмыс крёвать вылас. Крёвать улас газетъяс.

Мортлён двойник мёдёдчö редакцияё. Восьтö ёдзёссö орчча жыръяс.

Мортлён двойник. Иван! Кымынысь позьё висъставны, пелькёд жыртö! Няйт порсы моз олан! И кодö тэ татшöмнас рöдйин? Но и морт, но и морт.

Петö.

Морт. Но öд збыль, Туйморт, аддзылïн кö тэ сылысь жырсö! И носки, и няйт тасытïяс, и небöгъяс — ставыс öти пызан вылын.

Туйморт чёв олö. Морт видзöдö сы вылö, сэсся Туйморт видзöдлас сертиыс видзöдö ас жыр вылас.

Морт. Тэ прав, Туйморт. Меё Иванöй рöдйöма.

Туйморт. А вежöстö колö нин весавны, другö, обиданас тырёма.

Морт. Менам? Да ме ставсö ставныслы век прöстита!

5 серпас

Сиктса керка дор. Гожём. Зонка (Морт ичötдýрыиыс) помалö вöчны вугыршайт.

Петö сылён баттыыс. Зонка уськöдчö бать орадас.

Морт ичötдýрыиыс. Батьё, отсав мен вугырсö кörтавны.

Мортлён бать (вартö зонкалы киас). Вешый сэссы, кок улын гарчан.

Мортлён баттыыс мунö. Зонка вöтчö сы бöрся, бöрдö.

Морт ичötдýрыиыс. Батьё, тэ кытчö? Батьё, тэ кытчö?

Сцена пемдö.

Морт. Ме некор ог прöстит батьёс кодалöмсыыс да менö нойтöмсыыс.

Туйморт. А тэ ачыд он кодав?

Морт. Ме вомö öти капля спирт некор эг босытлы.

Туйморт. Збыль.

6 серпас

Мортлён жыр. Мортлён двойник пукалö пызан саяс, гижё. Пырё Иван.

Иван. Батьё, отсав меным задачасö вöчны.

Мортлён двойник. Мун сэтысь, аддзан — мен некор!

Иван. Батьё!

Мортлён двойник. Пет! Мый шуёма!

Иван жугыльтчёмöн петö.

Кост.

Морт. Но ёд ме Иван вылёр киёс некор эг лэптыв.

Туйморт. Збыль.

7 серпас

Сценаыс юкёма кык пельё. Кыкнанладорас — арся парк. Ёти джынъяс сулалё мортлён дўйиник. Видзёддё чаcі вылас.

Дўйиник. Мыйта нин позъё виччысыны? Час джын нин сулала! Ёромакань! Колё жо сёрнитчины татшом йой, туйтём мортыскёд!

Сцена мёд джынъяс мортлён ёртыс котёртё парклань. Кор кылё голёс: «Ёромакань! Колё жо сёрнитчины татшом йой, туйтём мортыскёд!», ёртыс джёмдё да усьё.

Кольё куйлыны. Некод оз сувт сылы отсаны. Дортыс пройдитёмён шуалёны: байдсама бомжыс татчо водбодчома. Сувтё ныvbaba да звёништё скорёйёй.

Сценаыс пемдё.

8 серпас

Морт. Но и яндысъётём морт ме... А нёшта поэтён шуся... Ог кёсйы овны. Муна кытчёкёй ёз синсыыс ылоджык. Простишт.

Морт чеччё да мёдбодчё петны партерсыыс. Туйморт кольччо пукавны медводдза радас, лыддёй кывбур. Морт джём сувтлё да кывзысъё.

Ме кывлі, эм пё сэтшом кыв,
Мый шуан сийёс да оз кыв
Ни гажтёмыс, ни повзёмыс, ни шогыс.
Но корсыны сийёс ме ог кут,
Од тані орчён менам шуд
И шусъё сийё дзик жо
Оти кывйён —
Тэнад нимён.

Морт бергёдчё Туймортлань.

Морт. Но и мый, Туйморт? Кодлы колёны кывбуръясёй, кор ме ачым — туйтём морт?

Туйморт. А лок видзёдлам. Гашкё, и колёны.

Морт кольччо сулалёмён видзёдны сцена вылас. Партерын пемдё.

9 серпас

Сцена вылын пемыд. Югзъёдёма сёмын улёс. Улёс вылас пукалё маскаа ныв.

Ныв. Ме некытчо татысь ог чеччи. Ме пола. Йёзсыс пола, кадсыс, дойсыс...
Ме лоа изйён. Мед некод оз лысът менё вörзьёдны, мед некод оз лысът восьтны
чужёмös.

Кылёр Мортлён гёлёс:

Ме тані. Ме тәкөд.
Ки пыдёсой шоныд да небыд.
Ки пыдёсын — лёньёдан муслун.
А шогыс да гажаис — чусё.
А шогыс да гажыс — абу.
Ми ньёжйондзи велалам лолавны ладён.

Ныв кольё пукавны чёв. Сэсся ньёжйондзи пёрчё маскасё. Сценаыс пемдё.

10 серпас

Пемыдын кылёны Мортлён да Туймортлён гёлёсъяс.

Морт. А кытчо водзёсё, Туйморт?

Туйморт. Водзё либо бёрё? Ачыд бёрый.

Кост.

Морт. Кыкнанладорас.

Туйморт. Сіздз.

11 серпас

*Шондіа ыб. Кёнкө ыллын тыдалё ю, сы сайын — лёзалё вёр. Шонді югёрті ләччö
Мортлён баттыыс. Морт уськёдчö сылы воча.*

Морт. Батьё, батьё!

Мортлён бать. Пиукёй менам, надеяёй менам, му югыдёй менам!

Морт. Батьё, ме тэнё прости॒ті ставсыс... и тэ менё... прости॒т!

Мортлён бать. Важён нин прости॒ті, пиё!

*Сывъясыённы.
Музыка күсö.*

Мортлён бать. Гудёктö пасъкёдлан?

*Кытысъкё босътчö гудёк. Морт да Бать пуксыённы ыджыид из вылö. Морт гудёкалö.
Кыкнаныыс съылённы:*

Оз вермы некод
 Тэ моза помтёг радейтны.
 Оз вермы некод
 Тэ моза прёститны.
 Тэ бур сьёлёма,
 Муслуныд Тэнад помасьтём,
 Вежа олёмад Тэ менё нуёд.

Тэ висьстав, Енмой,
 Кыдз верман помтёг радейтны,
 Сет тёдны Тэнё.
 Инмёдчы сьёлёмö.
 Петкёдлы меным
 Тэ ассыыд дзирилунтö,
 Сет меным, Енмой,
 Радейтан сьёлём.

Морт. Ме тай нё некор эг тёдлы тайёс сыланкывсö, батьё.

Мортлон бать. Лолыд век мекёд сылліс, пиукöй. Мыйла нё тэ чайтан, мый ми торъялім тэкöд? Сёрнит мекёд тшёкыддышка, пиукöй. Ме тэнё зэв ёна радейта и пыдди пукта тэнсыыд быд кыв, быд видзёдлас.

Морт. Ме зэв жё ёна радейта тэнё, батьё!

Сывъясъоны.

Морт. Туйморт, Туйморт, волы, батьёкёд тёдмёда!

*Туйморт кайё сцена вылас.
 Морт бергёдчö, а батьыс нин вошёма.
 Кост. Музыка сувтло жё.*

Морт. Кутшом лёссыыд, мый ме Енсö верма шуны батьён!

*Музыка выльыс кылö.
 Туйморт нюмъялö да мунё сцена вывсыс.*

Морт. И кытчö вёрыс воши, Туйморт? И кытчö ылалёмыс менам воши, Туйморт? О, кутшом от воссёю лолойлы, Туйморт! Сэк казтышт, мый Батыыдлы зэв ёна колан! А ёд ме тайёс кывбурсö ачым гижлî, Туйморт!

Вётчö Туйморт бёрся.

Занавес.

Ольга Хмара

Хмара Ольга Васильевна родилась в г. Березники Пермской области в 1962 году. Окончила Воркутинский горный техникум по специальности бухгалтерский учёт и Литературный институт имени А.М. Горького, факультет поэзии. Стихи публиковались в коллективных сборниках, журнале «Север», антологии «Поэзия Победы» (Москва, 2005). Автор двух книжек стихов: «Письма в юность» (1997) и «До востребования» (2002). Живёт в Воркуте.

Строчки судьбы

Воркуте

Слёз дорогих
озерцо
Не проливай за полуушку!
Прячешь в туманы лицо,
Всхлипнув дождями — «дурнушка...»

Серого утра рваньё
Гладишь озябшей рукою,
Тихо сиротство своё
Кутая сонною мглою.

Сетовать, милая, брось,
Знаешь — люблю и такую.
...Чуть больше месяца врозь,
Так по тебе затоскую.

Кинусь на зябнущий свет. —
(Плачет по дуре психушка...) —
Выдаст кассир мне билет —
Верхнее, на боковушке.

И от вальяжных чужбин,
Знойных,
в свои палестины.
Свет мой, навеки един,
Не отрекусь, не покину.

Будем опять и опять
 Вьюги бессвязные речи
 Неторопливо вплетать
 В строчки судьбы человечьей.

Может быть, и сохраним
 Имя любимое в Святцах...
 Дай же к печалям твоим
 Тихо губами прижаться.

* * *

B. Смирнову

В нём было больше зелени, чем снега.
 Был шёпот рощ сильней метели пеней.
 В нём силы не хватило для побега
 К разливу трав и мороку сирени.

Весенний — а к снегам попался в сети, —
 Полуночным стихом и акварелью.
 Сполохами пленённый, не заметил,
 Что зелень строчек казнена метелью.

Отплакала о нём шальная вьюга.
 Исправно по весне тревожат птицы.
 ...Хоть небожитель, а без ласки юга
 Не дописал о Севере страницу.

* * *

«...я из людей и больно мне людское...»

Б. Ахмадулина

*Самому младшему из 19-ти горняков,
 погибших 11.02.2013 на шахте, было 22 года...*

Крик летит материнский
 В жгучую боль строки.
 Мальчики с «Воркутинской»,
 Юные горняки,

Где, на каких распутьях,
 Душу продав врагу,
 Выкупить, и вернуть вас
 К отчemu очагу!..

Кто, подскажи! — в ответе,
Город, печальник мой,
Что погибают дети
Ради мошны¹ чужой, —

Скопом или подушно...
Цену рви, уголёк!..
Больно бьёт равнодушьем
Сдержанний некролог.

Что ж не живём иначе?!

Страшный саднит почин.
Ты, «загрубивший»² датчик,
Что ж, продолжай, молчи,

Чтобы по той дороге
Неумолимых стуж
Вновь покатили droги
С грузом шахтёрских душ.

Вольно поёт — послушай, —
Горе в седой ночи.
Вслед отлетевшим душам
Сердце моё кричит:

— Жертвы игры сатанинской,
Гости небесных трасс,
Мальчики с «Воркутинской»,
Дети, простите нас!..

Апокрифы

1.

*Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ,— идёт Ермолов!
А. Пушкин*

И без топора никнут буйные головы.
Где удаль былая Отечества?! — Глянь-ка —
В российских просторах не видно Ермоловых,
Российскую славу профукали ваньки.

¹ *Мошна* — мешок для хранения денег.

² «Загрубить» — вывести из строя.

А мы примирились с такою потерею.
Дичаем, накушавшись зрелищ и хлеба.
Глумится воръё, по кусочку империю —
Такому же точно ворью — на потребу...

И память из нас вышибают старательно.
Беспамятством росичи, ох как недужны.
Не думали чтоб о страны собирателях,
Не знали о русского славе оружья.

Ума недозрелого страшно младенчество.
Глотаю свой стыд, в горле — жгущее олово.
Славяне! В опасности наше Отечество!
Эй, кто ещё жив, позовите Ермолова!

2.

И дойдя до ручки и до края, —
Через водку, войны, воровство, —
Титульная нация сдыхает
Под забором дома своего.

В землях, православьем осиянных,
Охраняет чутко свой приплод,
Где селились Мары да Иваны,
С иноземным именем народ.

Врут витии: «Стали жить богаче...»
Обнимая брошенный плетень,
Как давно и горько ветер плачет
Над тоскою русских деревень.

Широка страна моя родная,
Много в ней погostов, пустырей,
Где в лицо почти что каждый знает
Родину продавших упырей.

Радуясь великому разору
Спившихся до положенья риз,
Не позволят пусту быть простору
Русскому
чеченец и киргиз.

А и то, за всё спасибо, братья,
Коль суда на святотатство нет.
Титульная, тоже подыхать я
На российской стану стороне.

Но надежды есть одна порука. —
 Осенясь кручиной и тугой,
 Жду с надеждой синеглазых внуков.
 ...Ждать умею как никто другой.

3.

Это, наверно, везде,
 это, наверно, повсюду,
 Кто-то недоглядел —
 тихо свихнулись дни.
 Сытая, разжирев,
 чествует чернь Иуду,
 Снова казнят Христа
 С выкриками: «Распни!»

И не взойду на порог
 некогда доброго храма, —
 В нём бесовской дуэт —
 прелюбодей и рвач.
 Предугадав чутьём волчым,
 что будет драма,
 Нужный свой инструмент
 не затупил палач.

Ангелов очернив,
 вволю глумятся бесы.
 Выйду, забыв зарок,
 с кривдою на войну.
 Зреют в утробе дней
 новых времён Дантесы.
 Чёрные речки, полнясь,
 катят свою волну.

Брошенной собаке

Хозяин любовью своей не остыдит
 Собачьи печали.
 А мы — ещё люди. По-прежнему люди,
 Но мы одичали.

От бешенства душ не спасёт бесовщина
 Порока и фальши.
 Держись от двуногих, бездомная псина,
 Подальше, подальше!..

Ах, кто бы сумел разгадать тайну, кто бы! —
Что сделалось с нами? —
Мы спорим друг с другом, белея от злобы,
Хватаем зубами.

А тот, кто клыками раздора укушен, —
Укусит и близких.
Продаст в одночасье и совесть и душу
За полную миску.

И скажет небрежно, что время повинно
За кривды безмерность.
Постой, расскажи нам, бездомная псина,
Про веру и верность.

Митька

Воздух грядущего нем.
...Горблюсь от этой докуки:
Книг не читают совсем
Наши упрямые внуки.

Не отрывают лица
От душегубных экранов
И Золотого тельца
Жалуют, страшно и рьяно.

Как тут спокойно уснуть?
Сны неспокойные вижу.
В чьи же мы руки — страну
Нашу, великую — в чьи же?..

Где он, надёжный приют
Памяти? Адрес неведом...
Горькую думу таю
В День нашей славной Победы.

...Сердце, нам будет покой! —
Душу отдам я за это:
Гладил племянник рукой
Два пожелтевших портрета.

Дрогнул у сердца причал,
Кончилась времени пытка.
Долго смотрел и молчал
Книг не читающий Митька.

— Кто они? Что за беда?
 — Деды и прадеды наши.
 — Кем они были? Когда
 Жили? Наверное, страшно —

Рухнуть в войны закрома?
 Памяти трогая свитки,
 Всё, что я знала сама,
 Не утаила от Митьки.

Так выводила мотив,
 Что позабудет едва ли.
 — Прадеды, Митька, твои
 Честно за Родину пали.

Землю спасли от беды,
 Шею свернув супостату.
 ...Водки не пьющий, воды
 Выпил. А водку — солдатам...

Смейся, душа, примечай!
 Память! Не бойся потравы. —
 ...Тронул, как бы невзначай
 Ленточки воинской славы.

Смейся, душа! А ещё
 Вспомнить, конечно же, надо —
 Митька морпехом прошёл
 Красную площадь парадом.

Ты уж, племянник, прости,
 Что отвернулась и плачу...
 Память и душу спаси —
 Главная, Митька, задача.

Больше безверья рука
 Сердце так больно не ранит,
 Что не читает — пока —
 Книг не читает племянник.

Не обошла благодать.
 Искра заронена Божья.
 Можно страну передать
 Митьке. Уверена — можно.

Виктор Кушманов

Виктор Витальевич Кушманов (20.03.1939–17.02.2004) чужис Коми АССР-са Сыктывкрайонлон Ниашор посёлокын. Мамыслён кувсъём бёрын, 1945–1953-öд воясö, быдмис детдомын. Вёлі рабочойён леспромхозын да стройкаяс вылын. Уджалыс журналистён «Молодёжь Севера», «Красное знамя», «Голос строителя» газет редакциясын, республикаса радиокомитетын. 1979-öд восянь В. Кушманов юрнуöдис В. Савин нима Государственной академической драма театрын литература юкёнён, вёлі Ставсоюза театр котырлын Коми отделениеын консультантён.

Кывбуръяссö В. Кушманов заводитис йёзёдны «Молодёжь Севера» газетын 1960-öд во, а медвöддза гижёт чукёрис «Мне двадцать лет» петис Коми небög лэдзанын 1965-öд воын. Поэт йёзёдис дасысь унджык небög. Зэв тёдчана гижётён лои

война вылын усьём 112 Уляшевъяс ийлысь повесыт, мый серти Сыктывкарса телевидение вёчис фильм. Гижётъясын тыдовтчö чужан му дорö муслун, войвыса вёр-ванас нимкодясьём да сы вёсна тёждысьём. В. Кушманов ёна водзмёстчылис и драматургия жанрын. Сылысь пьесаяссö пуктылисны В. Савин нима Коми республикаса академической драма театр сцена вылын. СССР-са гижысь котырын 1973-öд восянь.

В.В. Кушманов — Коми Республикаса культураын заслуженой уджалыс, 1998-öд во «Вино печали и любви» кывбур чукёрсö пасйёма Коми Республикаса Государственной премияён. 2004-öд воын В. Кушмановлы сётёма Коми Республикаса народной поэтыс ним.

Сийё гижис ассыыс кывбуръяссö роч кыв вылын. Талунъя подборкаас — коми вылö вуджётёмъяс. Аслыспёлөс ног казьтылём пыдди... Сылён сизимдас вит во тыригкежлö.

«Мам нюмъёвтис мен турёб пырыс...»

Мамö

Ме бёрвыв видзöдлi... А сэн
Ру, кыдзи-й турёб, туйös дзебис.
И сэтшöм шуштöм лолис мен,
Кыдз быттьё воштi олан эбöс.

Эз гажётötка зорёд, эз,
Кöть майёг йылын китшикис катша...
Ме кылi öткалунлысь вез, —
И сылысь вынтом лои татшöм.

Мый коли мышкам?
 Мый оз кув?
 Мый бырис шаньыс-бурыс эстён?
 Сэн чужан керка, ёшинь ув,
 Важ льём пу дзёрё шор гёп весьтын.

Сэн колис мамё — нэмсö том,
 Вед кызы кёкъямысаён кусi.
 Век дзеблö гусö арлон пом —
 Лым сэки саймовтöдö гусö.

— Мый некор ог нин аддзыв, ог? —
 Тадз горёктi ме вör-ва пасьта.
 Тан пидзöсчанясьбöдö шог,
 Тан быдтор мамёös мен казтö.

Ме бöрвыв видзöдлi... И лов
 Важ шогён-дойён бара тырис.
 Но мамёс аддзывтöг эг ов —
 Мам нюомъёттis мен турöб пырыс.

Комиöдiс Владимир Попов

Кыдз пу йылысь сыланкыв

Ме челядьдырёс, мамёс
 Ог вунöд ассыым нэм.
 На йылысь кыдз пу-паметыс,
 Пыр казтылысьыс эм.

Кор луныс пемдö-кусö,
 Вой паськöдö сьöд вон,
 Кыдз эскö: локтас мусаыс —
 Война вылысь бур зон.

Сикт-грездъясын и карын,
 Кёть гожём шёр, кёть тёв,
 Кыдз — он шу сийös варовён —
 Мем копрасыльвлö чёв.

Кор шойчча... Сылан тэча —
 Пыр кыддзыс шогсö сэн...
 Веж бордъя еджыд лэбачöй —
 Эн эновт менö, эн!

Көтү мекәд кыддзыс-чойыс,
Оз сёрнит, съёлёмшör,
Но сійö кольём войясöс
Мем бергöдлывлö бёр.

Сэн — ылö кольём тулыс,
Мам, том на, муса, ас...
Ме, ичöt, рама сулала,
А гёгöр — кыддза рас...

Войвывса юяс

Писькёдчоны видзъяс-нюръяс вомён
(Оз тай найёс джöмдöд из ни вутш!),
Йöз дінö мед öдйöджыкён воны —
Сэтшöм налён Енмён сетöм удж.

Писькёдчоны, туй вывсыыс оз вошны...
Шуда лола — мёд ног он и шу! —
Мунигён кё муса нылой моз жö
Паныдаасяс лёз синъяса ю...

Дозмёръяс

Дозмёръяс, кор кыа кутас ворсны,
Шызьёдасны койтнас ывла выв...
Мыйла кывзам налысь койтан горсö
Кыздзи муслун йыллысь сыланкыв?

Сы вёсна, мый быд съёлёмö волö,
Ыпмунлö быд лолын муслун би!
Сы вёсна, мый радейтöмён олö
Му вылас быд пу, быд турун ci!

Турёб

Йёктыны да сывны кодыр тёлын
Босътчас турёб — вörзяс сэки съёлём:
Сэтшöм мича сылён сыланног!
Миянлы тшётш лолö сыйысь долыд —
Мый и ми шань му вылас тшётш волим
Юкны йöзкöд му выв гаж и шог.

Бурсё-лёксё съёлём вывті нуны,
 Майшасыны да пыдёсёдзыс юны
 Олёмыслысь курыйд-юмов кёр...
 Шудаён да шудтёмаён лоны,
 Туй помёдзным съыліг-шогсиг воны
 Ловъяснымёс йёзлы сетны бёр...

Комиöдис Михаил Елькин

Му вылын тэкёд

(шемёс чужём)

1

Важ дзуртысь
 юкмёс жаравеч
 ётчыд шеныштчис
 бордъяснас
 менам челядьдыр весьтын,
 котёртыштис
 и пори
 ылё лэбысь туриё.
 Небыд коръя
 еджыд кызд пүён
 пырис ётчыд
 керкааным том нывка
 и лои менам мамён.

Гыма-чарда
 съёд вой бёрын
 кётасьём пасьёма,
 кётасьём ружьеа
 петкёдчис 41-ёд вося салдат —
 менам бать.

Тувсовъя асылёр
 ичётик пыста
 пукисис ёшинь бель вылёр,
 и чужис менам чой.
 И сывны эсъёк сылы, нэм чёж
 бергавны-йёктыны
 и нэм чёж нимкодясьны.

Но ётчыд арланьё
вайисны горто
моздор тыр дзоридз
да шыбитісны пызан вылёр.
Батьё пес кералё.
Мамё чипас лёсьёдё,
кёмтёг,
гожъялём кокчörъя.

Ме сизим арёса зонка,
шог руа, ачым ог тёд мыйла,
курчала дзоридзсо
и шензя: сэтшом мича,
а курыд!

Сійё дзоридзъясыс,
сійё рытыс,
кёмтём кока мамё —
уна во мысти
пöрины менам медводдза
кывбурё.

Тадз позьё помтёг
казтывны.
Ме тёдлі сиктсайса
öти ключ —
гора, варов, сöдз ваа.
Менам ыджыд мам,
Евдокия Егоровна, кулём бöрын
ключыс кытчöкө воши
(öдвакö лоёмторыйс ен сайын,
ыджыд мам вöлі ключсо
видзысьнас,
ичёт кагаёс моз дöзьоритіс,
весаліс-идраліс.
Но и колё шуны,—
ыджыд мам эккис енмыслы).

...Кыпыйд, гажъялысъ
войтыр,
мича пасъкёма,
мича чышъянъяса,
гыёны,
быттьё тулысын
кызд пу рас.

Ӷнöдз син водзын:
пыра вёрö,
куня синмёс —
и бара кыла налысь
сёрни-баснисö,
сыланкывъяссö:
мёс лысътысьялсыс, мёс видзысьялсыс,
гудökён ворсысьялсыс,
керка тшупсысьялсыс...

2

Ме быдми.
Паныдалі нывкаöс,
ниномён ёна ээ торъяв мукöдсыыс,
и шуи:
— Тэ ю кодь...
Тöдан, Россияын
овлёны татшом югыд ваа юяс.
И чужёмбаныд тэнад
ю кодь...
И мыгёрыд тэнад ю кодь.
Серöыштис,
гордöдис,
быттьё ме сылы
мыйкё гусятор шуи.

3. Во мысти...

Дзоридзъяс пёвстын,
кольквиж пасъёма,
шоныд гожся зэр улын,
нёбасьыс,
кутло менё менам гётырё,
юась:
— Ме тэнад юыд?

Тырпыс сылён
быдсон дзоридз буса,
и кольквиж пасъёмыс,
и гырдза-сойыс,
и ыджыд гёгрёсмөм кынёмыс
зарни бусаёсъ...
И ме вочавидза:
— Ю.

.....
.....

Сій ѿ гожёмнас
ми олім сиктын.
Тә ветлодлін
ас дöраысь вуром паськёма,
кёмтөм кока,
юр вылад лента.

Шойчан лунё вöччывлін,
пасыставлін кузъ
съод ли лоз
мича платтьё:
Ворсін Шопенёс —
Мазурка ли, 23-од этюд.
Ме лæччывлі аслам енæжсым,
вайлі
туистыр оз.
Тә мездылін
менам юрсиысь
енгагёс:
«О, бара нин тайё ылалома,
енæжыс ѡмой тэнад
юрад?
Кызд позъё лоны
татшомён?»
Ме збыль ставсö вунодлі
тайё гожёмнас.
Ог вöлі тöд,
кönі рытывыв, а könі
асывыв,
кытчö нүö ассыс васö юыс,
кутшом кыв вылын
сёрнитöны татчöс йöзыс,
ме шыасылі на динö
лэбачьяс динö моз.
Войнас тэнад юрлос вылын
век вöлі узымöдчö
томиник тöльись.
А ме —
кымбэръяс вылын,
енæжын.

Ӯнöдз на
тайё сиктас,
кён ми гожъялім,

узъны водтöдз
 челядьныслы татшöм майд пö мойдöны:
 «Сiйö сейис сöмын дзоридзьяс,
 а шома корыйис вöчлiс букетъяс,
 сёрнитiс юкмёсъяскöд
 и вöвъяскöд.
 А гöтырыс сылён
 ворсiс кутшöмкö
 аслыспöлös музыка.
 И юрсиыс век вöлi
 вевттьö чужёмсö.
 Гашкö, öнi нин
 некоднанныс абуöсь
 таладорас?
 Мый сэн лои, енэжас,
 кымын во нин
 некодi
 оз лäччыв кымёръяс вывсыыс».

Комиöдiс Галина Бутырева

* * *

Арся рытö керка öшинь дорын,
 Кон öдва-öдва чусалö на би,
 Бара гудöк гажöдчыны корö,
 И оз тöд, мый абу ворсысь ки.

А гудöкасысь кутшöм вöлi статя,—
 Но кольёмасö гудыртöма тшын.
 Ворсö гудöк вылын тётя Катя,
 Ачыс аслыс кисьтас стöкан джын.

И пукалёны орчён куим пöчö,
 И некод налысь сылёмсö оз кыв.
 Но мый нö сэсся татчö öнi вöchan, —
 И синва бöрын бара сыланкыв.

Важмём вичко вывтi, керка вывтi,
 Кодi суалö тан лунö бан,
 Медбörъясыс гудок шыыс кывтö,
 Медбörъясыс кылö «Шондiбан».

Комиöдiс Нина Обрезкова

Пыж

1

Пёрсысь пыж
Шонтіс ордлысö шондi водзын.

Ми Колькакöд
Пышайим детдомысь
Да олiм пыж улас
Вежон.

Меным вöлi дас арöс,
Нёль тёлысь да квайт лун.
Колькалы тырис
Пыжас дас öти.

Пыж миянöс шонтіс,
Ыштöкö мам.
Ылсыяныс сiйö чайтисис
Му вылын куйлысь
Сьöд нывбабаён.
Ми байкнитлiм
Пыж кынöм увсыыс,
Быттьö выльён чужысьяс.

Визувтiс чöскыд ю.
Юмов кörön öйтiс турун.
А небыд бобонянь юр
Möс вöра йöв моз
Мавтыштлiс vom дорöс.

2

Вежон мысти детдомын,
Еджыд стенъяса чижовкаын,
Сиралöм чагъяс моз куйлiм
Еджыд прёстыня вылын —
Сы выйöдз чишкалiс шондыыс.
Вадорын эновтöм
Пёрсысь пыжлён
Челядь.

Кызь во мысти,
Кор ме виччысytöг аддза тэнö,

Локтас ме дорö
Тайё кывбурыс:

Тайё нылыш
Мыйёнкё мунё
Ю шёрын лайкъялысь
Вылын ныра кокни
Пыжлань.
Восьласнас.
Дёлалысь платтьёнас.
Еджыд чышъяннас.

Джуджыд турун пиёд келигён
Платтьёыс оз сайёд
Векни лядьвейсö.
Кыдзи и пыж,
Сийё йиджтö ас пиас
Турун кёрсö
Да юлысь лёзсö.

А лун шёрнас,
Пöttöдз шполькёдчём бёрын,
Куйлёт шондi водзын
Лёз ю дорын.
Яйсö чашибома
Гöрд эжёрён,
Кыдзи и пыж,
Юрсяныыс кок улодз.

Пыжъяс оз кувны...

1946 воын
Кык ён мужичой
Кералисны йёрас
Пыж.
Ыджыд
Гёгрös
Шыллыд пуысь.
Пыжыс эштис.
Сийос лэптисны
Пельпом выланыс
Да нуисны
Сикт кузя
Ю дорö.

Выль пыж! —
Горзісны ёшиньёд
Мужичойяс да бабаяс.
Выль пыж!
Выль пыж! —
Чеччалісны челядь.
Пыжсо нуисны
Пельпом выланыс,
Кинас сывъялёмён
Нёль-ё-вит мужичой.

Тайё пыж улас,
Гашкё, и дзебсям
1949 вося
Гожомын?

4

Ме эг вунёд
Сылысь кёрсö:
Сир, шондi, ва,
Ытшкём турун,
Ма да бипур сора.

«Абу пыж, а
Бать-мамтём челядьлы
Оввёдан сыыланкыв!
Ыджаид Кёшлён
Либё Сизима Кодзувлён
Карнан помын
Öшалысь потан!» —
Тадзи эськё ме гижи,
Збыллысь кё тайё ээ вёв.

Менё сайкёдісны
Пöрысь да эндём пыжъяс:
Пукала му вылын,
Нёровтчи на бердö юрён.

Комиöдiс Алёна Шомысова

Себастьян Каньоли

Себастьян Каньоли. Родился в 1976 году, живёт в Ницце. Писатель. Переводчик. Докторант по финно-угорским языкам и литературам Научно-исследовательского центра Европы-Евразии (CREE) Института восточных языков и цивилизаций (Inalco), Париж.

«Я хочу знать мир во всём его многообразии...»

— Себастьян, Вы, конечно, известны в нашей Республике, но всё же, для читателей журнала расскажите о себе, о своей профессии, о том, как впервые узнали, что где-то в России есть коми народ. Как вы учили коми язык?

— Я из Ниццы — края, расположенного на стыке культур и народов: лигурийской, греческой и римской в древности; христианской, начиная с IV века, культурой англичан, русских и французов, посещающих эти места, начиная с XIX века. Южное побережье выгодно совмещает в себе особенности образа жизни и климата, как традиционного приморского, в котором никогда не бывает холодно, так и холодного горного с многолетними традициями скотоводства и охоты. Возможно, что именно этот мультикультурный контекст повлиял на дальнейший выбор моего жизненного пути.

Я «совершенно неожиданно для себя» получил образование инженера, после чего долгое время жил в Париже и работал в крупной ИТ-компании. В средней школе я выучил английский и немецкий, также немного древнегреческий; получил некоторые знания японского языка и культуры благодаря университетской программе обмена. В качестве хобби занимался изучением финского языка, который привлекал меня своей музыкой, ритмами и таинственной для меня грамматикой. Далее, путешествие по Финскому заливу в 2004 году открыло для меня культуру Финляндии и Эстонии, также оно помогло мне сделать первые шаги в России. После, уже в 2006 году, трёхнедельная железнодорожная поездка из Москвы в Пекин помогла мне открыть множество новых аспектов русской культуры. Во время изучения финно-угорских языков у меня появилось желание узнать остальные языки этой группы. В Интернете я нашёл несколько словарей и множество текстов на коми языке. Так я начал изучение коми языка, в котором мне очень помогло мое знание финского.

В 2010 году я оставил свою работу в Париже и вернулся в Ниццу, чтобы полностью посвятить себя переводу различной литературы. Моеей основной деятельностью в настоящее время является перевод финской художественной литературы на французский язык. Кроме того, я работаю над исследованием финно-угорской литературы, в особенности, истории комиязычного театра, который является темой моей кандидатской диссертации (незавершённой).

— *Вы писатель и учёный: что для Вас важнее — научная работа или писательское творчество?*

— Писательская деятельность и тяга к самообразованию захватили меня ещё в детстве. Я пробовал писать стихи, прозу; писать по-французски или же заниматься переводом с других языков. Исследование — это постоянный процесс для меня, связанный с утолением любопытства. Именно это позволяет понять, как работают разные вещи, узнать их происхождение, их историю.

Оба вида деятельности неотделимы: анализ необходим для сбора знаний, которыми нужно поделиться. Просто собирать их и сохранять его для себя было бы абсолютно бессмысленно для человечества. Поэтому самым важным, что есть в профессии поэта, переводчика, журналиста, учёного и писателя, является обмен информацией.

— *Ваши основные произведения, кто Ваш читатель?*

— Научные труды имеют ограниченную аудиторию, но в широком географическом масштабе: на французском, или на английском, или русском языках их можно прочитать практически в любом месте. Литературное творчество, особенно переводы, имеют более широкую аудиторию. Некоторые поэтические переводы были напечатаны только в 200 экземплярах... Но я также перевёл роман, который был продан более чем 200000 копий по всем французскоговорящим странам Европы. Также яучаствую в некоторых проектах по переводу кинофильмов (с английского, особенно, когда речь идёт о поэтических текстах), которые имеют большую и разнообразную аудиторию.

— *Себастьян, что Вас привлекает в культуре коми, чем она, с точки зрения постороннего наблюдателя, может быть интересна человеку Запада?*

— Я думаю, очень важно, чтобы понять целый мир, в котором мы живём, также понять наших «соседей». Традиционные СМИ во многом поддерживают распространение неверных клише о разных странах. Например, когда речь идёт о Франции, люди сразу же начинают думать о Наполеоне, канкане, Эйфелевой башне. Кто может знать, что жители провинции Ницца, в прошлом, были вызваны воевать своим королём на стороне русских против французской армии Наполеона? Аналогичным образом, во Франции, когда мы говорим о России, люди сразу представляют водку, казаков, Зимний дворец или зверства ГУЛАГа. Но всё это очень далеко от повседневной реальности большинства жителей России сегодня. Как следствие, есть реальная необходимость в рассказе о разных аспектах жизни и культуры разных народов, чтобы подменить это клише. Именно это может позволить расширить свои знания и узнать своих «соседей». Тема актуальна не только для востока и запада, Франции и России, это более общий вопрос: я хочу знать мир во всём его многообразии.

— Дни коми культуры в Ницце: как Вам удалось их организовать? Как, по-Вашему, должна выглядеть на них коми культура?

— «Неделя Коми», которая состоится в Ницце в феврале 2014 года, включает в себя: театральный фестиваль, который состоялся в ноябре 2009 года в Сыктывкаре, когда Ниссартский театр имени Франсиса Гага сыграл один из своих спектаклей на ниссартском языке («Una demanda en matrimonio», адаптация пьесы А.П. Чехова «Предложение») и Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми представил своё шоу на коми языке. Эта встреча выявила сходства и различия между развитием театра на «региональных» языках в Коми и в Ницце. В обоих случаях местные языки, которые использовались на протяжении веков, стали языками меньшинств в ходе XX-го века, из-за политики амортизации под главенством экзогенного языка. Опыт Коми и Ниссартского народов, которые могли бы показаться на первый взгляд несочетаемыми, выявил много новых знаний для изучения драматического искусства на региональных языках в различных исторических и политических условиях.

Эта неделя организована в партнёрстве с «Российским домом в Ницце», Объединением Финно-Угроведов «ADEFO» (научной ассоциации, секретарём которой я являюсь) и Государственным институтом восточных языков и цивилизаций «INALCO» (научное учреждение, в котором я защищаю диссертацию). В течение этой недели мероприятия будут проходить на ниссартском и коми языках. По этому случаю, мы также организуем международную конференцию о театре и языках национальных меньшинств, встречу исследователей и художников, цель которой — дать возможность людям встретиться и обсудить важные вопросы развития языка и театра не только в Ницце и Коми, но и в целом во Франции и в России, а также в других регионах Европы.

— Чем, на Ваш взгляд, западные люди, в частности, французы, отличаются от нас?

— Не существует принципиальной разницы, на мой взгляд, кроме языка. И это причина, по которой я перевожу книги с одного языка на другой: после того, как препятствие, связанное с языком, исчезает, мы понимаем, что имеем дело с людьми, которые поднимают одни и те же вопросы, испытывают одни и те же эмоции в различных условиях. Существуют различия в природе, климате и другом. Отличаются элементы повседневной жизни, на которую среда также влияет: например, на юге Коми, в лесах, была традиция охоты, рыбной ловли и торговли, а северные коми, в тундре, имеют развитые традиции оленеводства. В Южных Ниссартах, у моря, существовали традиции рыболовства и торговли, а в северных районах, в горах, давно занимаются скотоводством и охотой. Сегодня, с помощью транспорта и средств связи, образ жизни, как правило, становится глобальным, но языки и менталитет по-прежнему содержат очень конкретные традиционные элементы.

Это то, что интересует меня больше всего, хотя традиционные элементы (из мифологии или повседневной жизни), которые составляют культуру, у народов могут значительно отличаться, и это совершенно понятно: греческая мифология или христианство, в моей собственной культуре; анимизм, про который я узнал в Японии; все коми легенды, которые могут сказать об отношениях между людьми

и духами природы... всё это кажется мне знакомым. Это просто разные способы представления гармонии мира.

— *Вы переводили на французский язык Михаила Лебедева. Почему именно его, а не кого-то другого, возможно, более сильного коми автора?*

— Когда я заинтересовался коми языком, то сначала я нашёл большой Коми-русский словарь и несколько книг, среди которых был школьный учебник коми литературы для 6-го класса. В нём были тексты классиков, среди которых — легенда о Кёрт Айке в стихах, сочинённая Лебедевым. Это стихотворение оказалось очень похожим по своей поэтической форме с финским эпосом. Мне хотелось адаптировать её в стих на французском, чтобы подчеркнуть сходство двух финно-угорских культур.

Для того, чтобы узнать язык, нет ничего лучше, чем эпос! Меня подтолкнуло вперёд желание узнать, что произойдёт дальше, и перспектива поделиться этим с читателями. Эта работа привела к моим публикациям двуязычных сборников стихов Лебедева и Илля Вася.

— *Кого из коми писателей Вы ещё знаете, есть планы их переводов на французский?*

— Кроме Лебедева и Илля Вася, я сосредоточился на некоторых других классиках, как Виктор Савин и Тима Вень. Также мне нравится Юшков, кого мне посчастливилось встретить в Сыктывкаре несколько лет назад. Среди наших современников мне особенно нравится, как пишет Тимин, потому что его идеи мира возводят коми культуру поистине до вселенских масштабов. Повести и пьесы Алексея Попова, более или менее относящиеся к культуре Коми, также имеют универсальное значение. Олег Уляшев написал несколько очень красивых страниц, вдохновлённый Коми фольклором. Я также перевёл несколько стихотворений и коротких текстов Галины Бутыревой, Александры Мишариной, Елены Козловой, Александра Шебырева, Нины Обрезковой, Анжелики Елфимовой. Слишком много, что я даже не могу назвать все.

— *Что Вы можете пожелать читателям журнала «Арт»?*

— Если человек ест только хлеб, то он имеет недостаток питания, потому что также ему нужно есть фрукты, овощи, мясо и рыбу. Я думаю, то же происходит и с языками: необходимо знать несколько из них, чтобы мозг мог раскрыть свой потенциал. Если мы будем говорить только на одном языке, то мы сможем использовать только одну часть наших личных способностей, мы сможем понять только одну часть мира, в котором мы живём. Поэтому я желаю, чтобы наши языки продолжали существовать, а каждый мог знать их многообразие.

*Беседовал Павел Лимеров
В переводе помогал Вадим Шестаков*

Себастьян Каньоли

Стена

Стена встаёт перед тобой, влажная и тёмная, возведённая камень за камнем, как изысканный мертвец, неведомыми каменщиками прошлых веков, такая близкая, что, протянув руки, ты можешь коснуться всеми пальцами её неправильных и вечных камней, ощутить ладонями её влажность, которая может напомнить тебе холодную влажность плитки в ванной после тёплого душа среди дождливой зимы, так близко, что ты можешь погладить каждый камень своими дрожащими руками и поскрести ногтями по его выпуклой поверхности, ты, сидящий между двумя стульями, стоящий растерянным в двух шагах от стены там, где ты не хотел бы быть, откуда хотел бы вырваться любой ценой, чтобы оказаться на другой стороне, т.к. на той стороне находится чудесный сад, где всё зелёное, голубое, золотое, как тебе сказали, какой бы высокой стена ни была, она не так высока, как стеклянная башня, что возвышается над городом, как колокольня, и секвойя там почти такая же высокая, как башня, и люди, которые постоянно живут в башне, действительно видели сад, они рассказывали о нём, публично и в частных разговорах, они описывали свои наблюдения, чтобы распространить их, чтобы их популяризировать, чтобы сделать их доступными для тех, кто не живёт так высоко и не может увидеть это сам, и кто не может видеть глазами других, как перископом, а ты читал их свидетельства, ты слышал, как они рассказывали о саде с детским энтузиазмом или ледяной объективностью и, может быть, по их примеру, ты видел сад своими собственными глазами, с башни, может быть, ты смотрел с помощью бинокля, чтобы лучше разглядеть сад с башни или с секвойи, и с того момента мысль о саде никогда больше не покидала тебя, никто и ничто не может тебя отвлечь или удержать здесь, ты хочешь преодолеть стену любой ценой, это твоя самая заветная мечта, если не единственная, и почти оправдание твоего существования, итак, ты пытаешься перелезть через стену, но стена высокая, скользкая, гладкая, ты не можешь пройти через стену, каждый раз, как ты пытаешься вскарабкаться, ты падаешь, и падение тем более болезненно, чем выше тебе удаётся подняться, и ты думаешь, что ты у цели, но ты ожесточаешься, это не простой каприз, это непреодолимая потребность, властный порыв, может быть, ты думаешь, что ты Избранник, потому что ты знаешь или думаешь, что знаешь, что находится за стеной, как будто видел это с башни или с секвойи, но ты забываешь, что ты знаешь об этом не больше, чем обитатели башни или, по крайней мере, половина из них, из тех, кто живёт по ту сторону стены, и ты, кажется, забываешь, что самые учёные из них долго изучали вопрос, конечно, начиная с башни, с биноклями, с чернилами, с бумагой, с экранами и клавишными пультами, с болтами и гайками, своими руками и своими ртами, так как они много думали и они много обсуждали, а ты, который никогда не говорил о своих проектах, ты считаешь себя Избранником, ты, который никогда не решал уравнений, ты думаешь, что знаешь, ты, который никогда не поправлял очки, потому что никогда их не носил, который никогда не поправлял галстук, потому что никогда его не завязывал, ты,

что стоишь у самой стены, стены тёмной и холодной и влажной, которую ты пытаешься во что бы то ни стало преодолеть, чтобы идти прямо, самой короткой дорогой, т.к. ты уже потерял слишком много времени, ты не простишь себе дополнительную потерю времени, начиная с того места, где ты стоишь, и всё прямо до сада зелёного и голубого и золотого, начиная с того места, где ты находишься, и до того, что ты ещё не знаешь и что ты обязательно найдёшь по ту сторону сада, и поэтому тебе фатально нужно пройти через стену, ты всовываешь свои пальцы в щели, сожалея, что ты не ведьма с крючковатыми пальцами — но если бы ты был ведьмой, тебе не нужно было бы карабкаться на стену, ты, может, околдовал бы стену и заставил открыться, как грот, или ты бы перелетел через неё на волшебной метле, как обыкновенный булыжник, и ты ломаешь ногти и ты обдираешь руки, с которых уже капает кровь, и ты растворяешься в чёрной влажности камней под взглядом женщины, проходящей со своим шиу-шиштцу, сначала, заинтригованная, она смотрит на тебя, буквально приклеивая тебя всем телом к камням, как бы расплавляя тебя в стене, затем, испуганная, она едва осмеливается наблюдать краем глаза твои неприличные попытки скрыться, боясь встретить твой взгляд, который ей кажется, может быть, ошеломляющим, как будто ты сам построил стену только своим взглядом, и шиу-шиштцу смотрит на тебя и яростно лает, но она не остановилась и быстро удаляется, уводя его за поводок, не говоря ни слова, т.к. твои руки кровоточат, как руки преступника, и твоя рубашка в клетку в зелёных пятнах плесени и пота, ты ощущаешь влажность камня на руках и на теле, ты ощущаешь движение воздуха на лице, дуновение на щеке, т.к. камни дышат, и ты приликаешь ухом к маленькой щели между двумя камнями в надежде что-то услышать, стена как бы говорит с тобой, и в её дыхании ты ощущаешь некие признаки или некие откровения, или как бы некие шумы из сада доходят до тебя и ведут, ты слушаешь без большой убеждённости и без результата и ты всё время просовываешь свои пальцы между камней в поисках опоры, а стена всё дышит, щели источают влагу и кровь, как язвы, твои пальцы погружаются в пену и плесень — пальцы рук и ног, т.к. одновременно ты весьма неуклюже ищешь опору для ног, — и ты всё время скользишь, но ни за что на свете ты не отступишь, ты здесь не случайно, твои усилия свободны и непринуждённы, и ты горд, что ты противостояшь стене по своей доброй воле и в полном сознании, в то время как столько твоих сограждан остаются в городе, не зная, почему, даже случайно не задавая себе этот вопрос, не думая двигаться, не думая встать, тебе хотелось бы протянуть им руку и позвать их присоединиться к тебе, — вы могли бы взбодриться, вы, может быть, были бы лучше экипированы, чтобы преодолеть стену, вы могли бы сделать лестницу, но никто не захотел последовать за тобой, никто не захотел тебя слушать, и ты покинул город в одиночестве, чтобы приблизиться к стене, но почему бы не попытаться ещё раз, но вот же кто-то проходит мимо, кто-то идёт вдоль стены, с коробкой спичек, он идёт медленно, глядя в сторону, как будто стена всего лишь ряд кипарисов, но ты настигаешь его в одно мгновение и ты просишь его о помощи быстрее, чем это можно сказать, а он проходит с безразличием, которое огорчает тебя, ещё один случайный житель города, вот было бы счастье, если бы он остановился и благосклонно выслушал тебя, не теряя время на неприятные размышления, ты бы объяснил ему свой проект, не вдаваясь в детали, чтобы не отпугнуть его, было

бы жаль упустить этот шанс, ты также доброжелателен, ты даже улыбаешься, чтобы войти в доверие, и ты просишь его всего лишь подсадить тебя на плечах, подняться, не вдаваясь в подробности, надеясь, что он не будет задавать вопросов, что он будет также скептичен и сдержан, как можно бы ожидать со стороны любого, живущего в городе, и который вследствие этого не очень любопытен или болтлив, таким образом, мало вероятно, что он будет задавать себе вопросы о стене, если бы он их задал, он бы уже тоже карабкался на стену, и он любезно поднял тебя на своих нешироких, но крепких плечах, для него это, несомненно, как игра, может быть, эта игра напомнила ему молодость, и вот он уже принимается рассказывать тебе, что когда он был ребёнком, он забирался по решёткам школы со своими товарищами, они делали небольшую лестницу, когда воспитатели отворачивались, ты замечашь, что сейчас не время, но ты вежлив и позволяешь ему говорить, чтобы не раздражать его, не хватало только этого, чтобы он рассердился и оставил тебя здесь, когда ты даже не подступился к стене, ты просто отыхаешь на подвижных плечах и ты ищешь, за что бы схватиться, зацепиться за камень, но камни скользят, ты позволяешь ему говорить и, может быть, ты уступаешь ему и подбадриваешь его, а он расходится вовсю и вспоминает, как он поднимал на плечах своего младшего брата, чтобы подсадить его на кровать, потому что они спали на двухъярусной кровати, понимаешь, он на нижней кровати, а младший брат на верхней кровати, и тот предпочитал подниматься на плечах этого, чем пользоваться деревянной лестницей, потому что так было забавнее, ты хотел бы заткнуть уши, но руки твои в то время совершенно заняты, и ты пытаешься абстрагироваться от рассказа этого простака, сосредоточившись на своём восхождении или попытке восхождения, т.к. ты не слишком-то продвинулся с момента рассказа о школьной решётке, и тебе не удаётся сойти с плеч, ты постоянно пытаешься поднять ногу, чтобы поставить её между двумя камнями, но ты всё время соскальзываешь и вновь опускаешься на бедолагу, ты начинаешь сожалеть, что окликнул его, он не облегчает твоей задачи, он никак не сомневается в трудностях, с которыми тебе пришлось столкнуться, может быть, он думает, что это детская игра, то, что ты поднимаешься с его плеч, так забавнее, чем с помощью деревянной лестницы, как будто у тебя есть настроение позабавиться, как будто речь идёт о том, чтобы лечь в верхнюю кровать, ты уже почти хочешь предложить ему поменяться и подсадить его на своих плечах, и показать ему на мгновение, на что похожа стена, когда носом утыкаешься во влажную щель и руки в крови, ты почти хочешь предложить ему обменять его рубашку на свою — зелёную от плесени и пота, но надо признать, что он очень терпелив, что выдерживает твой вес и твой запах вот уже четверть часа и, должно быть, он уже начинает уставать, во всяком случае у него есть все основания для усталости, на его месте ты не был бы так терпелив, на его месте, конечно, ты не стал бы рассказывать о своей жизни незнакомцу, ещё менее вероятно, что ты подставил бы ему плечи на четверть часа, но очевидно, он всё ещё не задаёт вопросов, по его виду не скажешь, что он спрашивает себя, что прячет стена, и вот ты упал, а этот славный человек, к сожалению, он не очень высокий, и несмотря на его добрую волю, он не очень-то высоко тебя поднял, даже с поднятыми руками твои истёртые пальцы далеки от цели, и хотя ты сражаяешься уже четверть часа, тебе ещё не удалось найти опору, и в этот момент ты скользишь, ноги твои соскальзывают, как будто стена тебя

толкнула, может, человек пошевелился, может быть, он захотел сопроводить нежелательную для тебя речь каким-либо жестом, который ты не можешь видеть, ты теряешь равновесие и падаешь на бедолагу и ты его увлекаешь за собой на утоптанную землю, и вы катитесь посреди дороги в облаке пыли, несколько прохожих тотчас приходят вам на помощь и помогают подняться, они худо-бедно вас отряхивают, другие наблюдают со стороны, не решаясь подойти, с сигаретой в руках, все наблюдают за вами, выжидая, тогда как вы потираете свои ушибленные места, затем, увидев, что вы не причинили себе вреда, все удаляются, успокоенные или разочарованные, они уносят ноги, подняв брови, а человек с коробкой спичек покинул тебя, стряхивая с плеч землю, и вот около тебя никого нет, и ты один у самой стены, брюки в плесени, в поту, в крови, запыхавшийся, несомненно запыхавшийся, учитывая физические усилия, потраченные тобой тогда, когда тот, другой, давился ненужными словами, ты один у стены, как гриб, у тебя хватило ума воспользоваться этим, чтобы закрыть глаза и сосредоточиться, т.к. когда ты один, тебе не нужно напрягаться, чтобы установить контакт и гарантировать из вежливости минимум общения, разве что для удовлетворения неких личных и социальных потребностей, в которых ты, впрочем, не очень отдаёшь отчёт, ты можешь теперь на досуге подумать о решении, машинально считая камни, как считают барабанов, и размышляя, может быть, о каменщике, который их укладывал один за другим, один над другим, т.к. решение обязательно есть, думаешь ты, пока ты один, один, пока не приближается дама с кусочком мыла и зубной щёткой, может быть, она расположена к тебе, она даже улыбается тебе, но что означает эта улыбка, с её ровными и белыми зубами и слишком симметричным носом, ты осторегаешься симметричных улыбок, ты не знаешь, почему, но ты их осторегаешься, у тебя, несомненно, есть основания, впрочем, даже не зная этого, даже не задавая себе вопроса, но если бы тебе задал вопрос, ты бы тебе сказал, что непременно есть основание, и она может тебе позволить смотреть на тебя, улыбаясь, т.к. она тоже была одна, до того, как увидела, что ты тоже один, она не может удержаться, чтобы не разжать свои слишком белые зубы и не показать осторожно между ними свой розовый язычок, чтобы поздороваться еле различимым шёпотом, или чтобы сказать о свежести воздуха вполголоса и проглатывая слова, то, что ты интерпретируешь как намёк на тень стены и на дыхание камней, тогда как она и не думает о стене, может, она заметила её не более чем грязь, запачкавшую её белые туфли, и пятнышки грязи на белых туфлях кажутся тебе несовместимыми с белизной её зубов и её симметричной улыбкой, да так, что её дыхание внушает тебе ещё большее недоверие, ты говоришь себе, что её улыбка — это ложь, что она лжёт, как дышит, всем своим белым и симметричным дыханием, что она подошла к тебе, чтобы лгать тебе в лицо, прямо в твою бороду — она сейчас густая, как никогда, — т.к. с того дня, когда ты решил посвятить свою жизнь реализации твоего проекта, с того момента, когда ты всё делаешь, чтобы достичь своей цели, рискуя расстаться с существованием, кроме существования около стены (но выбирай между отвергнутым существованием без рассуждений и потенциальным существованием с достижением цели и преодолением рискованных препятствий, ты предпочитаешь рискнуть и попытаться, будь что будет), с тех пор ты больше не утруждал себя возвращением домой вечерами, где ты оставил бритву и палочки для чистки ушей, твою обувную щётку и зубочистки, твои городские брюки и

деревенский хлеб, с тех пор пена для бритья осталась на умывальнике невостребованной, как взбитые сливки в холодильнике,— даже когда в молодости ты не раз пытался отрастить бороду, тебе это не удавалось или, может быть, у тебя не хватало терпения на это, и тогда, когда ты думаешь о своей бороде и своей рубашке, которые сами по себе говорят об этом больше, чем твоё молчание, вот перед тобой женщина, которая лжёт тебе всем своим ментоловым и эвкалиптовым дыханием, глазами, в которых читается желание бросить песок в твои глаза, по краешкам её глаз, по краю радужной оболочки, есть колодец, а что в глубине — ты не знаешь, ты не видишь далее края колодца, ты хотел бы бросить туда нож, и прислушаться, чтобы услышать, как он достигнет дна, с сухим или мокрым шумом, который срезонирует до век, ты мог бы почти погрузить пальцы в ямы её глаз и там повеситься, чтобы возвыситься над ней, поднять одну ногу, затем другую, поставить ноги, где можно, подняться до верха, и это было бы, думается тебе, приятнее с ней, чем со стеной, и твоя рубашка тоже не будет жаловаться на это, если выбирать, то ты предпочёл бы, может быть, её лживое дыхание зловонию стены, но это не точно, нет, просчитав всё, ты предпочитаешь скорее страдать в гнили, чем наслаждаться ложью, ещё ты предпочитаешь сражаться против неровностей стены, а свой кусочек туалетного мыла, она может, думаешь ты, засунуть его себе, но, конечно, ты ничего такого не говоришь, даже если ты усиленно об этом думаешь, но не слишком, из страха доставить ей удовольствие услышать то, что она хочет и что требует, и что вымаливает, т.к. она выпрашивает твою признательность во всех мыслимых формах, которые та может иметь, которая лежит в основе малейшего признака слабости, колебания, беспокойства, она настороже, она навостряет уши, как шоколадный заяц, в надежде уловить неощутимое урчание взгляда, всегда в поисках безусловного согласия, которого она поджидает с высоко поднятой головой, т.к. какими бы ровными не были её белые зубы, она нуждается в придании законной силы её выдумкам, чтобы сделать их более правдивыми, она нуждается в доверии, которое могло бы ей оказать твоё согласие и которого она требует своей улыбкой, и бездна её глаз умоляет тебя, больше нет сомнений, но ты не хочешь быть обманутым, ты больше не хочешь смотреть в её сухие глаза, ты хотел бы её ударить, дать ей пощечину, чтобы она заплакала, и её слёзы были бы зелёными от тины, как вода в глубине колодца, и её лицо было бы покрыто тиной её глаз без симметрии или иллюзии, и под тиной исчезли бы синяки от твоих ударов, так, что в свете зари само её лицо было бы зелёным, и голубым, и золотым, это было бы красиво, но нужно преодолеть ещё много препятствий, и в этот день необходимо признать, что она тебе не внушает ничего, кроме презрения и разочарования, на котором ты предпочитаешь не зацикливаться, и ты абстрагируешься от женщины, которая тотчас исчезает, так быстро, что её улыбка ещё держится в поле зрения, когда её самой уже нет, ты не знаешь, почему, как будто абстрагирования от женщины уже достаточно, чтобы избавиться от неё, ну и вот, в её отсутствие её улыбка постепенно исчезает, также как и голос, который резонирует, как будто идёт из глубины колодца, кажется, что, исчезая, она перестала вратить, это твоё самонаблюдение, без его развития, т.к. ты пользуешься своим вновь обретённым одиночеством, чтобы отступить назад, на этот раз ты решил разбежаться, чтобы отойти дальше, ты отступил на несколько шагов, чтобы удалиться от стены, не выпуская её из поля зрения, чтобы удалиться на достаточноное

расстояние, ты быстро прикидываешь, какой длины разбег тебе необходим, точную длину, ты измеряешь её сосредоточенно и с лихорадочным вниманием, потому что знаешь, что твоё будущее зависит от разбега, к которому ты готовишься, даже сантиметр может изменить жизнь, ты отдаёшь себе отчёт в этом, ты даже подпрыгиваешь на месте, меньше всего из желания разогреться, а для того, чтобы избавиться от избытка нервозности, ты ждёшь подходящего момента, чтобы преодолеть расстояние на хорошей скорости, с нужной ноги, всё тщательно, если не точно, просчитано, ты на миг закрываешь глаза, не для того, чтобы больше не видеть стену — даже с закрытыми глазами ты видишь её, конечно, — но для того, чтобы забыть, что тебя окружает, всё, кроме стены, всё, что вас со стеной окружает, чтобы не видеть ничего, кроме стены, и когда ты открываешь глаза — это сигнал старта, и ты преодолеваешь определённую длину, ставя ноги туда, куда надо, ты не рисовал эти места на земле, но ты их мысленно очень ясно представил, прежде, чем закрыть глаза, тебе удаётся сконцентрироваться на беге в его глобальности, соблюдая все элементарные просчитанные этапы, и кажется естественно, что ты опираешься на нужную ногу, чтобы прыгнуть и повиснуть на стене, как можно выше, не на самом верху — ты не столь наивен, чтобы думать, что достичь вершины стены так легко, но гораздо выше, чем это можно было бы сделать без разбега, и ты бросаешься на камни, сломя голову, пытаясь зацепиться руками и ногами за что угодно, одной рукой ты хватаешься за скользкий камень, другой — за пучок дикой травы, ты быстро ищешь ногами какую-либо опору, неважно какую, между камнями, на кочке мха, тебе обязательно нужно обрасти хоть какую-то прочную опору для продолжения своего восхождения, ты убеждён, что ты как никогда близок к цели, но камень выскальзывает из руки, мох не выдерживает твоего веса, и ты не знаешь, что делать, руки слабеют от длительного усилия, но ты не сдашься, нет, ты висишь, пока стена не сбросит тебя на землю со своих слишком скользких и заплесневелых камней, и в конце концов ты падаешь без ног, без рук, планируя своё восхождение, ты не предусмотрел возможность падения, ты никогда не падал с такой высоты, но ты не обескуражен, наоборот, ты с оптимизмом говоришь себе, что не всё сразу даётся, это нормально, даже если это в целом не первая твоя попытка, но в первый раз ты попытался тщательно просчитать своё устремление и как следствие ты не считаешь это поражением, ты говоришь себе, что после нескольких попыток ты можешь значительно улучшить свои результаты, чтобы достичь наконец своей цели, ты умеешь извлечь урок из этого поражения, как и из других, говорят, надо извлекать уроки из всякого опыта, особенно из поражений, в конце концов, поражения больше обогащают, чем успехи, в конце концов, так лучше, нет, ничего не преувеличивая, ты предпочёл бы, конечно, попасть туда с первого раза, но в данной ситуации тебе ничего не остаётся, как благородно тренироваться, без претензий, с единственной целью — улучшать твой разбег — ты будешь бегать как воскресные бегуны, что время от времени пробегают мимо тебя вдоль стены и в другие дни недели, за одним исключением — ты побежишь не вдоль стены, а навстречу стена, и вот уже есть один, юноша вне возраста и без рук, в шортах и весь в поту, бежит со всех своих длинных ног, в прохладной тени стены, ноги едва касаются земли, волосы развеваются, твои ноги горят, и рубашка кровоточит, ты смотришь, как он приближается, пока переводишь дыхание, он без рубашки, пустые рукава мешали бы ему бежать, он даже без футболки, пот сверкает

на его безруком теле, ты говоришь себе, что даже если бы он этого захотел, юноша никогда не смог бы вскарабкаться на стену, и ты втайне желаешь ему не думать об этом, ты не думаешь также помешать его бегу, ты позволяешь ему пробежать, он всего лишь бежит из города и вернётся в город, ты не говоришь ему о стене и о саде за стеной, который, по всей вероятности, расстилается до горизонта, и в действительности предоставляет идеальные условия для бега, даже без рук, в тёплом и чистом воздухе, в зелёном и голубом, и золотом свете, ты оставляешь его бегущим во влажном воздухе холодных камней и ты чувствуешь теплоту его тела, когда он пробегает мимо, как облако пара, ты ощущаешь теплоту на лице и ледяное дыхание камней за спиной, вокруг себя ты ощущаешь два противоположных дыхания, которые тебя обволакивают и теснят, ты хочешь дать ему пройти, не мешая, чтобы избежать бесполезной и ненужной конфронтации, или более точно — чтобы избавить его от конфронтации со стеной, как ты думаешь, и ты готов отвернуться, как будто ты его не видел, но он увидел тебя и приветствует тебя кивком и уголками губ, если бы он мог, он бы, конечно, добавил бы к своей улыбке жест рукой, ты это ясно видишь по выражению его лица, его торса, и по едва уловимому движению его правой культи, а если бы у него были руки и шляпа, он бы воспользовался ими, чтобы элегантно снять её (шляпу), без всякого сомнения, он горячо раскрылся бы, ты не видишь это, но ты охотно в это веришь, общее впечатление галантности и любезности, исходящие от его тела не позволяют в этом усомниться, — но у него нет шляпы, только его взлетающие и как бы покрытые росой волосы, в этих условиях было бы грубо не заметить его, итак, ты немедленно прекращаешь поворот головы и ковыряешь пальцем в ухе, чтобы придать вид и как-то оправдать круговое движение твоего подбородка, ты скребёшь в ухе и тотчас представляешь себе юношу, скребущим в ухе правой ногой, если он правша, — а об этом можно судить по едва уловимому движению его правой культи, когда он приветствовал тебя, но ты не дал бы руку на отсечение, точно знать невозможно, — может быть, с помощью каких-то необходимых приспособлений он удлиняет ногу, ловко получая дополнительный, но не лишний сустав, например, бильярдный кий или грабли, смотря что нужно, и он улыбается, то ли его улыбка — часть приветствия, также как и движение головы и культи, то ли он догадался о твоих мыслях, и ты не знаешь, искренно ли его приветствие или он насмехается над тобой, зная о причинах, как реагировать в таких обстоятельствах, ты не хотел бы оказаться жестоким, если у юноши не было дурных мыслей, но ты также не хотел бы быть бесполезно любезным, но в конце концов ты можешь позволить ему насмехаться, а пока ты можешь пожать плечами и ковырять пальцем в ухе и грызть ногти, и даже отдать ему честь, если тебе этого захочется, итак, ты позволяешь ему приветствовать себя и приветствуешь его в свою очередь концом подбородка, вежливо, но не слишком, различие, смешанное с безразличием, и когда он говорит, что погода очень хороша для пробежек или что-то в этом роде, ты хватаешься за эту возможность сказать ему, что ты тоже хочешь бежать, только в другом направлении, и вот он замедляется — не то, чтобы он замедлил скорость, т.к. частота его шагов остается строго постоянной, нет, он уменьшил длину шагов таким образом, что расстояние, пройденное им за определённое время, существенно уменьшается, стремясь в данном случае к динамичной неподвижности, — вот он возвращается и продолжает бег на месте,

не переставая подскакивать с регулярностью электронного метронома, Не в ту сторону? переспрашивает он, как будто ты неясно высказался, как будто смысл что-то меняет, и ты повторяешь — в другом направлении — и отдаёшь себе отчёт, что он не понимает, или что он играет словами, ещё один играющий, но у тебя нет времени играть, он подпрыгивает вокруг тебя с регулярностью электронного метронома, как будто танцую болеро Равеля или на горячих углях, всем весом своего неполного тела, такого лёгкого, как будто он обменял свои руки на широкие крылья, которые ты не видишь, но они у него есть, и ты признаешься себе, что тоже хотел бы иметь крылья, даже рискуя на самом деле уступить ему свои руки, можно допустить, что твои руки не доказали свою необходимость, не оказали тебе ожидаемых услуг, тогда как ты рассчитывал на их надёжную поддержку — ты слышишь вокруг себя ритмичный раздражающий стук его шагов, ты слышишь танец чёрных мыслей, как будто юноша танцует в такт с Алой и Лоллием на доске с гвоздями на кончиках пальцев, поддерживаемый крыльями, как если бы он не смог в действительности дирижировать симфоническим оркестром, его ноги и крылья позволили бы ему стать непревзойдённым танцором — не говоря уже о выразительности его культи, что никого не оставило бы равнодушным, — да, он мог бы быть воинственным Лоллием в объятиях дочери солнца, танцовщик без рук в незаконченном балете, и если это была она — дочь солнца, молодая женщина, проходящая сейчас мимо, женщина овальная и квадратная, продолговатая и с макияжем, которая идёт, покачиваясь на каблучках, как газель-сомнамбула, проскальзывающая между потоками воздуха, не пугаясь и не испортив причёски, одетая в чёрный пулlover с облегающим воротником, и если бы она была Ала, и если бы она оказалась здесь, чтобы встретить юношу, то он в это время плавно удаляется в том же направлении, по той же стороне, улыбающийся и лёгкий, а ты теперь смотришь на молодую женщину с совершенно не свойственным ослеплением, что само по себе оправдывает иррациональную гипотезу об ассоциации чисто фантасмагорических идей, как будто она была дочерью солнца, т.к. ничто в её внешнем виде не могло бы заставить тебя сравнить её с Алой, если бы юноша, которого ты только что покинул — или который только что покинул тебя, быстро и небольшими шагами, — не напомнил бы тебе Лоллия или по крайней мере твоё представление о Лоллии, своими шагами — одновременно лёгкими и навязчивыми, робкими и сильными, т.к. он бесспорно был застенчивым, не было ничего высокомерного или угрожающего в поведении юноши, тем более безобидного, что он был лишён хватательных органов, самых полезных и самых смущающих, и молодая женщина, которая теперь заменяет его в твоём окружении около стены, вместо того, чтобы обнять его, как того требовало сближение, которое ты установил между ними помимо своей воли — она, может быть, и не видела его, она, может быть, пришла через несколько часов после его ухода, но ты был так занят мыслями о стене и о Лоллии, а она появилась, медленно шагая, она не бежит, посмотрев на неё внимательнее, ты говоришь себе, что её невозможно представить бегущей, как юноша, т.к. между ними есть нечто совершенно противоположное, в действительности не встретить двух более непохожих людей, и прочно опираясь на свои ноги, она смотрит на тебя из-под рук, поднятых к бровям, с таким мало располагающим видом, что ты даже не думаешь говорить о своём желании бежать, даже не затрагивая конфликтных рассуждений о смысле и направлении — ни

тем более рассказывать ей о твоих замыслах перелезть через стену, о которых ты молчишь более упорно, чем когда бы то ни было, даже если бы она сомневалась, т.к. её взгляд ясно говорит, что она, кажется, догадалась о твоих намерениях, впрочем, она поднимает руки к небу, как будто хмурит брови, но она не даёт себя провести, эта женщина скорее проницательна, как будто вся сбережённая её неподвижностью энергия была вложена в её чувство наблюдения, и это только подчёркивает её противоположность пробежавшему юноше, который всего лишь пробежал там, где теперь стоит она, прочно опираясь на ноги, со времени своего появления в поле твоего зрения, надо также сказать, что ты слишком явно и упорно молчишь, и, наконец, ты решаешь продолжить тренировку, как будто её здесь нет, в конце концов, она очень хорошо поняла, от чего она отвернулась, и она может добровольно удалиться, если твои занятия ей не нравятся, но она не двигается, она не убегает, и она смотрит, как ты разбегаешься и снова прыгаешь на стену, как будто её (женщины) здесь нет, но тебе совсем не удаётся разбежаться, в это время ты ощущаешь её неподвижное и захватывающее присутствие так явно, что этот новый бросок приводит к новому поражению, конечно, это её взгляд тормознул тебя, как будто она удержала тебя за рукав, но твоя рубашка слишком грязная, чтобы молодая женщина коснулась рукава чем либо иным, чем взгляд, впрочем, вот внезапно из кармана появляется большой белый носовой платок, которым она предлагает тебе вытереть лицо, который она протягивает тебе, не сделав ни шага навстречу, жестом спонтанным и совершенно непредвиденным, контрастирующим с её холодным и авторитарным видом, её жёстким отношением, но, не исключено, что этот жест она делает для того, чтобы тебя унизить, чтобы показать тебе свою грязь, сунуть её под нос, и вот ты смотришь на коричневую грязь на белом платке и спрашиваешь себя, может, она дала тебе этот платок, как зеркало, чтобы подчеркнуть собственную чистоту, выставить себя в более выгодном свете по сравнению с тобой, как будто она подмывала тебя, чтобы подняться, как будто ты был подставкой, о которую она вытирает свои подошвы, чтобы довести до совершенства свою чистоту, которой ей было недостаточно для гарантии благополучия, т.к. ей нужен ты для поддержания собственного доверия, она нуждается в поддержке, в лестнице, как ты, и ты чувствуешь на себе вес её чистоты, ты себе говоришь, что хотел бы поменяться местами и использовать её как подставку, чтобы подняться до верха стены, а тем временем ты вовсю пользуешься платком, ты не ограничиваешься только лицом, пока она ждёт, не двигаясь, ты используешь уже не слишком белый платок, чтобы вытереть руки и немного протереть ботинки до того, что ты помимо своей воли выделяешь чёрный сок, капающий на ботинки, которые ты только что протёр до блеска, ты протягиваешь ей совершенно грязный платок тем же жестом, одновременно благородным и отстранённым, не забыв поблагодарить её, и когда она удаляется, ты видишь, что она выбрасывает мокрый и грязный платок, который она даже не решается положить обратно в карман, и ты возмущаешься жестокости, с которой она избавляется от этого платка, который она передала тебе как зеркало, в который она поймала твоё отражение, этот платок, с которым ты себя некоторым образом идентифицировал, ты хотел бы оскорбить её, приказать ей встать на колени и подобрать немедленно твой грязный образ, который она только что бросила с отталкивающей небрежностью, контрастирующей с немного спонтанным и

совершенно непредвиденным жестом, которым она его тебе протянула, холодно и благородно одновременно, но вместо того, чтобы крикнуть, ты пытаешься умерить свою ярость дыхательными упражнениями, ты закрываешь глаза и концентрируешься на дыхании, ты наполняешь лёгкие зловонным воздухом папоротников, контролируя их симметричное наполнение, ты стараешься забыть, что вдыхаемый воздух — это воздух, который выделяют грибы и мхи, затем ты сжимаешь живот, чтобы выдохнуть через рот, повторяешь это несколько раз до тех пор, пока не забудешь свою ярость и своё унижение и уже не думаешь ни о чём, кроме своего дыхания, с закрытыми глазами ты видишь, как лёгкие наполняются и сжимаются, видишь, как бьётся твоё сердце, и пока ты занимаешься дыхательной гимнастикой, готовясь к очередной попытке прыжка с разбегом, подходит старик с красными очками и зубами мудрости, именно он подходит, ты не двигаешься с места, даже не видишь, как он подходит, он говорит тебе в спину, ты слышишь позади себя гнусавый и трескучий голос, повернувшись, ты видишь красного и седого старика, похожего на скорлупу ореха, и пока ты машинально считаешь его выпавшие зубы, как считают круги на столетнем дереве, ты замечаешь, что он не потерял язык, т.к. не дав тебе возможность ответить на какое-то его замечание — ты даже, честно говоря, не понял его и сейчас поздно просить его повторить — он говорит тебе о стене, ты с удивлением слушаешь незнакомца, говорящего о стене, со всей откровенностью и без шума, о невыразимой и тайной стене, о стене, о которой ты молчишь, из боязни шокировать, но особенно из страха выдать себя, он говорит, что это ты построил стену, Вспомни, это ты построил стену, но ты не помнишь, ты не понимаешь, почему ты строил стену, что, впрочем, не удивляет и не смущает старика, а заставляет улыбнуться, он спокойно улыбается, пока ты, не желая того, представляешь, как ты строил стену голыми руками или организовал строительство, ты представляешь, что ты король или ты управляешь городом, и ты построил стену как границу своего королевства, границу между твоим королевством и соседним, между городом и садом, может быть, ты заложил символический первый камень, ты представляешь, как стена между садом и королевством растёт под твоим контролем, на это должна быть причина, но ты не помнишь и не понимаешь, почему этот старик говорит с тобой, как будто он тебя знает, как будто он чему-то может тебя научить, как будто он может говорить о тебе и о стене, чтобы её преодолеть, ты предпочёл бы её разрушить, говорит он и улыбается, глупо, как ты думаешь, бульдозер — вот что понадобится, расколоть её, как рубят деревья, свалить её, как она тебя валила, обрушить её, как она не раз бросала тебя на землю, снести её раз и навсегда, динамитом, но чтобы старик не говорил о стене, он знает её не лучше других, в действительности, он, должно быть, живёт не в башне, он судит о вещах, которых не знает, он путает божий дар с яичницей, если он останавливает тебя, не боясь встретить твой взгляд, ты думаешь, что это несомненно из-за его очков с красной оправой, ты видишь каменщиков, укладывающих камень за камнем, камень над камнем, ты смотришь, как они работают по твоему приказу, и в то же время ощущаешь вес короны, означающей твою власть, и пока ты себя спрашиваешь, как преодолеть построенную тобой стену, и зная, что у тебя всегда было желание посетить сад, ты говоришь себе, что приступая к строительству стены, хотя ты об этом не помнишь, ты должен был предусмотреть где-то дверь, это логично, а в это время старик исчез, ты на время

отказываешься от мысли преодолеть стену, ты говоришь себе, что это временно, надо остановиться и набраться сил, осмыслить, ты немного отдыхаешь, поворачиваешься, ты идёшь теперь неуверенным шагом, как выездоравливающий, делающий свои первые шаги после длительной неподвижности, но у тебя нет ни костей, ни даже палки, чтобы опереться, держишься только на своих дрожащих ногах, т.к. твои многократные попытки исчерпали твои силы, может, у тебя помутнение рассудка, т.к. ты утратил привычку идти, не встречая препятствий на пустынной дороге, твои уставшие глаза, которые постоянно косили от близости камней, с трудом приспособливаются к новым расстояниям, отделяющим тебя от всего, что ты видишь, но не можешь коснуться, протянув руки, т.к. ты отошёл от стены и идёшь осторожно вдоль неё к широким горизонтам, и ты знаешь, что пока ты идёшь вдоль стены, ты, может быть, удаляешься от своей цели, которая была как раз позади камней, в определённом месте, ты не карабкался где попало, естественно, ты бы не ввязался в эту дерзкую авантюру, не выбрав заранее и не вычислив определённый участок стены, даже если ты сомневаешься, конечно, может быть, ты теряешь время, может быть, идя без определённой цели, ты напрасно тратишь энергию, которая тебе пригодится, чтобы точно преодолеть препятствие, может, лучше было бы присесть где-нибудь под деревом, полноценно отдохнуть (поспать), чтобы восстановить силы и проснуться на следующее утро собранным, готовым преодолеть все препятствия, не забывая, что утро вечера мудреней, но ты уже потерял много времени и энергии, пытаясь безуспешно преодолеть стену, вспомни, пока идёшь, но не как все, не как все жители города, идущие вдоль стены как по берегу реки, под деревьями и среди цветов, прогуливаясь то в тени, то на солнце, ты идёшь вдоль стены, не забывая, что то, что ты ищешь, находится за ней, отступив, ты замечаешь колечки дыма, поднимающиеся над камнями, они болезненно напоминают тебе, что жизнь по ту сторону, в недоступном саду, продолжается, а ты от неё удаляешься, ты видишь, как едут машины по дороге рядом с тропинкой, ты их видишь и слышишь, и даже не поворачивая головы, ты видишь их металлические цвета, сверкающие на солнце, т.к. тень стены не достигает дороги, и ты идёшь в тени, а машины едут по солнцу, в том же направлении, не поворачивая головы, с другой стороны ты видишь чёрные влажные от конденсата камни, а повернув голову, ты можешь рассмотреть их более внимательно, по мере того, как ты продвигаешься вдоль стены, ты видишь траву, растущую между камней, ты замечаешь некое местное сочное растение, выющееся и волосатое, ползущее по липкой поверхности, может, оно питается насекомыми и грибками, может, думается тебе, в этом и есть секрет того, как попасть в сад, — питаться тенью и плесенью, здесь и там растут клевер и папоротники, ты с удивлением замечаешь петрушку, пахучие листья которой невольно навевают кулинарные ассоциации, диссонирующие в этой мрачной атмосфере, где всё гниль и разложение, и пока ты прохаживаешься, покачиваясь, ты встречаешь на дороге людей, горожан, как например, эта семья, проезжающая на самокатах, родители и трое детей, все на самокатах, и у каждого правая рука на руле, а в левой — рожок мороженого, все с улыбкой одновременно приветствуют тебя кивком головы, они быстро пересекаются с тобой и удаляются всей гурьбой, ты слышишь позади самого маленького, он принимается навзрыд плакать, т.к. уронил своё мороженое, пока улыбался с детской непосредственностью в момент,

когда вы встретились, ты слышишь, как он плачет, так же, как видел его улыбающимся, говоришь себе, что ему надо бы дать соску, чтобы он замолчал, или отвлечь его, но в его возрасте уже не сосут соску, он находится в переходном возрасте, когда уже не сосут соску и ещё не умеют держать мороженое, не уронив его, — или дать ему что-нибудь в левую руку, чтобы занять его, и он забыл бы о мороженом, положить его левую руку на руль, рядом с правой рукой, и ты поворачиваешься, чтобы ещё раз увидеть пять силуэтов на горизонте, и розовую лужицу растаявшего на утоптанной земле мороженого, но ты не остановился, ты продолжаешь наугад идти вперёд, пытаясь забыть твою тревогу и неуверенность, кстати, здесь стена выше, ты говоришь, что это ничего не значит, ты никогда туда не попадёшь, местами здесь хорошо разбросся плющ и другие вьющиеся растения, можно было бы подняться, цепляясь за эти растения, но по мере твоего продвижения стена всё выше и выше, но это ничего не значит, вот плющ покрыл всю стену целиком, не видно ни одного камня под этой роскошной растительностью, быстро разрастающейся в этой нездоровой, патологической среде, здесь возникает дикий цветок, который возвышается в живом ничтожном устремлении, окружённый только грибами, как одинокий и нелепый фаллос, торчащий среди стерильных камней, как будто он хотел подняться так же высоко, как стена, как будто цветок тоже хотел попасть в сад, здесь юркая ящерица украдкой крадётся среди листьев плюща, спотыкаясь на камнях, как ты спотыкаешься случайно на ухабах и выбоинах утоптанной земли, а по дороге задним ходом сдаёт машина, ты её слышишь и видишь, как алое облако, она едет так же быстро, как другие машины, но не в ту сторону, ты замечаешь, что никто на дороге не идёт назад, тебе кажется, что это обычная практика для этой дороги, или где она по сути второстепенна, ты замечаешь, что все встречающиеся тебе люди идут туда, куда смотрят, голова высоко на плечах, нос посреди лица, и ты пытаешься идти сзади, чтобы видеть, вот к чему привела твоя неуверенность и твоя праздность, ты поворачиваешься и продолжаешь идти спиной вперёд, это немало удивляет велосипедиста, проезжающего рядом и обрызгавшего стену и твои ноги холодной и липкой грязью, ноги на руле, а руки на затылке, с розовым мороженым на брызговике и на носках, в свою очередь велосипедист опасливо поворачивается, чтобы посмотреть, как ты идёшь задом наперёд, он теперь тоже передвигается, не глядя, но ты непоколебим, ты инстинктивно слышишь шум, но ты не можешь сказать, он возник сзади или спереди, т.к. ты начинаешь терять ориентиры, ты уже не знаешь, в какую сторону идёшь, неясный треск сломанного дерева и шелест мёртвых листьев, собранных с металлическим звоном, подтверждает, может быть, что двигаться, не глядя перед собой по утоптанной дороге, ограждённой деревьями и камнями, не рекомендуется, и побуждает тебя ещё раз повернуться, чтобы осторожно продолжить, руки в карманах, положение, которое позволяет тебе двигаться более свободно, и ты быстро это констатируешь, и заметить насекомых, свободно летающих над стеной, нечувствительных к гравитации, заметить паутину с сороконоожками и божьими коровками, затем ты видишь множество камешков неправильной формы, разбросанных в беспорядке по краю дороги, видишь траву под ногами, слабую, но сопротивляющуюся, растущую кустиками назло безжалостному ежедневному вытаптыванию, которому подвергается утоптанная земля, усыпанная листьями и ветками, окурками и бумажными носовыми платками,

которые крутит ветер, которые вьются, летают и балансируют между стеной и деревьями, вплоть до дороги, и вокруг тебя, и между слабыми и кривыми ногами ребёнка, бегущего по дороге, толкающего перед собой пустую тележку, в то время как его мать едва тащится за ним, держа в руках пакеты и вываливающиеся игрушки, которые разбросал пресыщенный ребёнок, а он не видит, куда идёт, держа руки над головой, он явно испытывает огромное удовольствие от бега неизвестно куда, но с высоты твоего роста у тебя гораздо больше обзор, и ты видишь ребёнка, лениво бегущего зигзагами, и чаек, пролетающих время от времени над твоей головой, чаек, у которых нет рук, но стена, на которую ты столько раз безнадёжно натыкался, представляет для них не большее препятствие, чем для тебя дорожные камни, которые ты машинально пинаешь во время ходьбы, и немного дальше, когда ты к этому, может быть, не готов, ты находишь в стене дверь, старую деревянную дверь, проём которой светится зелёными и голубыми и золотыми лучами, дверь, источенную временем, которую ты без усилий открывашь и, не встречая других препятствий, кроме плюща и папоротника, сплошь увивших камни и дерево, дверь как бы открывается сама собой, и ты преодолеваешь стену, проходя через дверь, без мажоретки и барабанного боя.

Перевод с французского Л. Кабанцевой

Штудии

Вера Латышева

Латышева Вера Алексеевна (род. 22. 10. 1933) – коми литературовед, литературный и театральный критик, искусствовед. Автор книг: «Зарождение драматургии и театра народа коми» (1968); «Драматургия и жизнь: эволюция жанров драматургии угро-финских народов Поволжья и Приуралья» (1985); «Как наше слово отзовётся...: литературно-критические статьи» (1991); «Современная коми драматургия» (1994); «Классики и современники: статьи о литературе» (2005); «Выль коми лирика» (2012).

М.Н. Лебедев — один из зacinателей литературы коми

«Наши коми писатели народно-бытовым материалом ещё пользуются слабо. Поездка В.А. Савина на Вишеру — первый почин, прекрасное начало. И оно должно быть продолжено, повторено.

Рассказы и стихи, помещённые на литературных страницах (газеты — **В.Л.**) страдают худосочием и сухостью. И так вышло потому, что большинство авторов писало, чтобы писать, нисколько не заботясь о привлечении в свои произведения живого многоцветного языкового материала (слова, фразы), народного остроумия и творчества»,¹ — писал неизвестный автор в газете.

В молодой литературе коми наиболее открытые связи с фольклором поддерживала драматургия. В этом мы убеждаемся на примере комедий основоположника театра и драматургии коми Виктора Савина (Нёбдинса Виттора) и на примере произведений для сцены М. Лебедева.

Как правило, в творчестве первых драматургов коми проблема связи с народным творчеством переплетена с проблемой перевода классиков русской драмы, особенно тех произведений, которые близки народу коми своими образами, ситуациями.

Текст самой значительной из опереток (так автор назвал свои вещи) М. Лебедева «Настук» (Настенька) датирован автором 1929–1939 годами. Значит текст подвергался изменениям после того, как в 30-е годы пьеса впервые вышла на самодеятельную сцену многочисленных сельских клубных коллективов края.

«Пьеса с пением о периоде коллективизации» (подзаголовок оперетки) — произведение своеобразного жанра, характерного в литературе коми для одного только М. Лебедева. Произведение напоминает и драматическую поэму, и опе-

¹ Югыд туй. 1927. № 10.

ретту, и пьесу, и плакат. В ней есть главная мысль, обозначающая «переход от личного к общему» (так говорил о поэме А. Блок); в ней обязательно музыкальное сопровождение, как в оперетте; в ней есть и драматический конфликт не бытового, а социально-психологического характера, которому подчинено не только лирическое, но и эпическое начало сюжета; в ней есть и прямолинейная гипербола плаката, чуждая искусству реалистической драмы. Словом, это произведение переходной эпохи, опыт, поиск, своим резким противопоставлением добру зла ещё очень близкий к фольклору, к сказочному повествованию, но, в то же время, тянувшийся к представлению. Не только актуальна его идея, но и мелодии её знакомы широкому зрителю, например, мотив песни «Как родная меня мать провожала» на стихи Д. Бедного.

«Настук» в своё время была заметным произведением для любительской сцены коми потому, что пьеса типизировала не только переживания людей после революции, но и потому, что — пусть односторонне — отражала жизнь внешнего мира: историческую и социальную обстановку, события, быт деревни.

В этой небольшой оперетке речь идёт о девушке-батрачке, которую помыкают хозяин Опонь дядь и его жена, и которую собираются выдать за кулака Дзодзув Семё, вернее, обменять на жеребца. Девушка рассказывает о своём житьё-бытьё в людях, о том, что, боясь греха, Опонь лишь в праздники, но всё-таки освобождает её от работы, но всё равно никуда, кроме как в церковь, не отпускает, и за счёт этого дня после заставляет работать её целые сутки. Настенька слышит песню девушек, в которой насмешливо поётся о старых людях¹ «верующих и считающих клуб пристанищем беса, о новой жизни — светлом солнце». Настя знает, что, будь её воля, — и она иначе бы не пела. Девушки убеждают её, что хозяин уже не властен над ней. Появляется подвыпивший Опонь дядь и «от имени» старших («пёрысьяслён ки», «пёрысьяс», «менам пёрысь ки») грозит девушкам, безбожному комсомолу и хвалит свою скромную батрачку. Девушки предсказывают кулаку неприятности, потому что не убывает, а прибывает сил у коллектива. Девушки уходят, и Настя впервые перечит кулаку. Он угрожает ей, батрачке, говорит, что её жизнь и теперь не изменится, хоть она и пренебрегает его добротой.

Сцены, где поп и кулаки Дзодзув Семё, Сюзь Микит, Кёин Тит и Опонь радуются своей власти над людьми, славят вино, своё богатство, будущего жениха Нasti — Семёна, — острокарикатурны. Это — враги новой власти. Они готовят расправу, омут всем, кто нарушил порядки, установленные ими. Они грозят споить и склонить на свою сторону слабых, изрубить изгородь и потравить хлеба, поджечь скирды, сломать машины — наизнанку, как беличью шкурку, вывернуть всё дело коллектива.

Настя даёт отпор пьяному жениху, ещё раз удивляя этим хозяина. Она разоблачает мироедов (несмотря на угрозу хозяина выпороть её тут же верёвкой), а заодно честит и остальных гостей — Микита, попа, Тита, свою хозяйку. Разъярённый хозяин даёт себе слово обвенчать Настю с Семёном связанною. Тогда Настя напоминает им о советских законах. Опонь поднимает на неё руку, но тут в избу входит комсомолец Гриша и выручает Настук. Он спрашивает её о желании войти в коллектив, Настук соглашается. Гриша говорит кулакам об их

¹ Характерный для литературы коми 20-х гг. мотив: «старые люди — носители всего отжившего».

скором конце, попу — о том, что в новом мире не будет рабов и господ, и уводит Настеньку. Враги запираются в доме и начинают договариваться о мести.

К 1930 году (14 сентября) относится резолюция бюро Коми Обкома ВКПб по докладу о проведении национальной политики, в которой отмечались успехи в области народного хозяйства и нарушения национальной политики. Постановляющая часть резолюции обращала внимание на состояние литературы и культуры в республике, и отдельно говорила о состоянии театрального дела. В резолюции отмечались:

.....

— чрезвычайно медленное развитие коми литературы, граничащее с застойным состоянием;

— медленная организация национального театра

и то, что «наличная коми литература, особенно художественная, идеологически невыдержанна, в ней не отражена классовая борьба в городе и деревне, борьба за генеральную линию партии, за новый индустриальный Север»¹.

А оперетка Лебедева (1929) как раз как бы отвечала всем этим трём пунктам резолюции. Единичные, «идеологически выдержаные» художественные произведения (пьеса «Шонді петігён дзоридз косьмис» В. Савина, изд. 1922; поэма «Мунёны» Илля Вась, изд. 1927; историческая пьеса «Кулёмдінса бунт» В. Савина, изд. 1928) не решали своим появлением этих жгучих проблем во всей их сложности.

Как уже сказано, в пьесе Лебедева есть подчёркнуто классовый конфликт, есть судьба одинокого человека, несчастного лично, вырастающая до типической, характерной судьбы всех женщин коми. Этот переход «от личного к общему» и находится в центре драмы, осложнённый пусть и плакатным, пока ещё упрощённым движением забитого человека к бунтарству и освобождению. Он отличает «Настук» от оперетки М. Лебедева «Мича ныв» (Красавица), 1919 г., в которой классовое отношение автора к персонажу не заметно, — его заменяет гуманистическая идея: «нельзя выдавать юную за старика!» В «Настук», наоборот, человечность сочетается с революционной непримиримостью. Однако именно в этом, с другой стороны, коренятся слабости пьесы: её обнажённая тенденциозность исходит из того, что автор не смог создать даже характеров врагов, хотя жанр, близкий лубку, и антагонистический конфликт пьесы давали для этого естественный простор. Кулаки в пьесе заведомо примитивны, не несут иных сюжетных функций, кроме звериных. Автор не создаёт ничего нового для своей эпохи, когда в литературе карикатурное царит в облике врага, Лебедев как бы утверждает многими уже замеченное. Но для творчества Лебедева «Настук» — переломный этап, положивший начало провозглашению и утверждению в нём новых для автора идей.

«Настук» (1929) — последняя из опереток М. Лебедева. До неё им были написаны «Бурань» (Хорошая девушка), 1921 г., — «на сюжет из прежней жизни коми», «Тун» (Колдун), 1920 г., «Мича ныв» (Красавица), 1919 г.

Все эти стихотворения повествовательны по тону, а поэтому отнести их скорее надо к поэзии эпической, чем драматической: песня — «сообщение», исполняемая или в хороводе, или пассивным (часто отсутствующим на сцене) хором, есть

¹ ЦГА, Ф. 3. Оп.1, дело № 12-03, лист 43.

всегда диалог — поединок противоборствующих сил, непосредственно сопровождаемый полусимволическими физическими движениями (соответствующими словам) персонажей — всё это характерная форма движения действия опереток Лебедева, форма, внешне близкая к фольклору, а именно — к обрядовым и хороводным песням народа коми.

Почти во все оперетки входят отрывки разных фольклорных жанров: это притчание — плач девушки в «Мича ныв» перед свадьбой Маши, которую выдают «за немилого, за беззубого» (стр. 59)¹ и хоровод «свадьба миян пансъёма» — «свадьба у нас заснована»; это — преобладающий частушечный ритм хора и «величальная» русалок жениху (стр. 78) в оперетке «Тун» (1920), и хвала жрецов богу Войпелю (Северному Уху) в оперетке «Бурань».

Сюжеты опереток имеют прямую или косвенную связь с фольклором. Сюжет «Мича ныв» представляет собою как бы слияние собственно-драматургической формы «литературного» диалога — с предсвадебным народным обрядом; «сылана ворсантор» (пьеса с пением) «Тун»² навеяна поэмой Пушкина «Руслан и Людмила» (и отчасти его «Русалкой»), а, значит, также, в конечном счёте, имеет своей основой фольклор, правда, со слабым отпечатком национального. Скажем, герой её, Павел, по привычке охотника коми, затыкает за пояс свою «добычу» — отрезанную бороду колдуна; или, например, то, что дворец Туна (для героев и хора оперетки) синонимичен с раем так же, как в фольклоре коми эквивалентом всякой роскоши служит понятие рая; Сашук, героиня оперетки, предпочитает удалого деревенского парня нелюбимому старику, богатому купцу, — это также лица, более «знакомые» фольклору коми, чем бояре и царевичи...

«Во время пира, при обручении жениха Павла с невестой Сашук, появляется старый колдун («Тун»), похищает невесту и уносит её в свой волшебный замок. Там тун всячески домогается девушки, задабривая её всевозможными яствами и подарками, которые преподносятся ей русалками, но Сашук остаётся верной своему Павлу. Для раздумий тун даёт девушке три дня срока.

Наступает последний день. Сашук прощается с «белым светом», родными, с милым Павлом и готовится к смерти во власти ненавистного туна. В это время появляется «...Павел и, после битвы со свитой туна, освобождает свою невесту. Туну... отрезают бороду. Павел обнимает и целует Сашук...», — так пересказывает содержание этой оперетки «Активный зритель» того времени. Злой колдун — прямая параллель пушкинскому Черномору, так же, как и девушка (Сашук) и юноша (Павел) — Людмиле и Руслану «на коми бытовой почве». В стихотворную ткань произведения включены самостоятельно бытовавшие в народе песни М.Лебедева, также являющиеся переложением русских (песня русалки и песня девушки на чужбине).

«Активный зритель» писал, что из трёх пьес, написанных М. Лебедевым («Мича ныв» 1919 г., «Бурань» 1921 г.), оперетка «Тун», пожалуй, наиболее удачное произведение этого рода, хотя название жанра и «звучит громковато» для этих «пьес, исполняемых «пением на известные коми и русские мотивы».

¹ Страница указывается по изданию М. Лебедева «Бёйём гижёдъяс». Сыктывкар: Комигосиздат, 1940. 319 л.б.

² «Пёрысь тун» в журнале «Ордым», 1928, № 11–12. Впервые была поставлена в 1921 г. на сцене нардома силами деревни Корткерос.

Представление признавалось «очень слабым, исполнители не обладали голосами, не помогла и замена мелодий русских романсов более близкими к коми мотивами».

Чтобы исправить впечатление, «зритель» предлагал ввести в представление народную свадебную обрядность (т.к. гости сидят молча за столом) и сократить до минимума хоровое пение за кулисами, а взамен дать участвующим соответствующие «арии».

«Активный зритель» был прав и в том, что требовал устраниć из пьесы замедляющих действие «слов автора» — хорового «сопровождения» событий. Они составляют большую часть содержания и «убивают» драматизм представления своей повествовательностью. «Тун», пожалуй, нельзя назвать пьесой, т.к. в ней действуют (а, в основном — рассказывают о себе) статичные полуфольклорные образы, лишённые всякой характерности: это олицетворения Зла, Верности, Бесстрашия. В этой «пьесе» диалог — единственный атрибут её драматургической природы.

Оперетка «Бурань» — стилизация под народное предание, где героиня — символ новой жизни, революции, несущей в леса коми свет и знание; «Настук» — произведение, созвучное (в первой своей половине) народной поэзии о женской доле.

Так как фольклорные жанры (плач, величальная, песня, частушка) — неотъемлемая часть формы лебедевских произведений для сцены, естественно, что способом придания этой форме национальности служат народные изобразительные средства, чаще всего — эпитеты, метафоры: «белое лицо», «светлое солнце», «белые олени», «пиво горькое», «уста сладкие», «круглоголицая», «старый жених вороном», «молодая невеста голубем». Но это — именно в песнях и при чтаниях. А основной текст опереток — это литературно-книжный слог автора, почти лишённый народных изобразительных средств. В нём преобладают глагольные и субстантивированные формы, что ещё раз подтверждает повествовательный характер сюжета. Интересно, что песни хора и «ныв-зон» в оперетке «Бурань» отличаются от песен для хора остальных опереток Лебедева наибольшей отдалённостью от фольклорных форм. Это, скорее, стихи поэта, «порученные» хору, стихи, ритмы которых требуют иной, чем хороводные песни, мелодии. Мы можем здесь поэтому предположить, что Лебедев делал попытку приблизить свои произведения чуть ли не к оперному искусству, претендуя на мощный хор и монументальную эпичность исполнения. Это песни вроде «Оз ланьтлы миян пемыд вёр» — «Не умолкает наш тёмный лес», — главным образом несущие функцию вступления и финала произведения.

С годами в оперетки Лебедева входят ритмы, размеры, мелодии русских романсов и песен с новым, сентиментальным содержанием: «Хазбулат удалой» и «По муромской дороге» («Тун»); песня «Дзор чери кыйысьльён томиник ныв» (Молоденькая дочь седого рыбака) в оперетке «Настук», напоминающая романтическую балладу.

С годами хор в оперетках, игравший сначала роль бесстрастного рассказчика «от автора», начинает играть активную роль в сюжете. В «Бурань» он присоединяется к хороводу «ныв-зон» (парней и девушек), а в «Настук» функции хора прямо переходят к этим ныв-зон, здесь олицетворяющих весь коллектив людей, который, как мы отметили, уже знает о своих правах и вырывает девушку

из батрацкой кабалы. По опереткам мы можем судить о заблуждениях Лебедева, свойственных не ему одному, а всем коми (и не только коми) писателям той поры, — вернее, о веяниях того времени; когда ныв-зон, но никак не старики — носители нового и передового в жизни.

Мало того: ныв-зон противостоят старикам, порой даже борются (спорят) с ними. Особенно крайнее проявление этой мысли писателя — в оперетке «Бурань», где ныв-зон поют о новом счастье не для стариков, а для молодых, потому что верующие, закосневшие в своих привычках и предрассудках старики, не хотят, да и не в силах понять и принять новую жизнь. Но во втором действии оперетки в одной из ремарок проясняется или вдруг возникает новый взгляд автора на это разделение. Оно оказывается разделением уже не по возрасту: «...Пёрысья вешйёны жрецъяслань, но недыр мысти кымынкё омольджык пасьёма пёрысь вуджёны томъяс динё. Йöz чукёр юксёй кык пельё: ётиыс суналё Бурань дор, мёдыс — жрецъяс дор». — «Старики пятятся к жрецам, но, немного спустя, несколько похоже одетых стариков переходит на сторону молодых. Группа людей делится надвое: одна стоит за Бурань, другая — за жрецов».

Таким образом, в конце концов, социальная сущность людей, а не возраст, оказывается причиной их расслоения. Лебедев проводит эту мысль уже во второй части «Бурань» (1921) и в «Настук» (1929): идея социальной вражды выдвигается им на первый план.

Оперетка «Бурань», как мы отметили, довольно несовершенная стилизация под легенду, задумана писателем-просветителем, не революционером, хотя год её написания — 1921 — год уже возникающих в крае коммун. В этом — своеобразие произведения. Оно — зеркало авторской идеологии: Лебедев (1877–1951), оставаясь просветителем, пытался в своём творчестве уловить смысл происходящего в крае, пропагандировать его. Поэтому в «Бурань» (1921) мы слышим прямые призывы к народу объединиться в труде и в быту, чтобы обрести силу, чтобы гарантировать пропитание на год, призывы отойти от веры в бога Войпеля, «требующего» себе куниц, лису и соболя, и даже сушёную рыбу, увидеть в вере один обман... Всё это показывает нам не только степень преданности писателя своим прежним, сформировавшимся до революции взглядам, но и трудный путь приобщения к новому, когда приходится ломать многое в своих взглядах на жизнь и на красоту.

В своей автобиографии Лебедев прямо пишет об этом в июне 1939 года: «Тайё (1928 г. — **В.Л.**) восянь куті нин перестраиватны ассым лирикаös, куті «ёссыны» перёös, медым не кольчыны бёрё пролетарской литературын социализм стройтан кадё...» — «С этого (1928 — **В.Л.**) года стал я уже перестраивать свою лирику, начал «заострять» перо своё, чтобы в пору строительства социализма в пролетарской литературе не оказаться позади». Он признавал, что до Октября «плохо разбирался в политике, хотя и любил свободу: Октябрьская революция открыла мне глаза на то, что такая настоящая свобода и подлинная революционность».

Как видим, связь драматургического творчества М. Лебедева с фольклором коми шла по линии использования писателем легендарных («Бурань», «Тун») и национально-бытовых («Настук», «Мича ныв») сюжетов. Все эти произведения написаны как драмы в стихах.

Произведения М. Лебедева для сцены представляли собою в двадцатые годы своеобразную промежуточную стадию между собственно драматургией, в области которой уже пробовал Жугыль и уже писал Савин, и фольклором. «Формальная» близость их к фольклору облегчала восприятие народом авторских идей. С целью приблизить оперетку к народу писатель делал свои произведения композиционно ясными, брал их основой нравоучительные, сказочно-былинные, патриотические темы. Всё это сближало оперетки Лебедева с русским лубком: и связь с народной традицией, и общепонятность средств, и сатирическое осмеяние враждебного и антипатичного народу. Будучи произведениями нового искусства, они, как мы видим, подобно лубку в советский период, были особым видом популярного политического плаката на злободневные темы (коллективизация, атеистическая пропаганда, культурное строительство, освобождение женщины), но только для сцены.

Лебедевские произведения 20-х гг. для сцены близки к лубочной литературе, в частности, своим произвольным толкованием сюжетов и образов легенды, фольклора («Тун», «Бурань»), иногда пробивающимся духом книжной спекулятивности и сентиментальностью, порой вводимою в текст. Это также объяснимо прежними интересами писателя, который начинал своё творчество на русском языке прозаическими произведениями на сюжеты исторических преданий или быличек и сюжетов провинциального быта маленьких поселений, в которых царят пережитки, суеверия, сплетни, пьянство. («В волостном омуте»).

Геннадий Беляев

Геннадий Васильевич Беляев (1940–2008) — известный в республике журналист, литературовед. Внёс большой вклад в литературоведение и литературную критику. Изучал жизнь и творчество М. Лебедева, П. Шахова, И. Торопова, Г. Юшкова, а также малоизвестных писателей XX века. Заслуженный работник Республики Коми, лауреат Государственной премии Республики Коми, награждён орденом, медалями.

Одна пренеприятнейшая история, или Почему в 1900 году Михаил Лебедев оставил службу, но более серьёзно занялся литературным трудом

Эти слова вынесены в заголовок потому, что имевшая место история оказалась действительно весьма неприятной для Михаила Лебедева. Из-за неё тогда ему пришлось немало поволноваться, пережить страхи и остаться без твёрдого заработка, то есть уйти с должности волостного писаря.

Об этом говорят пока никогда не выносившиеся на свет архивные документы, связанные с Михаилом Николаевичем. В числе их — его большое, тоже пока остававшееся вовсе неизвестным, письмо-объяснение.

В своё время, уже много лет тому, печатно, в газете я задавался вопросом, по какой причине М. Лебедеву пришлось в том далёком 1900-ом так резко изменить свой жизненный путь. Однако ответа так и не нашёл, хотя знал, что он сам через много лет, конкретно — в июне 1939 года — в автобиографии писал, как однажды ему из Лондона прислали три номера революционного журнала «Листки свободного слова». Многое в них говорилось о том, что следует свергнуть самодержавие. Журналы посланы были в закрытых пакетах, однако царские охранники, оказывается, уже вскрыли их на почте. Далее — дословно по Лебедеву: «Меня увезли в Сыктывкар (Усть-Сысольск) в жандармское управление, где допросили и сказали: «Если за вами ещё будет что-нибудь замечено, то вы будете сосланы туда, куда Макар телят не гонял!» После того я жил под тайным надзором, который не знаю когда кончился»¹.

¹ М. Лебедев. Автобиография // Бёйрём гижёдъяс. Комигосиздат. 1940, с. 21 (кроме «жандармской» угрозы по-коми).

Тут напрашиваются некоторые разъяснения.

Летом 1894 Лебедевы (отец, мать и шестнадцатилетний Миша) со скарбом отправляются за пределы Коми в поисках работы и лучшей доли. Пробиваются вверх по Вычегде — Северной Кельтме — по Екатерининскому каналу — Южной Кельтме — Тимшеру и Каме до Чердыни. Отец, Николай Павлович, там надеялся на должность, но вакансия оказалась уже занятой, и лишь после долгих мытарств (дело пошло уже к голоду и распродаже вещей) Николая Павловича приняли в иконостасную мастерскую, Мишу — помощником волостного писаря в селе Покча (позже поработает и в Мощеве). В этих сёлах он прослужит шесть лет, женится и, главное, именно там его, по собственному выражению, «обурела жажда писательства». Рукописи рассыпает по редакциям всех без разбору периодических изданий, о существовании которых только узнавал. А в те времена в периодике была такая традиция. Чтобы избавить себя от большой переписки, сообщения малоизвестным авторам давали прямо, скажем, на последней странице журнала, в так называемом «почтовом ящике». Например: «Пермская губ., Чердынский уезд, село Мощев. Лебедеву М.Н. Ваш роман «Разбойничье гнездо» не пойдёт». Или наоборот: «Ваш рассказ «Иван Голой» принят. Пойдёт в первом номере 1900 года. Гонорар выслан». Вот из подобного «почтового ящика» и взяла, очевидно, редакция эмигрантского лондонского издания адрес молодого автора. Судя по его очеркам и рассказам, должно, пришли к выводу, что он человек демократических взглядов, такому есть смысл послать и эмигрантское издание революционного настроя.

Послали по чердынскому адресу, а Лебедев с молодой женой Елизаветой Ивановной успел перебраться на родину, в Коми. Молодая чета добралась до Корткероса перед самым Новым годом, в последних числах декабря 1899 года (этот путь Михаил Николаевич вскоре опишет в «Вологодских Губернских Ведомостях»). Уехали они из чердынского села, само собой разумеется, попросив переслать вслед возможную почтовую корреспонденцию. Вот почему «Листки» лондонские были получены уже весной 1900 года в Корткеросе. А сюда Лебедев приехал, по всему, по подсказке дяди Василия Павловича, давненько перебравшегося из Нювчима и ставшего крестьянином сельской общины. Лебедеву захотелось вернуться в Коми, я полагаю, не только по позывам ностальгии, но его ещё приманивала вакансия волостного писаря. Дело в том, что в некоторых документах первой по возвращении поры он фигурирует как волостной писарь. Таковым он пробыл, если был, однако ж очень недолго.

Далее, где и когда допросили, где пригрозили местом, «куда Макар телят не гонял»? Сам Михаил Николаевич в 1939 году, будучи почти в 62-летнем возрасте и не утруждая себя (какая надобность!) уточнениями в архивах, сказал о времени происшествия более чем приблизительно: «Однажды как-то (ещё до русско-японской войны) прсылали мне из Лондона»... Обратимся к дошедшим до нас архивным документам. К сожалению, в их цепи отсутствуют звенья или, как минимум, одно звено.

Письмо, следующее из Лондона, понятное дело, обратило на себя внимание и почтового департамента, и полиции, и, что обязательно, внимание жандармерии. Известно, полиция — это очень аккуратная служба. Аккуратная в том смысле, что от её зоркого глаза даже мелочь редко когда ускользала, — я в этом убедился,

когда разбирался с зарождением и распространением художественной сценической самодеятельности, самодеятельного театра в Усть-Сысольском уезде. Строжайший контроль за репертуаром, запрет драматургии одного направления и рекомендация другого, её двойная или даже тройная цензура, состав труппы (не дай Боже, чтобы в ней были политические), запрет малейших отхождений от текста пьесы и всякой отсебятины, обязательное присутствие на спектаклях полицейских чинов, наблюдение за поведением зрительного зала и его состава (нет ли там «иногородцев»), контроль за расходованием кассового сбора — любительского-то театра! — и беспардонные внушения по любому мелкому «нарушению, допущению» и т.п. Но это так, для сравнения с советской цензурой.

Жандармерия — служба втрое серьёзнее полиции. Жандармский корпус — это действительно царская охранка, тайный и полицейский сыск, разведка, контрразведка, борьба со всякими противниками самодержавия, с революционным движением.

Два слова, для ясности, о структуре нижних звеньев сей службы. В губернии существовало, понятное дело, губернское жандармское управление, которое возглавлял начальник управления. А в уездах существовали его подразделения, во главе которых стояли старшие офицеры, и по должности каждый из них назывался, скажем, в нашем случае так: «помощник начальника Вологодского губернского жандармского управления в Усть-Сысольском уезде». Иначе говоря, уездных жандармских управлений не существовало. В 1900 году сей помощник был в чине подполковника, например. А сколько под ним штатных подчинённых, какова сеть нештатных агентов, осведомителей и т.д., нам неведомо.

Нет сомнения, лондонская корреспонденция, переадресованная в глухое коми село, оказалась в руках помощника-подполковника, он вскрыл её. И те три номера «Листков» вызвали в уезде немалый переполох.

Жандармерия, не будем забывать, служба тайная. Она должна действовать скрытно, не оставляя следов своей деятельности. Михаил Лебедев получает в Корткеросе лондонские пакеты якобы и не тронутыми, адресат ничего не заподозрил даже. И дальнейшие действия свои жандармы предпринимают не напрямую, а через полицию. Они просят полицию потребовать от получателя пакета из-за рубежа объяснений. Делается это по известной цепочке: письменное отношение (требование) уездному полицейскому исправнику, тот — приставу второго стана, куда входила Корткеросская волость, приставу-уряднику, а проинструктированный урядник работает уже непосредственно с подозреваемым¹.

¹ Подробно описывать полицейскую лесенку, видимо, есть смысл и необходимость. Один газетный «грамотей» буквально с ног на голову перевернул мой материал, подготовленный к 135-летию Каллистрата Жакова, выставив меня вовсе в тёмном свете. К примеру, разрешение на публичную лекцию в Усть-Сысольске питерскому пока всего лишь магистранту — нашему земляку даёт... урядник! Делать же этого на самом деле мог себе позволить лишь исправник (или его помощник, т.е. зам.), первый в уезде полицейский чин, как у меня и было. Урядник по-сегодняшнему — ниже участкового уполномоченного милиции, ибо никогда не офицер. А.А. Цембер из внука ссыльного польского гвардейского офицера в том же материале под рукой, страдающей редакторской чесоткой, перескошил в сыновья, и т.д. и т.п. («Твоя параллель». 6 октября 2001 г.). Впрочем, стоит ли удивляться: в опубликованной рядом с «моим К. Жаковым» информации говорится о популярности проходящих в педколледже им. И. Куратова встречах со своими выпускниками — Геннадием Фёдоровым (умер без малого 12 лет тому), Петром Шаховым (никогда в педучилище № 1 не учился).

Припугнутый Лебедев, вообще-то совсем молодой человек 22 лет, попадает в жандармско-полицейский водоворот, даёт письменное обязательство о невыезде, а по указанию едет в уездный центр, садится писать объяснение, всячески отметая любые подозрения, всячески подчёркивая свою полную законопослушность. Его объяснительное письмо — 3,5 страницы большого формата плотного текста. В архиве Усть-Сысольского уездного полицейского управления сохранилась лишь копия, а снята была, по всему, не одна копия. Оригинал письма же, вкупе с иными бумагами и «Листками свободного слова», попал в жандармское управление губернии, если не дальше. Не исключено, что имперские власти решили более серьёзно заняться лондонскими русскими издателями и журналистами.

Копию объяснения М.Н. Лебедева отослали в Вологду, а мы находим её и в архиве Усть-Сысольского уездного полицейского управления.

Уездный полицейский исправник, получив письменное объяснение Михаила Лебедева, направляет его (оригинал) в уездное подразделение жандармерии с сопроводительным письмом. Возможно, две службы располагались рядом или даже в одном здании, но, понятное дело, сопроводиловка необходима: она — и разъяснение адресату, и себе, отправителю, на случай доказательство, и память в архиве. Делается это исправником 20 мая 1900 года. В архиве сохранился лишь черновик сопроводительной записи, вот он:

«Гос(подину) помощнику Начальника Вологодского губернского жандармского Управления в г.Устьсыольске¹.

Имею честь при сем препроводить согласно отношению за № 67 от 20 мая 1900 Вашему Высокоблагородию письмо крестьянина Михаила Николаевича Лебедева с приложением к нему брошюры «Листки Свободного Слова» издания Черткова, заключающим в себе характер возмутительной пропаганды революции»²...

Итак, объяснительное письмо подозреваемого в неблагонадёжности из полицейского управления пошло в жандармерию 20 мая. А через два дня уездный помощник начальника губернской жандармерии даёт новое поручение. Обратим внимание, что М. Лебедев здесь назван по должности. Едва ли он назван писарем вследствие его службы в Чердынском уезде, да и оба раза он там был лишь помощником писаря.

¹ Читатель заметит, что по отношению помощника начальника губернского жандармского управления говорится: то «в г.Устьсыольске», то «В Устьсыольском уезде». Это не наша описка — так в документах. Но верно последнее: помощник действительно работает не только по городу, но по всему уезду, да и на исходящих из его канцелярии бумагах написано «в уезде».

² НА РК .Фонд 6, опись 1, ед. хр. 1761, л. 150.

«Крестьянин Лебедев» — это определение сословия, которое от занимаемой должности, скажем, волостного писаря, не меняется. Перевод в другое сословие — процедура сложная, требовавшая много формальностей и, понятное дело, соответствующих заслуг, положения в обществе, счёта в банке. А Лебедевы, отец Николай Павлович и Миша, ещё до Чердыни формально стали крестьянами киркеросской общины.

«Весьма нужное
Совершенно секретное
Устьсыольскому уездному
исправнику

22 мая 1900

По поводу препровожденного мною Вашему Высокоблагородию при отношении за № 67 письма Корткеросского волостного писаря Лебедева и полученного [так в оригинал — Г.Б.] им с земской почты антиправительственного содержания брошюры, присланной неизвестно кем на его имя, имею честь покорнейше просить Вас в возможно скорейшем времени сообщить мне нижеследующие сведения о Лебедеве: 1) давно ли он занимает настоящую должность и где раньше служил; 2) сколько ему лет; 3) где обучался и какое окончил учебное заведение, а если не окончил, то почему именно; 4) какого он сословия; 5) имеет ли братьев и сестёр и если имеет, то какого они возраста, где обучаются, а если окончили заведение, то какое именно и где они в настоящее время находятся и чем занимаются; 6) кто его родители, где живут и чем занимаются, 7) с кем ведёт Лебедев знакомство на месте и с иногородными, если последнее возможно дознать. Сведения эти прошу собрать совершенно секретно от Лебедева.

Подполковник»¹ / (Подпись неразборчива, разумеется. В скобках или ещё иначе она нигде чётко не указывается, не уточняется).

Как уж тут усидеть на писарской должности, да ещё когда выясняется, что у самого грамотного в волости человека «университетов» всего-то один класс городского училища!

И всё же как всполошились по всему уезду! Во-первых, поставлена пока задача разузнать всю подноготную получившего эмигрантское вольное издание и его семьи, окружения, все его связи. Причём всё делать тайно. И тем временем Лебедев, конечно же, ежечасно должен оставаться под надзором, не выезжать, не исчезать, а в указанный день явиться в уездном городе, пред очи соответствующих чинов. С него востребована расписка-обязательство. Вот оно, вернее, заранее для Лебедева подготовленный текст (экземпляр, сохранившийся среди архивных документов, точно написан не его рукой, а корткеросским урядником Жеребцовы, чья подпись тоже поставлена. Заготовили, так сказать, шпаргалку-подсказку. В ней читаем:

«1900 года Июня 1 дня.

Я, нижеподписавшийся крестьянин Корткеросской волости и села Михаил Николаевич Лебедев, дал настоящую подпись Полицейскому Уряднику 7-го Корткеросского участка 2-го стана Устьсыольского уезда Жеребцову в том, что я обязуюсь явиться в город Устьсыольск к Господину Устьсыольскому Уездному Исправнику на 2-е или 3-е июня числа сего 1900 года. В чем и подписался крестьянин села Корткероса Михаил Николаевич Лебедев.

Полицейский урядник

Жеребцов»².

Писатель утверждал, но, учтём, по истечении почти четырёх десятилетий, что его увезли в город «в жандармское управление, где допрашивали и сказали...» (Автобиография 1939 года). Но фактически это могло произойти и в полиции:

¹ НА РК. Фонд 6, опись 1, ед. хр. 1761, л. 146.

² НА РК. Фонд 6, опись 1, ед. хр. 1761, л. 149.

жандармы старались не светиться, а при допросе кто-то из них мог присутствовать под видом какого-то любого чиновника, служащего. Это не суть важно.

Тайный полицейский надзор на какое-то время, видимо, действительно был установлен. И как неблагонадёжному Лебедеву, да «необразованному» крестьянину, думается, не могли оставить пост волостного писаря.

Эта тогда очень неприятная для молодых Лебедевых история в конце концов сыграла для дальнейшего литературного творчества Михаила Николаевича положительную роль. Она освободила его от давно надоевшей, монотонной и отвлекающей от писательства, изнуряющей службы.

Через некоторое время (в 1901 году?) Лебедевы перебираются в Нёбдино. Есть основания полагать, опять же из-за работы. Имеются косвенные сведения, что Михаил Лебедев или Елизавета Ивановна, или оба посменно, так сказать, служили в казёнке и торговали монополькой. А потому ещё более сблизились с А.А. Цембером. Андрей Андреевич, фигура в истории края и области заметная, сыграл далеко не последнюю роль в том, что позже Лебедев стал коми поэтом.

Семьи Лебедевых и Цемберов имели знакомство уже прежде. Отцы Михаила и Андрея оба служили писарями, общались, были знакомы и сыновья — почти ровесники.

До 1914 года, пока с началом мировой войны вовсе не запретили алкогольную продукцию, ряд лет Андрей Цембер был на весьма неплохой, хорошо тогда оплачиваемой службе. Его должность называлась «сборщик денег по казённой винной операции». В его обязанности входило объезжать магазины округа, торгующие монополией. А потому он часто останавливался у Лебедевых. Они нашли общий язык во многих вопросах, сдружились. С перерывами, конечно, но переписывались до конца 40-х годов XX века, хотя с 1936 года Цембер жил в Пятигорске у дочерей Нины и Валентины. Там он снова, уже второй раз в жизни, пережил немецкую оккупацию (первый раз — на Украине во время гражданской войны). Там, в Пятигорске, похоронил жену, в начале 1959, прожив долгую и многотрудную жизнь, нашёл вечный покой и сам¹.

* * *

Будучи в Нёбдино, Лебедев много пишет, неплохо печатается. В 1915 году они с женой возвращаются, уже навсегда, в с. Корткерос. Михаил Николаевич стал к этому времени, со множеством псевдонимов, известным русскоязычным прозаиком (стихов почти не писал). Ещё когда жил в Нёбдино, с ним близко познакомился Афанасий Маегов, выпускник Тотемской учительской семинарии. Молодой коми учитель оказался настроенным весьма революционно, ратовал за освобождение из-под национального гнёта, за подъём коми культуры и языка. Он сам грешил поэтическими опытами на родном языке и начал подталкивать на то же русскоязычного прозаика, который уже свободно владел и зырянским². Михаил Николаевич попробовал. Получилось. Кое-кому очень даже понравилось. Стихи,

¹ Некоторые упорно продолжают утверждать печатно, что А.А. Цембер скончался раньше, в 1957 г., что не соответствует действительности. Эта дата была высказана в своё время предположительно. Нынче мы располагаем выпиской из архива Пятигорского горбюро ЗАГС.

² В публикации автора этой статьи (газета «Йёлёга»), где речь идёт о раннем детстве Михаила Лебедева в п. Нювчим, в котором в те годы вовсе не было жителей-зырян, за единственным

через А.А. Маегова, попали к коми учащимся Тотемской семинарии. О комиязычной поэзии нёбдинского отшельника узнал Цембер, в 1913 году выпустивший (за счёт Архангельского общества изучения Русского Севера) первый в Усть-Сысольске коми фольклорный сборник и задумавший, в случае успеха, их серию. Он не раз обращается к Лебедеву, уговаривает, убеждает его, что надо писать и по-коми, развивать этот язык. Сохранилось выразительное письмо Цембера от 19 апреля (2 мая) 1913 года. В нём, в частности, говорится:

... «Благодарю также за зырянское стихотворение «Ытшкандыр» (Пора сенокосная). По-моему, написано хорошо. Лучше при настоящих условиях не написать никому.

Если мне не придётся выехать из Устьсысольска, то я постараюсь напечатать 2-й сборник зырянских народных произведений и Ваше стихотворение туда поместим, а также будем надеяться, что Вы напишете несколько зырянских песен (...) или же Вас будем просить переделать в настоящее время существующая бессмысленная песни зырянских и дать им смысл и рифму.

Также хорошо было бы, если бы и сказки написали по-зырянски и пр.

По моему мнению идея хорошая — не давать погибнуть зырянскому языку, а сделать его литературным языком маленького народа. За это нас помянут хорошим словом отдалённые потомки зырян.

Нет смысла потонуть безвозвратно в русском море, лучше течь маленьким, светлым ручейком»¹.

Лебедев посыпает восемь (или более) стихотворений. В этом втором сборнике, уже весьма солидного объёма — в нём содержится 60 произведений разных жанров, — было заявлено 8, согласно оглавлению, лебедевских стихотворений, но фактически вышло 7. Возможно, по требованию цензуры, из уже почти готового издания пришлось опустить «Конъёр морт» (Бедняга или Несчастный).

С разгоранием первой мировой войны, а затем с социальной бурей в Российской империи периферийный прозаик почти полностью теряет возможность печататься. Лишь после учреждения в 1918 году газеты «Зырянская жизнь» он получает скучненький поток воздуха, активно занимается публицистикой. Она, конечно, не могла обеспечить даже хлебом насущным. Новая власть после столь долгих войн тоже не была в состоянии обеспечить возможности заниматься лишь творческим трудом. Лебедеву пришлось поступить на первую подвернувшуюся службу, он — секретарь Корткеросского комитета бедноты. Но комбеды в Коми просуществовали недолго, лишь один сезон хлебоуборки — с августа по ноябрь 1918 года. Михаил Лебедев вновь оказывается не у дел, а главное, безо всякого твёрдого заработка, который в то время зачастую заменяли фунты зерна, однако и это уже было спасением. Тогда начались переговоры о хотя бы временном переезде в город с тем, чтобы иметь больше возможностей штатно участвовать в «Коми комиссии» и одновременно активнее сотрудничать в уездной газете. Но в Усть-Сысольске (и в целом по стране) уже начался голод, а в деревне было всё-таки

исключением конюха, это особенно подчёркнуто, чтобы сказать: лет до 7–8 мальчик не знал коми языка. Однако «высокообразованная редакторша» именно после этой мысли в публикацию «всадила» поразительное уточнение противоположного смысла: «Там он и научился коми языку». На деле это произошло позже и в коми селе, о чём ясно в том же материале дальше сказано.

¹ НА РК. Фонд 963, опись 1, ед. хр. 23-а.

несколько легче. К тому же вновь подвернулась работа для человека, владеющего пером. На приглашение в город последует отказ: «С 10 января я служу секретарём при местном народном судье»¹. И эта служба продлилась для Лебедева-Юсь до самой пенсии.

Итак, что же он писал, как объяснялся в своём, так сказать, исподволь созданном произведении, которое появилось на свет по желанию уездной жандармерии?

Прежде всего — несколько напрашивающихся пояснений.

Думается, нетрудно понять, почему Лебедев так подчёркнуто, педалируя, говорит о возмутительном содержании полученных по почте брошюр и о своём легитимизме, об уважении к властям, существующему строю. Он просто был растерян и испуган. Но, плюс к этому, если судить по его поведению в течение всей жизни, Лебедев-Юсь был весьма законопослушным человеком. В творчестве — несколько иное дело. Пару слов о тех своих произведениях и тех изданиях, которые он перечисляет. Как мы знаем, в 1939 году, если не сказать за все годы советской власти, Михаил Николаевич не считал лишним подчёркивать, что первой его публикацией был рассказ «Иван Голой». И понятно почему: и само название, и тема выглядели более менее выгодно в советское-то время. Многие ранние работы тогда он не то что афишировал — старался даже скрыть. А ведь вот в письме в полицию, и не только там, он перечисляет публикации 1898–1899 годов: рассказы, статьи (зачастую это тоже рассказы, просто в те времена их называли и статьями) и даже роман!

В тот период Лебедев очень нуждался в общении с художниками слова, с именитыми коллегами, нуждался в литературной учёбе. Переписывался, искал моральной поддержки. Да и материальной: его связали с Литфондом, его туда рекомендовали, и фонд неоднократно выделял денежную помощь. А переписывался он с Засодимским, Михайловским, с иными. Кстати, Павел Засодимский помог ему в литературно-идеологической ориентации, что ли, советовал в том-то издании печататься, а с тем-то журналом не сотрудничать. Вы, мол, печатаетесь в «Родине», а этот журнал не заслуживает ни малейшего уважения, его-то и называют даже «Уродиной».

Ну ладно, посмотрим, что пишет молодой Лебедев в своё оправдание на имя уездного исправника.

Вот его письмо в полном объёме:

«Господину Усть-Сысольскому Уездному Исправнику

10 сего Мая, в среду, я получил с земской почты, идущей из Усть-Сысольска в верховья Вычегды, письмо, судя по почтовой марке и штемпелю из-за границы. Не зная никого, кто бы мог писать мне из-за границы, я вскрыл это письмо не без удивления, и оказалось, что никакого, собственно, письма в конверте не было, а была только печатная брошюра под названием «Листки Свободного² Слова» (№ 13). Начинаю читать эту брошюру. Вижу: «Правительственные насилия в Остзейских губерниях и Рижские беспорядки в мае 1899 г.». Продолжаю читать дальше; читаю и убеждаюсь с каждой строкой, что вся брошюра наполнена самыми

¹ Письмо А.А. Цембера, в то время секретарю «Коми комиссии» от 7 марта 1919 г.

² Снимающий с письма копию допустил описку, у него — «Собственного».

невозможными клеветами на Русское правительство, поносит и обвиняет его в несуществующих «ужасных злодеяниях» и, словом, носит характер возмутительнейшей пропаганды революционных начал, призывая народ к борьбе «за свободу, братство и равенство». Между прочим, встречаются такие выражения, которые являются красноречивым доказательством антиправительственного направления брошюры. Например, в рубрике «Заметка от редакции» говорится, что «правительство только само подготавливает под собою вулкан, неизбежно долженствующий, в своё время, взорвать его на воздух с тем большей силой, чем упорнее было производимое сверху давление», — и затем, что если русское правительство не перестанет относиться к рабочему движению «также легкомысленно, пристрастно и бессмысленно жестоко, как это было до сих пор» (!), то «России не избежать кровавого взрыва народного негодования, который не только потрясёт до основания палаты и дворцы, но и надолго затормозит правильное и мирное развитие человеческого сознания и братского единения между людьми всех народностей, ныне изнывающий под худшим, нежели татарское, игом русского самодержавия». Как видите, цель «Листков Свободного Слова» понятна. Неизвестный редактор их, В. Чертков, задался целью «разоблачать отрицательные или тёмные стороны человеческой жизни, обличать русское правительство» и проч., и проч., а между тем, в действительности, он проповедует форменную революцию, анархизм, социализм — назовите как угодно — и добивается одного: завербовать себе возможно большее число сотрудников, с какой целью, вероятно, и была прислана мне эта брошюра.

Со своей стороны, я объясняю по поводу этой брошюры следующее. О личности В. Черткова и всех сотрудников его по изданию «Свободного Слова» я ничего не знаю, где они живут, при каких условиях, и проч. Для меня совершенно непонятно, по какому поводу приняли они меня за такую личность, которой можно выслать подобные возмутительные прокламации. Это для меня загадка. Мне теперь 22 года от роду и никогда, во всю свою жизнь (как видите, не очень ещё долгую) я не имел сношений с подобными людьми, как, например, этот Чертков и его единомышленники. Не понимаю, что побудило их выслать мне «Листки Свободного Слова».

До 8-го декабря прошлого года я жил в селе Покче, Чердынского уезда Пермской губернии; жил также в деревне Мошеве Чердынского уезда. В обоих случаях занимался в местных волостных правлениях — Покчинском и Мошевском — в качестве помощника волостного писаря. Теперь живу в с. Корткерос Усть-Сысольского уезда, принадлежу по рождению крестьянскому обществу Корткеросской волости. Адрес на письме был обозначен самый точный: «Г-ну М.Н. Лебедеву. Г. Чердынь Пермской губернии село Покча Russia (Россия). Письмо было послано сперва туда, а затем из Чердынской почтово-телеграфной конторы переслано в Усть-Сысольск, так как Чердынской почтово-телеграфной конторе место моего жительства известно.

Теперь остаётся вопрос: каким образом редактору «Свободного Слова» В. Черткову и его единомышленникам стал известен мой точный адрес? На это есть особая причина. С недавнего времени я стал заниматься литературным трудом. Мои статьи принимались в журналах «Родина» (один роман, помещённый в ежемесячной книге журнала за октябрь 1898 года), «Досуг и Дело» (восемь разных

статьей), «Чтение для солдат» (один рассказ) и газете «Волгарь» (рассказ, помечённый в №№ 161, 162 и 164 за 1899 г.). Кроме того, я имел сношения с некоторыми другими редакциями, например: «Жизнь», «Журнал для всех», «Сын Отечества». По всей вероятности, какими-нибудь путями (неизвестными для меня) мой адрес стал известен из редакций — В. Черткову и его сотрудникам, и они сделали попытку увлечь меня в своё общество. По крайней мере я так предполагаю: утверждать же что-нибудь по этому поводу я не могу; для меня является совершенно неожиданностью получение возмутительной прокламации.

Во всяком случае, я признал необходимым заявить Вашему Высокоблагородию об этом деле. Как совершенно непричастный к тайным сообществам и не имеющий даже понятия о них, я считаю своим нравственным долгом представить Вам, как главе местной полиции, «Листки Свободного Слова» вместе с конвертом, в котором они были вложены, и прошу распорядиться с ними, как требует закон. В брошюре указан заграничный адрес Черткова; быть может, по существующим ныне международным отношениям, подлежащей власти возможно прекратить дальнейшую преступную деятельность Черткова и его сообщников, рассылающих такие возмутительные прокламации. Со своей стороны, мне очень досадно и обидно, что неизвестные агитаторы, которых я ни разу не видел и даже не слыхал о них и которые меня не видели тоже, — преподносят мне такой сюрприз, как «Листок Свободного Слова». Смею надеяться, что подлежащие (так — Г.Б.) власти примут меры к образумлению подобных людей, как деятели «Свободного Слова».

В том случае, если присылка «Листков Свободного Слова» повторится или, вообще, последуют какие-либо обращения ко мне со стороны Черткова и друг(их), я не замедлю представить всё полученное Вашему Высокоблагородию.

Затем, ничего к вышеописанному добавить, со своей стороны, не имею. Что понятно для меня, то и объяснено выше, а непонятное я, конечно, объяснить не могу.

Михаил Лебедев

16 мая 1900 года с. Корткерос.

После лебедевского текста следует: «С подлинным верно. Регистратор» (подпись).

Далее повторена с подлинника резолюция уездного исправника:

«Копию настоящего письма при рапорте представить Г(осподину) начальнику губернии, а подлинное письмо, конверт и приложенный при нём 13 № «Листки Свободного Слова» согласно 1035/І ст(атье) Угол(овного) Судопр(оизводства) отослать на распоряжение Помощника Начальника Вологодского Губернского Жандармского Управления в г. Устьысиольск.

18 мая 1900 года. Подписал Исправник Сарохтин.

С подлинным верно.

Регистратор¹ (подпись).

Вот и всё, в основном, об этой истории более чем вековой давности. Она вскоре улеглась, ибо за Михаилом Лебедевым «ещё чего-нибудь» такого, очевидно, замечено не было.

¹ НАРК. Фонд 6. Опись 1, ед. хр. 1761, лл. 147, 148.

Себастьян Каньоли

М.Н. Лебедев и политическая сатира в современном мире

Различные коми драматические произведения — небольшие и многоактные, отредактированные и нет, представленные публике и незнакомые ей, — будучи частью моих научных исследований, представляют для меня определённый интерес. В частности, в течение долгого времени я изучал выпуски (с 1926 года по наши дни) главного коми литературного журнала — «Ордым»—«Ударник»—«Войыв кодзув». Среди многочисленных публикаций печатавшегося там Михаила Лебедева моё внимание привлекли два небольших произведения. Они были примером политической сатиры, вдохновлённой современными мировыми событиями¹: «Гитлер да социал-демократъяс» и «Макартур да корреспондент». Хотя эти произведения и не представляют исключительных литературных интереса и ценности, но тем не менее являются историческими свидетельствами, которые было бы целесообразно рассмотреть для того, чтобы понять личность автора в полном объёме и в контексте того времени.

I. Театр и политическая сатира в произведениях Лебедева

В самом начале своей карьеры (1900–1914 гг.) М.Н. Лебедев занимался изучением коми фольклора: он в многочисленном количестве публиковал как предания, рассказы и повести в петербургском журнале «Досуг и дело», выходившем на русском языке, так и стихи и басни в Усть-Сысольске на коми языке. После Революции его работа приобретает некоторую двусторонность: за это время он публикует, в частности, свои знаменитые коми легенды (написанные хореем), а к интересу к коми традициям добавляется революционная пропаганда.

С 1928 года Лебедев начинает активно публиковаться в литературном журнале «Ордым», основанном в 1926 году Николаем Поповым (Жугыль) и его коллегами (в том числе, Савиным). В 1928–1929 гг. он публикует здесь три музыкальные пьесы и эпическую поэму «Повтём зон».

В 1931 году журнал меняет свой формат и название (теперь он называется «Ударник»). Годы «Ударника» (1931–1941) будут отмечены переменами в графике, в частности, это можно связать с процессом латинизации². Наконец, после перерыва

¹ Под «современными» я подразумеваю «современными Лебедеву».

² В выпусках 7–8 за 1931 г. вышла статья о латинизации коми алфавита, получившая продолжение в двух следующих (№№ 9–10 за 1931 г.). В 1932 г. использование латиницы ещё носит поверхностный характер, т.к. появляется латинский алфавит только в названии журнала и статьях нескольких авторов (например, судя по псевдониму Лебедева «Юсь», использованный в номерах 18–19 за 1932 г., его можно включить в число этих авторов). Но уже большинство статей выпусксов 9–12 за 1933 г. были написаны на латинице. Тем не менее, уже в номере 4 за 1935 г. происходит окончательное возвращение алфавита Молодцова. В конце концов, вместе с номером 1 за 1939 г. приходит коми кириллический алфавит, использующийся и сегодня.

в связи со Второй Мировой войной, издание журнала возобновилось в 1946 г. под названием, которое мы знаем и сегодня — «Войывык кодзув». Среди многочисленных публикаций Лебедева на страницах журнала, две статьи удивительны по их форме и теме — сценка «Гитлер да социал-демократъяс» («Ударник», №7, 1933 г.) и одноактная пьеса-сатира «Макартур да корреспондент» («Войывык кодзув», № 1, 1951 г.).

Использование в качестве героев произведения фигур глобального политического характера является неожиданным для автора, известного своими поэтическими и прозаическими традиционными коми легендами, а также произведениями из «важ коми олomyсь»¹. Мы хорошо знаем Лебедева как исследователя традиционных легенд коми народа. Поэтому мой вопрос таков: что же получится, если тот же самый человек начинает писать на политические и современные ему темы?

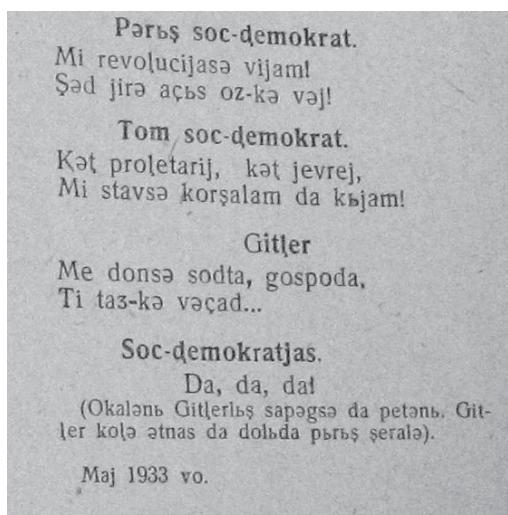
II. Приход к власти Гитлера

Адольф Гитлер и политическая ситуация в 1933 году

С самого начала 1933 года «национальная революция» захватила Германию: 28 февраля установилась диктатура (провозглашение Третьего Рейха). 23 марта канцлер Адольф Гитлер, несмотря на протесты социал-демократов, получает всю полноту власти. Первыми жертвами репрессий стали коммунисты и евреи. 30

апреля Социал-демократическая партия (СДПГ) выходит из Интернационала. В период с мая по июль все политические партии становятся запрещёнными и постепенно исчезают, пока Национал-социалистическая партия не становится единственной.

Это исторический контекст, который использовал Михаил Лебедев в мае 1933 года, чтобы написать сценку в стихах «Гитлер да социал-демократъяс». Это небольшое произведение всего из двух страниц появилось в июле 1933 года в «Ударнике» (№ 7, с. 24–25). Оно написано на латинице, в то время как оглавление и большая часть номера вышла на молодцовском алфавите:

¹ «Бурань: Сылёмён ворсантор важ коми йёз олomyсь» (Ордым, 1929, № 1, с.26); «Повтём зон: серпастор важся коми олomyсь» (Ордым, 1929, № 11, с. 25); «Кык тун: Пьеса важ коми олomyсь» (Войывык кодзув, 1940, № 5, с. 27)...

Сатира Лебедева

Содержание просто и ясно: социал-демократы являются предателями социалистического идеала, они подслуживаются капиталистам и участвуют в угнетении пролетариата. Сюжет представляется как сатирический фарс; текст выполняет ту же функцию, что и графическая карикатура. Кроме того, произведение не имеет драматической линии, представляя собой такую картину: Гитлер сидит в кресле, закинув ноги на стол, и два социал-демократа, представляющие два поколения: пожилое и молодое, лижут ему сапоги (буквально).

Размер и ритм стиха постоянен и неизменен, что контрастирует с гротескностью картины, описываемой в тексте. Любопытно, что стилистические приёмы, применяемые автором, иногда похожи на те, что он использовал в мифологических сюжетах. Например, когда Гитлер гневается, не напоминает ли он этим злого колдуна Кёрт Айку? Оба изображаются как существа, ставящие себя выше людей и уверенные в собственной неуязвимости против людей, которых они намерены подавить:

Гитлер (кучкё аслыс морёсö кулакён):
 «Ме став Германиялён шонд!»
 Ме — ен! Ме — выль Наполеон!
 Ме коммунистъяс вылё — пон!»

(Гитлер да социал-демократъяс)

Тёдысь кабыръяссö лэптис,
 Сэсся равöstic зэв гора:
 «Меным, кörтысь дорём тунлы,
 Ловъя мортясь оз ков повны! [...]»

(Кёрт Айка)

Но, очевидно, существует фундаментальная стилистическая разница: здесь, несмотря на стихотворную форму, нет никакой лирики, всёsarcastично и грубо. Здесь не должно быть никаких нюансов, так как это политическая сатира, а не призыв показать или поделиться тонкими эмоциями.

Высокомерное отношение Гитлера подчёркивается различными фразами («Кокъяссö лэптёма пызан вылё», «кучкё аслыс морёсö кулакён» и т.д.) и его самодовольствием (что мы видели в приведённом выше отрывке). Он называет социал-демократов «господами», как это должно быть в буржуазном обществе — и это обращение звучит лейтмотивом, рифмуясь с вечным «Да, да, да!» социал-демократов. Кроме того, все три персонажа крайне жестоко высказываются против коммунистов, революции, Маркса, пролетариата и евреев (все эти понятия, конечно, являются русскими заимствованиями¹). Социал-демократы продаются Гитлеру: он даёт им деньги — для их личного пользования, а не для пользы дела. И в конце концов, социал-демократы целуют сапоги Гитлера.

Что можно извлечь из этого небольшого текста, так то, что поэт занимается работой, сопоставимой с карикатурой талантливого художника: его поэтический и музыкальный талант проявился здесь совсем неожиданно.

¹ В тексте 1933 года русификация языка проявляется, в основном, в заимствованных существительных, обозначающих чуждые коми культуре понятия: (социал-)демократ, капиталист, коммунист, господа, кабинет... Все остальные примеры различных частей речи всё ещё являются коми.

III. Падение Макартура

Проходит только 18 лет — репрессии 1930-х гг., перерыв, вызванный Великой Отечественной войной и приведший к затуханию в Коми литературной жизни — и Лебедев возвращается к новой, актуальной теме — Корейской войне.

Макартур и политическая ситуация в 1950–1951 гг.

Генерал Дуглас Макартур командовал американскими войсками на Филиппинах в 1941–1942 гг., а затем в 1944–1945 гг. Как Главнокомандующий союзными оккупационными войсками [*Supreme Commander of the Allied Powers*], он был ответственен за надзор над оккупацией Японии и суд над военными преступниками: в связи с этим, он был помилован императорской семьёй, находившейся под опекой США, а также вернул результаты бактериологических исследований, проведённых японскими учёными, в том числе и результаты исследований на людях («Отряд 731»). В июне 1950 г. Северная Корея, опираясь на сильных союзников (Китай и СССР), вторглась на территорию Южной Кореи с целью её присоединения и установления коммунистического режима. Это было начало Корейской войны, которая несмотря на прекращение наступательных действий в июле 1953 года, никогда не была формально завершена. В связи с этим США направили генерала Макартура в Корею, где он должен был командовать американскими войсками во второй половине 1950 года и в начале следующего.

Всё это является историческим контекстом «Макартур да корреспондент», «ёти акта пьесы-сатиры», вышедшей в свет в № 1 «Войны кодзув» за 25.01.1951 года. (с. 44–48). Я думаю, это была последняя публикация Лебедева.

В апреле 1951 года президент Труман решает послать в Корею атомное оружие. Однако в мире (особенно в Европе) растёт обеспокоенность по этому поводу: Макартур кажется неуправляемым, он идёт против указаний Трумана... В апреле 1951 года президент решает отправить в отставку генерала, что означало бы конец службы Макартура в армии США. Но Лебедев уже не узнает об этом — он умирает 5 марта 1951 года.

Сатира Лебедева

Можно сказать, что пьеса «Макартур да корреспондент» написана лучше, чем произведение 1933 года. Пьеса занимает пять страниц (прозой) и заслуживает право быть тщательно рассмотренной.

Один на сцене — в своей штаб-квартире в Корее — Макартур вспоминает и сон, приснившийся ему прошлой ночью: он всё плыл по всей Корее, но в конце оказался похороненным в море — и как он проснулся в поту. В это время появляется американский журналист, который хочет взять у генерала интервью. Мы узнаём, из какого журнала пришёл корреспондент, и что Макартур и его окружение в ужасе от этого издания «Веськийд кыв» — сразу на ум приходит русская «Правда» и другие газеты с одноимённым названием. Тема лести и лживой похвалы является важным элементом этой небольшой комедии. Перед журналистом — мистером Ватсоном — Макартур уверен: он считает, что контролирует ситуацию, контролирует полуостров. Тем не менее на протяжении всей пьесы мы слышим

выстрелы, но генерал говорит, что это просто его люди стреляют, дабы напомнить, что армия США не отдыхает!

Ватсон передаёт Макартуру приветствие президента Трумана. Они говорят о президенте Южной Кореи Ли Сын Мане [Rhee Syngman]: он высмеял реплики колонистов, которые говорили об американцах, как о не уважающих всех корейцев, будь то коммунисты с Севера или «проклятой обезьяны» с Юга. Труман принимал у себя генсека ООН Трюгве Ли. По этому поводу корреспондент предположил, что, кажется, Труман и ООН хотят получить Корею под американский протекторат. Скоро, возможно, Макартур станет королём Кореи!

Здесь журналист подходит к кульминации: он говорит, что начинают распространяться слухи об американских зверствах в Корее. В ответ Макартур говорит, что все учинённые американцами погромы бесплатны, и оба начинают смеяться. Беседа продолжается, Макартур с энтузиазмом говорит об атомной бомбе и бактериологических войсках: Макартур готов уничтожить всех коммунистов, но с его точки зрения пока это не актуально («абу своевременнö»).

Вдруг посреди их разговора зазвонил телефон: Макартуру передают, что американцы окружены. Ситуация крайне запутанная, но приходят трое военных — и сцена заканчивается эвакуацией Макартира, что является отголосками его пророческого сна.

Подводя итог, надо сказать следующее: Макартур — лжец, и он, без сомнения, ответственен за массовые убийства. Он уверен в своём величии и его предстоящей победе, даже если для её достижения надо будет убить половину населения или уничтожить весь полуостров. Но в конце концов, всё обернётся против него. Стоит сказать, что эта сатира напоминает басню Эзопа о черепахе, которая выиграла гонку, потому что заяц, слишком уверенный в себе, потерял время, наслаждаясь казавшейся ему неизбежной победой. Таким образом, можно сказать, что Лебедев использует идею моралистической басни.

Кроме того, перечисление злодеяний американской армии построено таким образом, что напоминает части эпической поэзии: одна и та же фраза повторяется много раз, но во многих вариантах, например, также «Да, да, да!» социал-демократов в произведении 1933 года. В этой же пьесе всё построено таким образом: на вопрос, заданный журналистом, следует циничный ответ, оканчивающийся «Правильнö, мистер Ватсон? Хе–хе–хе!», потом взрыв смеха («*Кыкнанысы наглой сералöны*»), и Ватсон, записывая в свой блокнот («*Гижё блокнотас*»), отвечает: «Правильнö».

В произведении 1951 года многие слова значительно русифицированы. В отличие от пародии 1933 года (см. примечание) Лебедев стремится использовать корни русских слов — не только для существительных, но и для глаголов — и уменьшает количество коми корней. Это хорошо видно в примере: «Ме приказывайта... Ме приказывайта наступайты...». Отражает ли это общую тенденцию в языке того времени, как это можно видеть в других литературных текстах? Но если вспомнить двуязычный каламбур «Веськыд кыв — Правда», то можно задаться вопросом, не написан ли сначала текст на русском, а потом переведён на коми.

Как Гитлер сравнивает себя с Наполеоном, так и Макартур сравнивает себя с Юлием Цезарем: «Менам стратегия и тактика Юлий Цезарлён кодь...». Персонаж

также характеризуется своей разрушительной яростью (например, «Ме став Корея ю войта морей») — которая, вероятно, не афишировалась в прессе того времени — и которая, вероятно, в действительности реальна, вспоминая о мерах, предпринятых Труманом о приостановке проекта по внедрению ядерного оружия в Корею. В этой пьесе карикатура имеет больше реальных черт. Те слухи, которые передаёт Ватсон генералу, Лебедев взял из заголовков мировой прессы, кричащих о зверствах американских военных над мирными жителями.

Поднимается вопрос о ядерной бомбе и биологическом оружии. Это правда, что эти методы не афишировались на тот момент, когда Лебедев писал пьесу, но они станут реальными через несколько месяцев. В любом случае, всё это было вопросом мирового характера. Ещё одна подлинная деталь, встречающаяся в пьесе: малярия. Действительно, в 1940 году в Маниле генерал Макартур заразился малярией. В финальной сцене с генерала падает его маска, и сразу становится видна его слабость, вызванная болезнью и грозящая смертью.

Представленная здесь картина не является окончательным поражением американцев в Корее, но с драматической точки зрения, это завершает падение Макартура. Это перекликается со сном генерала, где он плыл, а потом утонул. В финальной сцене мы видим, насколько слаб генерал: он уже не контролирует ситуацию, он болен («Ме висьми, тыдалё. Менам малярия, лихорадка...», «Отсалой...»), он даже не может выйти из своей комнаты, ему нужна помощь: у зрителя (или читателя) создаётся впечатление, что он больше не всесилен. Через три месяца после публикации этой пьесы Главнокомандующий союзными оккупационными войсками будет отстранён от занимаемой должности президентом Труманом. Эта сатирическая драма Лебедева, опубликованная ещё при жизни, стала будто бы пророчеством падения Макартура.

Мистер Ватсон

Придумал ли Лебедев Ватсона? Это вполне возможно, т.к. Ватсон — английское имя и хорошо известное по романам сэра Артура Конан Дойля. Так или иначе, корреспондент Ватсон остаётся одной из действующих фигур пьесы. Ватсон Симс [Watson Sims] был в радиотехнических войсках ВМФ США во время Второй Мировой войны. В марте 1942 года Ватсон Симс участвует в спасательной операции генерала Макартура на Филиппинах (эвакуация с острова Коррегидор на Минданао, а затем в Австралию). В 1943 году Симс начинает свою карьеру журналиста. Долгое время проработав в Associated Press, Ватсон Симс умер летом этого года, в возрасте 90 лет¹.

В любом случае, финальная сцена эвакуации Макартура повторяет знаменитый побег генерала на Филиппины в марте 1942 года. Неудивительно, что Лебедев смешивает различные факты из разных промежутков времени (Филиппины 1942 года, Корея в 1950–1951 гг.), ведь это стандартный способ превратить историю в легенду. Совпадение? В любом случае, этот авторский ход напоминает нам то, что сатирик Лебедева очень близка нам. Корреспондент Ватсон и офицеры, спасающие Макартура в финальной сцене, могут быть и сегодня среди нас.

¹ Martha Waggoner, Obituary, Associated Press, 6.07.2012.

Заключение

Коми писатель — свидетель мировых событий.

В своих сатирических произведениях Лебедев затрагивает личности двух противников коммунизма: Адольфа Гитлера в 1930-х гг. и Дугласа Макартура в 1950-х гг. Разумеется, два этих сюжета, иллюстрирующие международные отношения различных периодов, не рассматриваются в качестве серьёзных источников информации, они просто отвечают целям пропаганды внутренней политики СССР: ситуация как в нацистской Германии 30-х гг. и империалистической Америке 50-х гг. иллюстрирует угрозу коммунизму, а, таким образом, и всей целостности советского общества.

Тем не менее, такая форма пропаганды представляет интерес, потому что повествует о реальных исторических фактах. И в какой-то степени это вызывает литературный интерес, т.к. всегда интересно посмотреть, как такой автор, как Лебедев, пишет такие произведения, надо признать, весьма отдалённые от его первоочередных писательских интересов, в особенности, в годы, предшествующие Революции. И конечно, сатира не является традиционным коми жанром. Действительно, такие понятия как «сценка», «пьеса», «сатира» являются русскими — сравнивая с коми «сылёмён ворсём» (*Мича ныв // Ордым*, 1919, № 2, с. 19), «ворсантор» (*Бурань // Ордым*, 1929, № 1, с. 26), «мойдкыв» (*Порысь тун // Ордым*, 1928, № 11–12, с. 67)¹. Данные произведения Лебедева в какой-то мере могут считаться анекдотическими, но тем не менее они свидетельствуют о той политической ситуации и сложившихся международных отношениях. Кроме того, если Гитлер не более, чем пародия или карикатура, то одноактная пьеса о Макартуре уже может считаться зрелым произведением. В дополнение к сатире Лебедев также известен работой в двух жанрах — басни и легенды.

Таким образом, М.Н. Лебедев был свидетелем глобальных событий своего времени, коми писателем, пишущим о современной ему реальности и будто бы поставившим Корткерос, где он прожил большую часть жизни, на карту мира, между Америкой и Кореей.

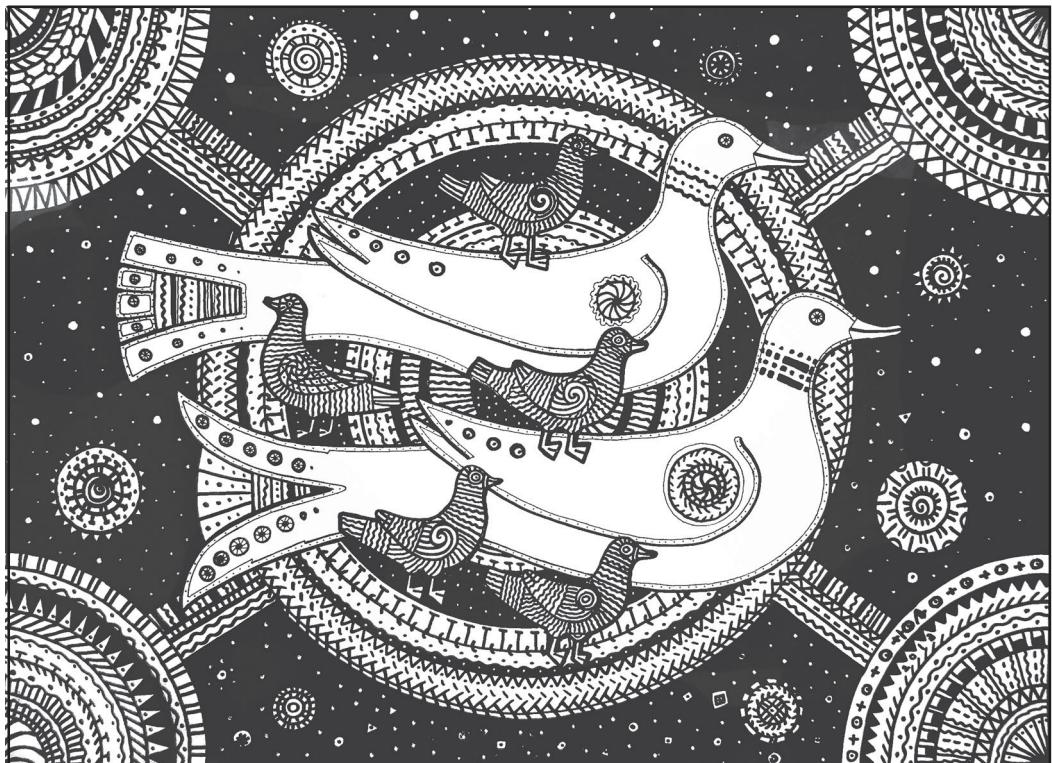
Перевела с французского на русский Марина Федина.

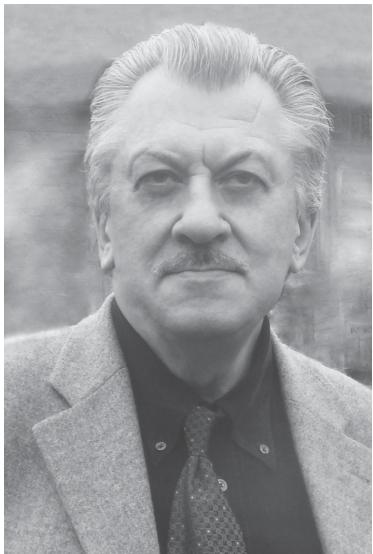

¹ В то же время, это период, когда в 1940 г. «Кык тун» определялась как пьеса.

Арт-факт

Сергей Левандовский

Левандовский Сергей Николаевич, род. в 1946 г.

Член Санкт-Петербургского Союза художников, член Комиссии по критике и искусствоведению Союза художников России, член Союза журналистов России, действительный член Петровской Академии наук и искусств, доцент Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, ведущий специалист Государственного Русского музея.

В 1986–1995 гг. — главный редактор издательства «Художник России», член Правления СХ России, участник выставочных комитетов городских и региональных художественных выставок.

Автор многих публикаций по вопросам развития отечественного изобразительного искусства XVIII–XX веков: ряда монографий, альбомов, каталогов, сценариев телепередач, статей, докладов на научных конференциях в Государственном Эрмитаже, Петербургском университете, Музее истории Санкт-Петербурга и др.

Вглядываясь в загадочный мир...

XI Региональная художественная выставка «Российский Север» – 2013

Весёлое место Север: русские народные сказки растут в таких местах.

Григорий Израилевич

В преддверии большой республиканской выставки «Россия» по стране проходит целый ряд зональных экспозиций. В Сыктывкаре сразу в нескольких центрах города — Национальной галерее, Национальном музее Республики Коми, Центре культурных инициатив «Югорь», на факультете искусств Сыктывкарского государственного университета, в Доме народных ремёсел «Зарань», выставочном зале Школы искусств, а также в Эжвинской детской художественной школе была развернута выставка «Российский Север», вобравшая лучшее из созданного за последние пять лет мастерами изобразительных искусств республик Коми и Карелии, художниками Архангельска, Вологды, Кирова, Мурманска, Новгорода Великого, Пскова, Череповца, а также множества других, менее крупных городов, посёлков и даже деревень Северо-Запада.

Впервые на этой выставке был представлен и Санкт-Петербург, как правило, демонстрирующий свои достижения самостоительно.

В общей сложности в данном смотре участвовали более чем полутысячами произведений около 800 профессиональных художников, а также мастера народ-

ного искусства — керамики, ткачества, других ремёсел. Все эти работы прошли двойной фильтр: сначала отбор был произведён местными организациями Союза художников России, а затем авторитетным жюри под председательством Г.А. Елфимова. В целом художники развиваются традиционное для профессионального искусства нашей страны реалистическое направление, обогащая его пластическими средствами, показательными для современного понимания структуры художественного образа и тем самым расширяя его возможности, привнося собственные находки и обретения, явно выраженную личную авторскую интонацию.

Как донести до читателя, не имеющего возможности увидеть всё обилие творений многих мастеров, созданных за последние годы, общее представление о выставке? В определённой степени о ней можно судить уже по самим заглавиям работ, несущих в себе неповторимость авторского взгляда на мир, уникальность пережитого и воплощённого на холсте, в графическом листе, скульптурном произведении, изделиях мастеров текстиля, ювелирного искусства, народных художественных промыслов.

«Краски Севера» — название, которое дала своему гобелену художник из Мурманска Т.А. Черномор, вполне могло бы послужить заглавием данной статьи, поскольку выставка отличается большим разнообразием творческих индивидуальностей авторов, звучностью и насыщенностью колористических решений многих работ. С не меньшим основанием девизом выставки могло бы стать название картины недавно ушедшего из жизни В.Н. Корбакова (Вологда) «Я вглядываюсь в этот загадочный и непонятный мир».

Древние города, монастыри, соборы, старые добрые и прочные купеческие дома, бескрайние поля, озёра и реки, история страны, быт населяющих её народов, разнообразные сцены и образы людей встают с живописных полотен и графических листов российских художников.

Уже давно разрабатывают излюбленную тему памятников древнерусского зодчества Б.Н. Поморцев (Петрозаводск), выступивший с картиной «Кижи», его землячка М.Н. Пермякова («Самая древняя церковь на острове Кижи»), Б.А. Кураго (Вологда) «У Ферапонтовской башни Кирилло-Белозерского монастыря», новгородские живописцы А.Н. Савченко («Софийский собор»), О.Н. Саулов («Храм Федора Стратилата»), В.П. Скларенко («Строитель Великого Новгорода владыка Василий»), Е.В. Сущеня («Новгород — северный страж» и «Церковь Спаса Нередицы»). Всеобъемлющая тема родной земли, её древней истории звучит у новгородцев и в керамике (композиция Е.В. Чепель «Новгород Великий»).

Старые русские города, монастыри и храмы привлекают внимание и кировчан А.М. Савинова («Уржум. Прошлое»), А.В. Селезнева, который в детально проработанном тушью и пером панорамном «Виде уездного города Слободского» создал убедительную реконструкцию посада XVIII–XIX веков; и псковичей — «Изборский мотив» И.О. Макеева, «Мальский монастырь» В.В. Лысюка, «Сумерки. Гремячая башня» А.Э. Яски, «Мирожский монастырь» Г.П. Дячок, «Храм на Псковщине» А.В. Портнягина, «Псков сквозь века» — батик И.И. Лялиной.

Своё место в этом ряду занимают также работы А.А. Швецова (Киров) «Сумерки. Старый город», полотна новгородцев О.И. Немолочновой «На закате. Соловки» и В.С. Сахарова «Главная святыня Уржума», где изображён старинный Свято-Троицкий собор, пастель Е.В. Данилова (Череповец) «Древние стены».

В ряде произведений раскрывается целый мир природы, населённый людьми, птицами, зверьми: «Таинственный мир Арктики» А.Г. Феофилактова (Мурманск), «Кружева Карелии» А.С. Костюкова (Костомукша), «Зимние пастища оленей» Е.А. Одегова (Нарьян-Мар). Образы человеческого обиталища, родного крова получили проникновенное воплощение в циклах пастелей давно приверженных этой теме новгородцев С.Г. Гарбар («Долгожители») и О.В. Гусевой («Дорога к дому»), в картинах сыктывкарских живописцев В.В. Белоусовой «Отчий дом» и И.М. Тютюника «Родные гнездовья», в полотнах Ю.М. Коросова (Петрозаводск), «Живой дом в деревне Ямка» и «Старые дома» И.В. Трещёва (Архангельск), «Обновление деревни» В.Г. Смирнова (Череповец), «Тихая обитель» Н.В. Захарова (Новгород).

Тема своей бесконечно любимой малой родины, с которой человек на всю жизнь связан нерасторжимыми кровными узами, вдохновляет В.Г. Харлова (Киров) — «Максим. Дом моего детства», Н.И. Облупина (Череповец) — «Деревня Тихоново. Мои истоки», В.В. Артамонова (Новгород) — «Тихая моя родина...». С полотен встают карельские деревушки (полотна Ю.М. Каноева, акварели В.М. Кошелева из Петрозаводска), поморские сёла (А.И. Каштанов, Петрозаводск), сцены повседневной мирной жизни в отдалённых уголках Отечества: «Поморский фестиваль в пос. Умба» В.Н. Бубенцова (Мурманск), «Рыбаки-саамы» А.А. Сергиенко (Североморск), работы художников из Череповца В.В. Тимофеева «Беломорская тоня» и А.В. Иоганна «На новое место»; полотна «Стоянка оленеводов» и «Ждут паром» В.С. Шустова (Сыктывкар), графическая серия «Гаражи, дворы, дороги» Н.Р. Духно (Мурманск).

«Провинциальная жизнь» — таково название картины Л.А. Колобовой (Архангельск) — запечатлена в самых разнообразных проявлениях: это «В родительском доме» (П.Г. Чистяков, Архангельск), «Родня» (В.Ф. Трофимов, Новгород), «Подружки» (скульптура кировчанки З.И. Бушковой), «Разбуди меня завтра рано» (графики В.Н. и С.Л. Чиненовы, Петрозаводск), «Завтрак» (пастель Е.А. Обвинцевой, Новгород), «Утренние новости» (рисунок В.В. Феофилактова, Киров), «Вечером в Разгорте» (Ю.Н. Филипповский, Сыктывкар), «Время» (Л.Н. Бурина, Петрозаводск), «Банька по-чёрному» Н.Е. Иванюка (Псков), «Наша баня» (Э.А. Тимонен, Петрозаводск), «В цирке Шапито» (декоративное панно А.И. Белика, Киров), «Причал» (пастель Е.С. Краузе, Череповец), «Гавань» (гобелен Я.В. Ивасенко, Петрозаводск), «Середижские цветочницы» (В.А. Бабиков, Новгород), «Саамский рок» (И.В. Клюшкин, Мурманск).

Сегодняшний день страны, повседневные заботы тружеников, обычные семейные хлопоты и нехитрые человеческие радости передают многие работы псковитян: «Хуторские хлопоты» Н.В. Заволоки, цветная гравюра на картоне «Прогулка» Н.В. Яблочкиной, пастель Л.А. Гордеевой «Утренний порт»; лист «Начальство идёт» из графической серии «Изборск» А.Г. Стройло.

Мы видим на полотнах, в графике, изделиях народных мастеров праздники Рождества, Пасхи, Троицы, Масленицы, Яблоневого Спаса, свадьбы, другие семейные торжества... Таковы работы вологжан Н.Л. Вороновой — серия гуашей «Вологодский праздник», С.В. Лаврентьева — панно «Крестный ход» (батик), других участников выставки.

Живы в народе воспоминания о войне, о погибших друзьях и родных —

свидетельством тому картины Г.А. Дмитриева (Сыктывкар) «Эхо войны», П.К. Дудко (Псков) «Память о солдате», ряд других произведений.

О привычном течении жизни, её традиционном укладе и приметах нового повествуют исполненная в смешанной технике серия «Люди в городе» И.А. Даюк (Сыктывкар), картины вологжан В.А. Корягина «Банный день» и В.Я. Григорьева «Встреча», «Строят дом» Н.П. Викулова (Череповец), «Пассажиры» Е.А. Авиновой (Киров), «Евдокия пришла» В.Г. Харлова (Киров), «Колка дров» А.Н. Свинина (Кирово-Чепецк), «Приезд к любимому» В.Л. Копылова (Череповец), «За чтением» Б.М. Яманова (Новгород), полотна петрозаводчан Б.О. Топурия «Грузинская пекарня» и В.С. Левицкого «Купили телевизор».

Но это размеренное течение повседневной жизни способно вдруг нарушаться неожиданными, фантастическими событиями, как на картине А.А. Менухова (Северодвинск): «Рыба, влетающая в город».

Художники способны живо воссоздать приметы исчезающей на глазах жизни, её привычного уклада, о чём говорят «Старые амбары» С.И. Коршунова (Северодвинск), «Постоялый двор» А.В. Смирнова (Мончегорск), «В кладовой» из серии «Из прошлого века» О.А. Мартышевой (Череповец). Старина, волнующая неуловимым ароматом ушедшего быта, присутствует на полотнах вятских живописцев В.П. Наумова «Натюрморт со старинной лампой» и В.Е. Муллина «Старый граммофон», В.И. Ушаковой «Деревенский шкаф» и «Холодная печь».

Наряду с работами, выполненными в спокойной традиционной манере — «Тёплый вечер в деревне Бурмакино» А.В. Пестова (Киров), «Сторож монастыря» М.Е. Терентьева (Воркута), рисунок Я.Е. Мартышева (Череповец) «Церковный староста» — встречаются и произведения, более острые по композиции, соответствующей необычному сюжету: «Играющие в дурака» и «Армрестлинг» Д.А. Трубина (Архангельск), «Полёт на дельтаплане» А.М. Михайловой (Петрозаводск), «Старт» А.Р. Олигерова (Новгород).

Художники много времени проводят на лоне природы и увлечённо, с душой и тёплым лирическим настроением, а порой и с чувством обострённо щемящей грусти изображают пейзажи родной земли. Их волнуют и глубоко захватывают её «Трава-мурава», «Ручьи и травы» (названия акварелей В.С. Щелина, Архангельск), её поля, реки, озёра, острова, дороги, камни, скалы, стога, цветы, плоды, небеса, облака, старые дома, амбары, дворы, монастыри, купола соборов...

Времена года... Казалось бы, что в их смене особенно необычного, достойного пристального внимания? Но это извечная для искусства тема, вдохновляющая и художников слова, и композиторов, создавших неувядаемые шедевры (вспомним хотя бы П.И. Чайковского). Порой художники так и называют свои произведения, рождающиеся целыми циклами, например, скульптор М.П. Коппалев (Петрозаводск): «Весна» из серии «Времена года» (стеклопластик), В.Б. Чернова (Мурманск): акварель «Метель. Антонио Вивальди» из одноимённой серии. Проливные дожди, суровые зимы, летний зной — всё это предоставляет неисчерпаемые возможности для всесторонней передачи чувств, эмоций, раздумий о жизни. «Пора белых ночей» (картина В.М. Иваненко, Петрозаводск) запечатлена во многих работах: «Белая ночь над озером» О.В. Минкевич (Новгород), «Северные мотивы» — расписанные в технике батика панно Н.П. Новицкой (Мурманск).

Север — край долгой и суровой зимы, которая находит самое разнообразное

преломление в творчестве многих художников. О ней повествуют темпера О.Н. Юнтунен «Предзимье», тонкие рисунки «Зимний день», выполненные пером и тушью Д.С. Поленковым (оба они из Петрозаводска); «Зимний мотив» Г.В. Кижапкиной (пос. Парфино Новгородской обл.), серия пастелей Н.А. Журавлева о своём городе — «Зимняя Вологда», работа одного из самых молодых экспонентов Р.Б. Лиханова (1990 г.р., Псков) «Запорошило», картины кировчан А.С. Нечаева «Январь-просинец» и В.В. Феофилактова «В краю снегов». Привлекали внимание зрителей также серия коллажей С.А. Бутаковой (Сыктывкар) «Прогулки по снегу» и выполненные акварелью и пастелью П.И. Городецким (Новгород) пейзажные листы «Оттепель» и «Последний снег». В ювелирном искусстве — это брошь работы Е.Н. Данкевич (Вологда): «Зима. Снежок».

Но вот приходит «Март» (А.П. Сизов, Киров), возникает неотступное ощущение: «Скоро весна» (полотно И.В. Копьевой, Вологда), уже чувствуется «Дыхание весны» (Н.Л. Романова, Киров), «Сходят снега» (О.А. Бороздин, Вологда), наступает «Утро весеннее» (А.И. Качуланов, Череповец), всё в природе устремляется «Навстречу весне» — (пастель М.И. Архангельской, Архангельск), в общем, «Дело к весне» идёт неотступно (В.А. Федуков, дер. Мыс Тотемского р-на), и вот она, наконец, вступает в свои права, «Весна» (Д.Л. Малышев, Апатиты).

Сыктывкарские живописцы В.М. Куликов (1939–2011) и В.Р. Ермолин представлены одноимёнными полотнами «Апрель», Г.В. Иванов (Петрозаводск) — акварелью «Весеннее половодье», В.В. Бакин (Киров) — «Разливом на Вятке», Н.О. Серкин (Киров) «Половодьем». Незаметно наступает «Время сирени» (М.С. Драницын, Мурманск). Непродолжительное и тем более привлекательное летнее время трогает и занимает Е.А. Лопаткину (Киров, батик «Летние дожди»), мурманчан А.Г. Шаковца (картина «Северное лето»), Г.С. Северьянова (серия монотипий «Лето»), Д.В. Шелковникову (одноимённая серия пастелей), Т.В. Ковалеву (акварель «Летнее утро»).

Всегда отличавшийся неизменной точностью рисунка В.С. Чекмасов (Петрозаводск), постоянно совершенствуя своё живописное мастерство, насыщает полотна всё более глубоким и гармоничным колоритом, о чём свидетельствует его проникновенная картина «Северное лето» (1991–2011), которой художник отдал десять лет работы!

«Лето красное» в разгаре — об этом напоминает порой и сам материал произведения — резьба по бересте (шкатулка Е.И. Шарыповой из Великого Устюга). Однако совсем скоро приходит «Грибная пора» и наступает прощание с «Зеленью ушедшего лета» (В.Д. Трещёв, Архангельск), во всём чувствуется «Приближение осени» (Н.Ю. Минкевич, Новгород). Ещё не сразу уходит «Солнце осени» (С.В. Семенов, Псков), радуют глаз «Краски осени» (покрывало работы народного мастера из Архангельска Р.А. Слотиной), которые дают жизнь гобеленам «Осень» Т.Н. Гиголашвили (Петрозаводск) и В.В. Кучеровской (Псков), но уже вовсю «Падают листья» (В.Н. Страхов, Вологда), «Осенние листья» (картина Б.В. Лесова, С.-Петербург), и вступает в свои права «Пора увядания» (А.В. Грязнова, Петрозаводск), порой загорающаяся яркими красочными вспышками, как в картине З.А. Хачатряна (С.-Петербург) «Осень».

Всё суровее «Небо сентября» (серия «Сибирские тундры» И.В. Ситниковой, Апатиты), всё глубже надвигается «Поздняя осень» (Н.В. Заволока, Псков), и вот

уже пора писать не природу на пленэре, а «Дары осени» (одноимённые картины Л.С. Боровых, Новгород, и Г.А. Семакова, Архангельск), «Осеннний натюрморт» в интерьере (А.А. Куликова, Сыктывкар). Картина «Осень. Туеса» Г.А. Вопилова (Киров) позволяет перейти к разделу народного искусства, довольно широко и разнообразно представленному на выставке.

Народное искусство, как правило, сочетает устойчивые традиционные мотивы и приёмы с неожиданными поворотами знакомых сюжетов и самостоятельными находками. В изобилии заполнили витрины шкатулки, ларцы, короба (лыко, корень, узорное плетение и резьба по бересте), ковши, братины, корзины, сухарницы (С.Л. Шеметов, с. Конево Плесецкого р-на), коробейки, крупейницы, туеса, декоративные тарелки, мезенские росписи (Е.Н. Трапезников, Новодвинск: панно «Солнечный круг») — всего не перечислить!

Л.В. Богданова (дер. Покшеньга Пинежского района Архангельской обл.) представила интересные образцы ткачества на дощечках — традиционные для определённых районов пояса (а также «Нарядный», «Красивый» и пр.) Здесь и нарядные чулки, рукавицы, полотенца, рушники, дорожки, одеяла, коврики, покрывала «Праздничные» — родильные, свадебные, погребальные. Покрывало в лоскутной технике «Летний калейдоскоп» О.В. Мингаловой (Вологда).

Широко распространена в различных районах страны и керамика: квасники, рукомои, кувшины пивные и прочие. Особая глава — прославленная Дымковская игрушка, как всегда, при всей традиционности сюжетов отличающаяся буйством фантазии и яркой красочностью. Композиции «На мельницу», «Кузница» Л.С. Фалалеевой, работы многих других мастерниц — народные гуляния, прогулки, карусели, колодцы, наездники, кавалеристы, скоморохи, пасечники, влюблённые парочки, свидания, семейки, чаепития, петушки и курочки, индуки и индюшки, гуси, сороки, львы, олени, коровы, тройки, деревья с птицами, сказочные сюжеты (Садко, Репка, Конёк-горбунок, По щучьему велению..., Царевна на горошине и др.), рыбаки, пряхи, нянечки с детёнышами, дамы с офицерами, барыни — с зонтами, с гусями, с собачками и многое, многое другое.

Центр народных искусств в селе Выльгорт, что неподалёку от Сыктывкара, был представлен работами директора школы В.Л. Торопова (глиняные игрушки-свиристульки), изделиями Т.В. Оплесниной (полотенца), В.М. Ивановой (панно «Зимний день»). Дело там поставлено образцово, учебные классы и мастерские содержатся в идеальном порядке, произведения, представленные в любовно созданной экспозиции, подчас отличаются высоким уровнем исполнения и достойны основательных музеиных коллекций.

Представлены в экспозиции художественно выполненные шахматы (кость и др.), всевозможные игрушки. Так, О.А. Адонина (Череповец) — автор кукол по мотивам костюмов Русского Севера. Есть, кроме того, также и южнорусские, воронежские, рязанские куклы (ватин, хлопок, лён, тесьма, кружево, атласные ленты, пайетки, бисер, береста), фигурки в национальных костюмах южных коми (М.И. Волкова, Сыктывкар) и другие. Обращают на себя внимание свадебные костюмы, наряды для девичника Е.В. Котоминой (Вологда), комплекты одежды по мотивам верхневычегодского и усть-цилёмского узорного вязания Г.Я. Огородниковой (Сыктывкар), костюмы в традициях Вологодской области Л.Л. Лебедевой (Череповец), женские головные уборы (Д.К. Чайникова, Новгород),

мужской наряд И.Н. Тиккуевой (Петрозаводск). Тема одежды оригинально обыграна в серии «Деревянные костюмы» В.Г. Осташевой (Сыктывкар).

Интерес к старине, к истокам народного искусства проявляется в реконструкциях берестяных изделий прежних веков новгородцев М.В. Саранчуковой (коробейки с утюжкой и пермогорской росписью), В.И. Ярыша (солонки-утицы XVIII–XIX веков) и О.Н. Сидоровой (древнерусская обувь XI–XIV столетий), Н.Г. Алешиной (костюмы горожанок IX–X столетий и начала XX века), он же заметен и у вологжанок Т.Г. Вязовой и Н.В. Старковской в декоративной резьбе по дереву (тарелка «Егорий — змееборец»).

Фольклорные мотивы были использованы при создании батиков И.В. Самойленко (Псков) «Как зима с весной силой мерялись» и «Всё коту масленица», фарфоровых сервизов М.В. Андреевой (Новгород) «Сказочный» и «Любава» (надглазурная роспись), диптиха И.П. Божко (Череповец) «Древние сказания». О том же говорит и короб Ю.А. Добрининской (Великий Устюг) «Предание».

Обращение к национальной тематике отличает работы новгородцев. Здесь выделяются бронзовая фигура В.Н. Боровых «Русский витязь», скульптура «Ярослав Мудрый» Ю.А. Шилова, объёмный декоративный диптих Н.Н. Ковалевой «Земля новгородская» (медь, шамот, дерево), гобелен Н.В. Дзюба «Рюриково градище».

Большое внимание уделяют сюжетам из прошлого нашего Отечества и петербургские художники. В.В. Прошкин, много работавший в Старой Ладоге, древней столице северной Руси, удачно выступил с внушительным историческим ландшафтом «У древних курганов. Храм Рождества Иоанна Предтечи». М.В. Моляков, углублённо занимающийся эпохой XVI–XVII веков, представлен картиной «Возвращение войска Ивана Грозного в Москву». К.К. Иванов, разработавший оригинальную живописно-пластиическую систему, весьма убедительно воплотил образ певца Олонецкого края поэта Николая Клюева. Лаконичный, но выразительный и много говорящий натюрморт из казачьего быта хорошо характеризует творчество художника А.А. Сучкова.

Этот ряд можно продолжить: к нему относятся пастель Т.В. Васильевой (Сыктывкар) «Под русским флагом», акварельный триптих В.И. Новикова (Вологда) «По славянским мотивам» (в том числе «Берегиня Солнечная») и многое другое, — например, декоративные панно из цветной бумаги собственного изготовления М.Н. Леденцовой (Киров) «Русская», резьба по кости петрозаводского мастера В.М. Баландина — шкатулка «Русская охота», чайница «Из варяг в греки» (бивень мамонта).

Целую группу интересных работ на темы карело-финского эпоса «Калевала» выполнили художники из Петрозаводска: И.Г. Гашков — ряд резных деревянных панно («Мститель», «Колдуны Лоухи»), Д.Ф. Учуваткин («Орлица» и «Турья-лайнен»), И.А. Лалиашвили («Древний дозор Карелии»), А.И. Власенко («Род»). П.Г. Микушев (Сыктывкар) представил любопытную работу «Чудское», его земляк В.А. Дурнев — керамическую серию «Сказки коми» и одноимённое блюдо.

Р.С. Чебатурина (Мурманск) выполнила эскизы костюмов (Богиня Мокошь и другие языческие образы) к театральному представлению «Весеннее солнцестояние» и к народному празднику «Саамские летние игры».

То и дело встречаются произведения, выполненные по впечатлениям зарубеж-

нений. Таковы посвящённые Выборгу «Сказки старого города» Н.В. Григорьевой (Петрозаводск) (примечательно название всей серии: «Картинки из частной жизни»); автопортрет В.А. Верстакова (Киров) «Дыхание осени» или серия В.В. Кузина (Мурманск) «Таинства ночи», исполненная в необычной технике «извлечения» изображения белилами из фона чёрной бумаги, и тоже включающая автопортрет («Размышления»).

Нелёгкая во все времена судьба художника, не идущего на компромисс и не потакающего заказчикам, отражена в картине Ф.Б. Бурангулова (Сыктывкар) «Семья Рембрандта». Явные реминисценции с западноевропейским искусством ощущимы в работе В.Г. Одинцова (Сыктывкар) «Размышление о “Рыцаре и Смерти” А. Дюрера», в рисунке Г.А. Елфимова «В.Н. Корбаков показывает свои работы молодому Рембрандту».

Это ни в коем случае не явления привнесённого к нам с Запада постмодернистского поветрия, где, как правило, идёт преисполненная, казалось бы, эрудиции, но по сути бесодержательная, никчемная «игра в бисер», а живые, не лишенные юмора образы, захватывающие зрительское внимание и заставляющие задуматься об истинных ценностях в искусстве, о том, что главное в нём — не заумное оригинальничанье, а живой, эмоциональный, увлечённый разговор на равных автора со зрителем. В том же духе решён и рисунок Г.А. Елфимова «Что есть истина?» (вопрос этот задаёт художнику Б.Л. Непомнящему «Дрожащий» с картины А.А. Иванова «Явление Христа народу»).

В этих работах в лёгкой и ненавязчивой, якобы шуточной форме ставится ответственная проблема необходимости для современного художника соответствовать высочайшему уровню классики прежних веков, подчёркнутая артистической виртуозностью исполнения. Свободное и притом очень точное, лаконичное, виртуозное рисование, отличающее работы Г.А. Елфимова (им выполнены также портреты художников, отца и сына Николая и Михаила Буториных), могут служить прекрасным образцом для молодых художников. (На выставке присутствуют ажурная резьба М.Н. Буторина (шахматы «Зимний лес») и костяной ларец «Утро» недавно ушедшего из жизни Н.Д. Буторина, 1934–2013).

Это живое, непосредственное чувство роднит с названными работами и картину В.Н. Корбакова (Вологда) «Амедео Модильяни рисует Анну Ахматову», где образы героев, ставшие в сознании несколько клишированными, затёртыми посредством поверхностно-стандартизованных передач и публикаций СМИ, вдруг неожиданно обретают силу прямого воздействия и раскрываются как вполне достоверные, не вызывающие ни малейшего сомнения в их подлинности.

Неустанной творческой работе художников посвящены произведения архангельских живописцев Г.В. Звонковой «Иконописец» и «Растирание краски», А.С. Сверчкова «В мастерской художника» и одноимённое полотно П.Г. Чистякова (Северодвинск), картины Л.М. Старковой (Киров) «Уголок в мастерской» и С.Е. Ивановой (Новгород) «В мастерской Д.В. Журавлева», акварель Н.В. Кошелева (Петрозаводск) «Белая ночь в мастерской», скульптура Г.В. Драчевой (Псков) «Гончар», полотна В.К. Седова (Вологда) «Реставратор» и Г.Г. Филипповой (Новгород) «Реставраторы Знаменского собора».

Не обошлось и без традиционного обращения к образам вдохновительниц творческого процесса: акварель В.И. Видякина (Архангельск) «Муза», картина А.И. Завьялова (Новгород) «Печальная муза».

С образами современных художников знакомят нас портреты А.С. Мищенко работы А.Г. Алентьева (Новгород), В. Кордюкова и А. Федорова кисти С.В. Лаврентьева (Вологда), «Автопортреты» А.П. Городецкой (Новгород) и Н.П. Сажина (Тотьма). Запоминаются автопортреты петербургских живописцев А.Н. Базанова, запечатлевшего себя за работой, в момент пристального и взыскующего общения с натурой, Т.С. Федоровой, словно пожинающей плоды своего творческого труда, держа заслуженную награду, а также Я.С. Шкандрия (1952–2013).

Иногда портреты коллег подаются несколько в ироническом ключе, например, в картине Ю.А. Воронова (Вологда) «Есть музыка над нами...», где символически показан круг увлечений и пристрастий изображённых на этом большом полотне художников — от древнерусского искусства и памятников классической древности до египетских артефактов и буддистской скульптуры. В картине «Академическая дача» Н.К. Ендельцева (Киров) портреты художников, собравшихся в Доме творчества за трапезой, утрированы и гиперболизированы до карикатурности; порой же изображения носят откровенно гротесковый, юмористический характер — как в скульптуре В.Н. Кислова (Сыктывкар) «Художник после работы» или оригинальной композиции М.В. Наумова (Киров), посвящённой артисту своего дела Отто Шнейдеру, — «Первый вятский пивовар».

Но в основном это вполне серьёзные, основательные и исполненные уважительного отношения портреты и композиции, как, например, «Портрет А. Хокконена» В.К. Барбашина (Петрозаводск), графический портрет Б.Л. Непомнящего работы Е.А. Васильевой (Новгород) или произведения мастеров пластики из Сыктывкара: «Мои коллеги керамисты» и «Портрет графика А. Розмыслова» В.А. Рохина, «Портрет Р.Н. Ермолина» С.С. Асташева, портреты художников В.В. Кокачева и В.В. Трофимова работы А.И. Неверова.

С картиной одного из старейших художников В.А. Кашина (Киров) «Атарская лука», посвящённой светлой памяти известного вятского живописца, ветерана Великой Отечественной войны П.С. Вершигорова, перекликается полотно их земляка С.Ю. Горбачева «Утро нового дня», на котором автор запечатлел себя за работой над этюдом в бескрайних пространствах необъятного Севера.

Ряд графических работ в технике линогравюры, посвящённых труду художника, исполнила А.В. Смирнова (Мончегорск): «Живописец», «В мастерской», «В эстампной мастерской». Образ «Юного художника» (из серии акварелей «Детство») создала Г.П. Шагинова (Череповец). Известная мастерица дымковской игрушки Р.Э. Пенкина выставила керамическую миниатюру «Мастерица у печки».

К наиболее интересным портретам выставки следует отнести полотна И.А. Широковой «Гуляю с Дунькой» и «Зима. Саша», женские портреты работы акварелистов Б.К. Кукшиева (Петрозаводск), Т.Г. Пестова (Новгород) и М.Ю. Юрьева (Архангельск), полотна живописцев А.М. Широкова (Киров), мурманчан А.С. Крисанова («Аня») и М.Б. Глотова («Незнамка»), «Актриса» П.В. Полякова (Петрозаводск).

Есть и жанр «ню» — обнажённые модели: В.А. Безумов (Сыктывкар), и примеры группового портрета: это многофигурная картина «Орнитологи» А.А. Лободы (С.-Петербург), «Семья» О.А. Икконена (Петрозаводск), «Родители» А.П. Мочалова (Киров), «Фото из семейного альбома» В.А. Беляева (Архангельск),

«Материнство» А.Н. Пермякова (дер. Левино Грязовецкого района Вологодской обл.). Острохарактерны двойной портрет «Кирилл и Агафья — последние жители села Пономари» С.П. Ронжина (Киров), работа Н.Е. Андреева (Новгород) «Иван да Марья» (огородные пугала, несущие узнаваемые человеческие черты!) Л.Д. Леденцова (Киров) в триптихе «Старики» продемонстрировала уверенное владение различными трудоёмкими материалами (бронза, гранит, алюминий, мрамор, керамика).

Своего рода воображаемые исторические портреты дали на выставку А.С. Чаркин (Петербург) — «Александр Невский», В.А. Бондарев и К.И. Коциенко (Киров) — «Архитектор А.Л. Витберг», автор проекта неосуществлённого храма Христа Спасителя для Москвы, сосланный некогда в Вятку.

Интересны портреты представителей творческой и научной интеллигенции: это «Карельский писатель Г. Салтуп» работы А.И. Морозова (Петрозаводск), и во многом типичные образы, созданные сыктывкарскими художниками Г.А. Дмитриевым («Поэт Виктор Кушманов») и А.В. Копотиным («Доктор С.П. Григорьев»).

В картинах Е.В. Ерышева (Новгород) «Художник» и «Мечтатель» запечатлено особое состояние сосредоточенной вдумчивости и полёта фантазии, которые весьма характерны для целого ряда произведений данной выставки. «Состояние» — таково название картины В.А. Курицына из Архангельска; «Движение миров» волнует его землячку живописца О.С. Рехачеву, зыбкие и в то же время неотступные «Тени истории» не впервые волнуют петербуржца А.В. Хачатряна. Здесь же назовём и работы вятчан: А.А. Мочалова демонстрирует работу «Атмосфера»; А.Л. Николаев погружает зрителя в «Вечернее» состояние; нотки «Ностальгии» передаёт Н.А. Жолобов, мимолётные «Метаморфозы» — графика Е.В. Клауздан. Пронизаны динамикой взаимодействия форм панно Е.В. Опалевой «Движение» и «Притяжение», серьги «Круговорот» работы С.А. Рычкова (Вологда). Ощущением «Светлой грусти» проникнуты работы К.И. Овсянкиной (Сыктывкар, смешанная техника) и А.Б. Шабаевой (Вологда, декоративное панно «Белая грусть»).

Мы с удивлением и радостью видим, что даже в деревянные лаковые тарелки способна проникнуть «Нежность» (глубоковская роспись работы М.Г. Ожигановой, Вологда), а приподнятое настроение большого празднества — придать значительность туесу «Торжественный» — авторы Т.Г. Вязова и К.А. Шергина (Великий Устюг).

Передать то или иное эмоциональное состояние, настроение человека художникам помогают выразить некие природные явления, что убедительно подтверждают полотно А.И. Веприкова (Киров) «Гроза надвигается», «Восход луны» Н.Ф. Федосова (Череповец), акварельные работы А.Н. Васильева (Новгород) «К закату» и художников из Петрозаводска В.П. Лобанова «Заштормило», К.Е. Романова «Покой»; картины вологжан В.В. Попова «На семи ветрах», Е.В. Кудрякова «Последний луч», «Белый день» Б.И. Шабаева; графические листы псковичей: «Дождь и ветер» Л.А. Момотовой, «Затишье» Д.С. Касьяновой, акварель Н.Г. Толстопятова «Тишина в лесу», цветная гравюра на картоне Н.В. Яблочкиной «Перед грозой»; работы художников Республики Коми: картины В.В. Кокачева «Солнце и море» и «Зелёный туман», графический лист Т.Н. Сердитовой «Тихий вечер», карандашные рисунки В.В. Трофимова «Половодье уходит» и сделанные

фломастером и ручкой листы К.Н. Шлоповой «Незавершённость тишины», картина А.В. Пунегова — «В ожидании чуда». Тут необходимо упомянуть также шитые и тканые панно народных мастеров из Архангельска Т.Р. Загородской — «Солнцеворот» и М.Н. Заверниной — «Поморское солнце», керамическую композицию Т.А. Чистяковой (Вологда) «Босиком по земле».

Чем вдохновляются художники, что служит им поводом для перевода своего творческого состояния в конкретную пластическую форму образного замысла? Об этом можно судить по таким работам, как гобелены мастеров текстиля из Череповца С.И. Синяевой («Вдохновение») и М.А. Брауловой («Созерцание», «Звуки песка»). Чуткому восприятию поэтически настроенных художников вняты не только «Шёпот птиц» (А.В. Маслова, Ухта), — под их искусными руками обретают своё звучание и «Осенняя песня» (картина Ю.С. Коробова, Вологда), и «Мелодия зимнего дня» (рисунок Т.И. Страховой, Вологда), и «Напевы северного неба» (одеяло работы вологодской мастерицы Н.А. Поливиной), и даже «Мелодия льна» — как в коллекции украшенных вышивкой костюмов Т.А. Хабаровой (Сыктывкар).

Невзирая на известные трудности жизни людей в современной постперестроечной России, множество неурядиц, и негативных явлений, примеров социального расслоения, несправедливости и имущественного неравенства художники, которым приходится ничуть не легче, чем большинству рядовых граждан, не предаются унынию, смертному греху отчаяния, — они не перестают находить в жизни прекрасное и удивляться ему, мечтать о светлом и радостном будущем.

Таковы работы вологжан В.А. Егорова («Изумление»), Ю.С. Коробова («Светлое воскресение») и Ю.А. Соломакина (диптих «Пастораль» — «Тишина» и «Сёстры»); «Фата моргана» Г.Н. Булганиной (Новгород), линогравюры Т.В. Коршуновой (Киров) «Озарения» (в том числе «Очищение души»), полотно Ж.В. Свириденковой (Петрозаводск) «Иллюзия», панно «Время больших снов» А.В. Денисовой (Сыктывкар).

Тема снов занимает на выставке заметное место, причём это не страшные видения,очные кошмары или «ужастики» в духе западных триллеров, когда в подсознании всплывают монструозные образы и туниковые ситуации — российской ментальности свойственны совсем иные представления — это скорее светлые грёзы и мечтания: картины «Сны» О.Н. Балашовой (Кирово-Чепецк), «Сон» А.А. Стародубцева (Петрозаводск), «Настины сны» А.Р. Размановой (Сыктывкар), работа отличающегося постоянством своей темы А.Г. Феофилактова (Мурманск) «Сон. Грёзы» (примечательно, что и на предыдущей выставке 2008 года в Новгороде им был представлен холст «Город мечты»), скульптура В.Н. Кислова (Сыктывкар) «Сон о светлом будущем».

Таинственны, исполнены загадочной притягательности стоящие несколько особняком первоклассные вещи А.А. Трифонова (Петрозаводск) «Композиция» и «За час до полуночи». К реальности возвращают нас одноимённые работы в текстиле под названием «Пробуждение»: это батик Т.И. Капустиной (Череповец), панно А.А. Беднарчик (Архангельск), гобелен В.В. Бердышева (Псков).

Богатая в пластическом отношении и ассоциативно-метафорическом, содержательном плане тема «Отражений» разрабатывается многими авторами. В графике — это работы художников А.А. Демышева (Киров), Н.А. Завертайло

(Мурманск), М.Н. Пермяковой (Петрозаводск). Настроение безоблачного счастливого детства господствует в картине Г.А. Дмитриева (Сыктывкар) «Когда арбузы были большими», в полотне А.С. Сверчкова (Архангельск) «Сказка с продолжением». О том же — покрывало Р.А. Слотиной (Архангельск) «Детская радость».

Проблемы формы — передачи света, пространства, организации холста, композиции объёмной вещи занимают многих авторов. Как уловить то или иное изменчивое состояние природы, как соотнести в работе конкретное и абстрактное, каким образом достичь необходимой меры декоративности. К удачным образцам острых формальных решений можно по праву отнести работы архангелогородцев С.П. Шадрунова «Сумерки» и «Фрагмент заката», З.Г. Шадруновой «Утренний рыбак» и «Отблески заката».

Были на выставке также произведения, обращённые к народным сказаниям, древнему эпосу, верованиям предков. Это в первую очередь серия «Сотворение мира» А.В. Мошева (1936–2012), созданная по мотивам мифологических представлений и образов народа Коми. В.И. Серов (г. Сокол, Вологодская обл.) выставил оригинальную скульптуру в бронзе «Дракон». Встречается в трактовке мифов и шутливая интонация: «Похищение Европы» С.И. Умывакина (Архангельск).

Экспрессивны монотипии на библейские сюжеты Н.И. Мищусты (Вологда): «Христос перед Пилатом», «Бичевание Христа»; выразительны акварель Л.В. Кореневой (Киров) «Борис и Глеб», гуашь С.Н. Галуновой (пос. Суда Череповецкого района) «Памяти св. Ефросина Синозерского», впечатляет гобеленовый триптих «Явление ангела» Н.П. Зубаревой (Киров), в разделе прикладного искусства — резная по кости шкатулка «Бегство в Египет» В.М. Баландина (Петрозаводск) и одноимённая композиция Г.В. Драчевой (Псков) (фаянс, роспись). Религиозная тема проникает и в скульптуру (отлитый в бронзе портрет «Митрополит Вятский и Слободской Хрисанф» работы Н.А. Леденцова, Киров), и в ювелирное искусство (кольцо «Святая София» работы И.В. Маркелова, Новгород).

Представлены образцы современной вологодской иконописи (Л.Н. Зиминов — «Святитель Игнатий (Дмитрий Брянчанинов)» и др., Е.В. Коротаева и Е.А. Зирин — «Святая Троица»), Царские врата «Благовещение с пророками» Г.С. Тонкова (Сыктывкар), «Феодоровская икона Божией Матери» В.Г. Смирнова (Череповец), лицевое шитьё (иконы Т.А. Петуховой «Сергий Радонежский и Павел Обнорский», «Сергий Радонежский и Александр Невский», «Сергий Радонежский и Дмитрий Прилуцкий») и произведения ювелиров: «Святая Троица» Г.И. Кулниковой и О.А. Журавлевой, «Господь Вседержитель» А.Н. Тельтевского (Великий Устюг). Органично вплетается в данный круг сюжетов и кружевное панно вологодских мастерниц А.Н. Ракчеевой и Е.Е. Марочки «Райские птицы».

Очень важно, что среди громадного обилия работ наряду с рядовыми и даже проходными вещами (без которых невозможно обойтись и которые составляют общий фон и даже фундамент любой групповой выставки) встречаются и гораздо более трудоёмкие и значительные по содержанию крупные формы, в том числе триптихи (Ю.А. Воронов, Вологда; Ф.Г. Кочевин, Псков), и это проявляется не только в живописи, но и в графике (О.Н. Цветков «Посвящение Пскову»), и в декоративном искусстве.

Имеют место большие обобщения, связанные с осмыслением трагических событий отечественной истории XX столетия: исполненная драматизма картина «Апокалипсис» одного из старейшин выставки А.И. Хуттунена (р. 1922, Мурманск), «Реквием. Россия. ХХ век» Д.В. Журавлева (Новгород), «Наш мир» Н.А. Захарова (Псков). Национальная тема неназойливо, но вполне отчётливо проходит и в сюжетных картинах, и в натюрмортах, и в портретах. Цикл «Русское» («Страда», «Туман») создал А.П. Мочалов (Киров). Н.И. Поликарпов (Киров) постоянно разрабатывает тему села («Туманы северной деревни»), не избегая связанных с нею драматических и даже трагических сюжетов в судьбах деревни («Подвинулись к уходу»). Близкая тема превосходно раскрыта в картине О.Ю. Яхнина (Петербург) «Бездомная курица», изображающей полуразрушенный, некогда крепкий дом в заброшенном и забытом Богом селе.

Наряду с этим по контрасту воспринимаются многие лирические натюрморты, преимущественно цветы: «Люпины» Н.В. Селиверстовой (Сыктывкар), «Хризантемы» Н.Б. Селикова (Новгород), «Букет для кормилицы» И.Е. Иванюка (Псков), «Ольгинцы цветы» Е.В. Ярунова (Северодвинск), «Натюрморт с полевыми травами» С.П. Шубиной (Новгород), батик Н.Р. Шиловой (Мурманск) «Иван-чай».

Великолепным мастером анималистического жанра показал себя Д.Н. Сенников (Киров): «Граница на замке». Бестиарий, тема животного мира раскрывается на выставке во всём многообразии видов и форм. Это произведения в текстиле Т.С. Мамоновой (Киров): «Петя-петушок», «Сорока-белобока», «Прилетели две тетери», керамика М.Б. Селезневой «Птицы», керамическая серия И.Н. Груздевой (Мурманск) «Из жизни рыб», «Пантеры» И.В. Маркелова (Новгород), «Медведь» и «Рыбки» В.В. Попова (Сыктывкар), берестяные лошадки А.Л. Терентьева (Новгород), «Олень» В.Л. Торопова (Выльгорт).

В области книжной графики обращают на себя внимание иллюстрации Э.В. Фролова (Вологда) к книге А. Грязева «Откровение Дионисия» и А. Цыганова «Здесь или где-то там» (рисунки тушью), цикл красочных работ Д.В. Новицкого (Мурманск) к изданию «Маленький город Кировск», а также картинки Н.А. Селезневой (Киров) к сказке «Медведь и бурундук». С классической и современной литературой связанны и выполненные по мотивам произведений У. Шекспира серии акварелей Т.Е. Тимкиной (Киров) «Шекспириада» («Король Лир» и др.), цикл станковых рисунков молодого художника И.В. Богданова (Псков) по мотивам романа братьев А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине».

Настоящим шедевром, заслуживающим отдельного издания, представляются исполненные в технике офпорта листы Б.Л. Непомнящего по «Запискам из мёртвого дома» Ф.М. Достоевского. Исключительно удачной представляется также тонко стилизованная серия О.А. Колчановой «Солдатские песни» («Как за лесом, за лесочком» и др.)

М.В. Копьев (Вологда) создал цикл пастелей «Посвящение Пушкину». К пушкинской тематике относится и серия В.Ф. Булганина (Новгород) «Святогорье» («Старые деревья в Петровском» и др.), Г.Н. Алексеев (Псков) «Апрель. Близ Тригорского».

Имеются в экспозиции и примеры плаката — жанра искусства, заметно сдавшего в последнее время свои позиции, отошедшего на второй план и существующего прежде всего в своей рекламной ипостаси (М.В. Кошелев, Петрозаводск).

В разделе декорационного искусства театра и кино следует отметить эскизы к фантастическому кинофильму «Город Зеро» работы А.Н. Поликарпова (Киров).

Богат и разнообразен раздел декоративно-прикладного искусства. Здесь вниманию зрителей представлены получивший широкое распространение батик, а также высококачественные изделия из металла, принадлежащие преимущественно художникам Великого Устюга: набор для воды «Виноград» работы Л.С. Меньшиковой (серебро, гравировка,), подарочный набор «Кадриль» (серебро, гравировка, чернение, золочение, полировка) и «Приятное чаепитие» — пасхальные яйца, вазочки, кубки, ложечки и поднос в исполнении Л.М. Бобылевой, женский гарнитур «Вальс» работы О.А. Петровой, прочие работы мастеров ювелирного дела: броши, кольца, серьги, подвески.

В данном разделе выделяются изысканностью работы новгородских мастеров: браслет «Лунные сны» Н.А. Венцель, разнообразные по тематике и исполнению творения И.В. Маркелова: браслет «Средневековая ладья», колье и серьги «Галактика», украшенные эмалью серьги и браслет «Новгород»; а также серебряные изделия В.В. Ячменева.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить: всем своим строем представленные на выставке «Российский Север» произведения противостоят активно насаждаемым ныне стандартам индивидуализма, торгащества, бездушному культу наживы. Образными средствами современного реалистического искусства они утверждают и высокие гуманистические идеалы, и простые повседневные человеческие ценности.

Главный вывод — душа народа жива, она в основе своей здорова и не подвержена коррозии, не вытравлена, не испорчена возобладавшими ныне ложными ориентирами и либеральными псевдоценостями, не погрязла в быту, способна к творчеству, устремлена к свершениям и верна идеалам истины, поискам справедливости и товарищеского согласия.

Ещё раз хочется повторить глубокую мысль нашего выдающегося историка В.О. Ключевского, который был в начале XX века хорошо известен многим художникам, поскольку преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества: В России сокровенный центр национальной жизни парадоксальным образом находится не в столицах, как на Западе, а на местах, в провинции, где рождаются и крепнут яркие и мощные таланты из самых глубинных толщ народных масс. Они несут в себе неистребимую родовую память и свойственные россиянам представления о добре и зле, о правде и кривде, о справедливости, о гармонии человека и природы, и светлую мечту о лучшем будущем.

Обзоры. Новости. Письма

* * *

В Удорском районе селе Буткан, на родине народного поэта республики Коми Альберта Ванеева, состоялись III республиканские Ванеевские чтения.

Участники мероприятия: писатели, литературоведы, школьные учителя, библиотекари, — на этот раз говорили не столько о выдающемся вкладе Альбера Егоровича в развитие родной коми литературы и литературоведческой науки, сколько о его авторитете и значении как поэта и учёного в целом во всём финно-угорском мире.

«Ме парма пи. Ме войвыв мулён петас...»

Мед парма эрдын ас ног верми сывны,
Медвойвыв кёрён ёвтіс мыла кывбур
Да парма горён шыаліс сонет...

A.E. Ванеев

Альберт Ванеев — коми поэт, коми литература туялсы, куратор, энциклопедист, удораса бур, автъя МОРТ.

Таво став Коми республика пасынта пасийисны Альберт Егорович Ванеевлон чужёмсяяныс 80 арёс тырём. Тайё кадпасскёд йитёдын велёдчысъяслы волі котыртёма некымын пёлөс конкурс: коми поэтлыс кывбуръяссö радейтысьяс вермасисны лыддысъёмъясын, серпасъяс гижомын да сочинениеяс лёсъёдомын. Унаён пырёдчомаёс тайё конкурсас.

Культурной программы виччысис и верстюй юёзёс.

Вёльгым 28-од лунё Удора районаны мунісны А.Е. Ванеевлы сиём Республикаса III лыддысъёмъяс. Йіджыд сёрни выло чукортчисны юркарсы да районалыс гөстьяс, поэтлон рёдвуж.

Лыддысъёмъяс заводитчисны Альберт Ванеев нима Косланса шёр библиотекаын. Сэтчёс уджалысъяс, библиотекаръяс да методистъяс дасытисны поэтлы сиём небога выставка, лёсъёдисны поэтлон олан туй да творчество серти буклетъяс да фильм.

Восьтіс Республикаса III лыддысъёмъяссö района веськёдлысъёс социальной юаломъяс серти вежысъ

A.E. Ванеев нима шёр библиотекаын поэтлы сиём лыддысъёмъяс дырыи.

И.А. Коковкин. Сійё пасайис, мый Альберт Ванеевлён нимыс юргё оз сёмын Удора районын, но и финн-угор мирын. Тёдчөдіс сідзжё, мый районса культура да образование юкёнъясын нүйдөны поэт творчествоён тёдмөдөм могьсь ыджықтуда.

Уна бур кыв аслас ёрт йылысь висыталіс и Коми республикаса поэт Валерий Вьюхин. Сійё юксис Альберт Егорович йылысь казтылёмён, тёд выл ѿськодіс сықод тёдмасьомсö да ётылысь уджаломсö.

Став гоcтьяслы сідзжё петкодлісны поэтлон олём да творчество йылысь «Ме коми мулён петас» нима фильм, А. Ванеевлён неважён петом кывбура «Лебединая дудка» сборник серти презентация.

Кывбуръяссö вуждёдіс нималана поэт Андрей Расторгуев.

Челядьдырся казтылёмъяснас юксис Альберт Ванеевлён ичотджык чойыс — Галина Егоровна Высоких (сыкод тшотш лыддысыомъяс выл ѿвойсны и сылён нылыс, Елена Александровна, да бабён шуысьяс, Вурдов Владислав да Шония Алексей).

Пажын бёрын лыддысыомъяс мунісны нин Альберт Ванеевлён чужаннінын, Буткан сиктын, кёні Удора районса юрнуодысь Фёдоров В.Е. да

Митина Т.В. торжественнёя восытісны выль керкаö вуждём сиктса библиотека. Сэні оти жырыйн лои восытёма поэтлон олан

Альберт Егоровичлён чойыс — Галина Егоровна Высоких нылыскод да внуктъясыскод.

түйлү да творчестволы сиом музей. Оз быд лун коми сиктъясын воссыны библиотекаяс да музейяс! Та вёсна татшом лоёмторыйс тёдчана, да сійё чукортіс уна сиктса войтырёс. Музейын оформитома «Мед чужан сиктам лоа век ас морт...» нима стенд. Альберт Ванеевлён рёдву ж отсөгён лоёсөдома семейной фотографияясысь выставка. Уна пось кыв поэт йылысь висыталісны краеведъяс Шабанова Е.М. да Чупрова Д.И. Найо тшотш уна вын пунктісны музей дасытёмө. Бур кывъяс Альберт Ванеев йылысь висыталіс и коми гижыс Алексей Вурдов.

Музей восытігөн.

Водзё уджыс муніс Бутканса культура керкын. «Альберт Ванеев в воспоминаниях современников» нима конференция вылын выступитіс дас сизим морт.

Поэтон туялан удж, наукаö пырдочом йылысь сёрнитіс коми литературовед Кузнецова Т.Л.

Уна юортомён конференция вылын петкодчисны коми да роч литература велодысьяс. Быдён на пысыс ас ног зілью пыртны уджо

А. Ванеевлысь творчествосё. Водзмёстчёны: Политова А.А. (Глотовоса школа), Прокопьева Е.Г. (Междуреченская школа), Логинова О.В. (Пысдінса школа), Распопова Е.Г. (Черныбаса школа), Лобанова О.А. (Благоевоса школа); Кочева Е.И. (Усогорская школа); Митина Э.А. (Усогорская школа). Быдёнлён вёлі мыйён юксыны конференция выло чукортчысьяскёд.

Бура тёдмёдёны Альберт Егоровичён творчествоён удораса войтырёс и библиотекаса уджалысьяс Патракова Е.В., Черныб школаса библиотекар, да Попова Л.И., Усогорская филиалын уджалысь, найё тшётш юксисны мёвпъянсаныс.

Поэтлысь олан туй да творчество туялёны оз сёмын Удора районын, но и юркарын, Сыктывкарын. И.А. Куратов нима литературной музейён веськёдлысь Холопова Д.Г. висьталіс, кутшом удж нүйдёны музейын, кутшом выставкаяс эмөсь. А СГУ-са студенткаяс, Карманова Ирина да Попова Ангелина, лыддисны «...Лёню ю дорын, рыйтъя кыа улын...» А. Ванеевлон кывбуръяс серти доклад да поэтлысь некымын кывбуръяс.

Аслас ыджыд ёрт Альберт Ванеев йылысь висьталіс и удораса олысь Логинов М.Ф. Казытыштіс, қыдзи найё отлаын ветләдлісны сиктъясад, чукортісны войтырлысь висьтасъёмъяс. Тайё материал подув вылас Альберт Ванеев гижліс кывбуръяс.

Мортыс олё му вылас сэтчёдз, кытчёдз сы йылысь казытылёны. Альберт Ванеев ми пёвстын абу нин дас во, но сійё век кольё ловъяён кывбуръяас, кывбура висьтъяасас, сонетъяасас, сыланкывъяасас. А.Е. Ванеевлы сиём лыддысъёмъяслён медшёр могыс вёлі тёдмёдны йозёс поэтлон творчествоён, ышёдны быдмись челядьбос лыддысыны. Та вёсна торйён нин нимкодь, кор конференцияю пырдчёны школаса велёдчысьяс, юксьёны мёвпъянсаныс поэтлон творчество серти. Тадз, Махотина Анна (Усогорская школа, 10-ёд класса велёдчыс) выступитіс «Своеобразный символ коми поэзии, «солнечный поэт» юйртёмён (веськёдлысыс Бабинова М.А.). Радейтчомкод житчыссы кывбуръяссю поэтлысь видлаліс Лобанова Юлиана (Пысдинса школа, 11-ёд класса велёдчыс; веськёдлысыс Логинова О.В.). А Вурдов Владислав да Шония Алексей петкёдлісны Ванеевлон творчество серти неыджыд ворсом (Усогорская школа, 8-ёд класса велёдчысьяс; веськёдлысыс Дъбенска Л.В.).

Конференция серти кывкортёд вёчис Удораса шёр библиотекаён веськёдлысь Ванеева А.Р.

А.Е. Ванеевлы сиём Республикаса III лыддысъёмъяс помассисны «Куслытом кодзув» концертён. Бутканса культура керкаё йозыс ёдва тёрисны, сымында вёлі окотитысь видзёдны гажсё. Сиктса войтырёс да юркарса гөсътъясад гажёдісны кыпыйд сыланкывъясон да йөктөмъясон косланса «Ловъя ва» да «Визув ёль» хоръяс.

Концерттыс помассис, но некоді эз кёсйы разёдчыны, сэтшом кыпыда да бура коли луныс, окота вёлі кывзыны да кывзыны Альберт Ванеевлысь кывбуръяас да сыланкывъяас.

Ыджыд аттьё тайё лыддысъёмъяссю котыртысьяслы.

*A.P. Ванеева, Удораса шёр библиотекаён веськёдлысь,
Удора районын дінмукостса «Коми войтыр» ётйёза муномён веськёдлысь*

Нам пишут

Видза оланныыд!

Ыңста тіян кывбуръяс, кодös гијжліс менам вок, Пётр Андреевич Попов. Сійё чужліс Парч сиктын, помавліс Усть-Немса шёр школа, армия бöрын велöдчis Ленинградын, помаліс авиаприборъяс стройтан институт...

Ёна радейтö чужан мусö, гажтöмтчö. Сы понда, гашкö, и гијжö кывбуръяссö. Видланныд да, гашкö, мыйкö йöзöданныд.

Бур сиомён, Ираида Попова.

Попов П.А.

Гортö туй

Кöдзыд енәжын öшалö тöльсө
Öтка мыгöра, шоныд оз сет.
Колö юавны унмовсътöм юлысь,
Оз-ö йöрданысь шоныдыс пет?
Уси кокъяслöн эбöсис, уси,
Киын личаліс сöнъяслöн вын.
Бöръя истöглон пöртмасьöм кусис,
Черлöн воропыс ии кодь нин кын.
Сьöкыд ноп кыскö муланыс ёна,
Колö шайччышты дзик öти здук.
Тайö кöсиймыс ок кутшöм дона.
Пуксян лымъяс кö, бöрсö он сувт.
Коди вынсö мен сетас дзик öнi,
Коди шоныднас шымыртны дась?
Кöнi мортыслöн эсköмыс, кöнi?
Эм кö эсköмыд, оз ков и пась.
Аслым шуёмöн водзö ме муна,
Корся гортланьё вошöм нин туй.
Мунны гортсянныд ордымыс уна,
Гортад воöдö дзик öти туй.

2003

Новости культуры

«К 630-летию образования Пермской Епархии»

В конце 2013 года Министерство культуры и Национальный музей Республики Коми провели выставку «С именем Стефана», вошедшую в перечень культурных мероприятий, посвящённых Олимпиаде 2014 года в Сочи. В Меж-

региональном проекте были представлены иконы, рукописные книжные памятники и предметы культа XVII–XIX вв. из собраний Вологодского музея-заповедника, Кирова, Сольвычегодска, Перми, а также частных коллекций.

* * *

Более 80 участников из разных стран: России, Белоруссии, Греции, Израиля, Молдавии, Украины — приняли участие в I Международной православной выставке-ярмарке «От покаяния к воскресению России».

В программе выставки, проводившейся по благословению епископа Сыктывкарского и Воркутинского Питирима прошли показы православных фильмов, индивидуальные беседы посетителей со священнослужителями, лекции и тематические вечера.

Выставка завершилась «Благодарственным молебном».

Новости финно-угорского мира

* * *

В ноябре 2013 г. в Салехарде состоялся XII Конгресс финно-угорских писателей.

Участники из семи стран и десяти регионов России обсудили вопросы состояния и развития детской финно-угорской литературы, а также роль детской литературы в образовании и воспитании подрастающего поколения.

* * *

Заметным событием в культурной жизни республики стала выставка «Народы водоплавающей птицы». Выставка, представленная Финно-угорским культурным центром Российской Федерации, была приурочена к дням родственных народов.

Фотографии и документальный фильм, созданный в 1972 году эстонским писателем, путешественником-исследователем, а позже — президентом Эстонии (1992–2001 гг.) Леннартом Мери не могли не вызвать живой интерес посетителей. Тем более, что экспозиция выставки была представлена как своеобразный экспедиционный дневник этого известного учёного и политика.

* * *

Из многочисленных выставок, состоявшихся в последнее время, мы не можем не отметить ещё одну — выставку работ коми художника Василия Игнатова «Стиль и этно».

Мультипликатор, сценограф, книжный график, автор станковой графики — Василий Игнатьев оставил нам в наследство яркие образы, художественное воплощение которых шло из самых глубин коми эпоса, мифологии, бытийных верований, и как ни парадоксально, именно это на наш взгляд и стало тем стержнем, который связывает его творчество с современностью.

* * *

Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа представил в Сыктывкаре фотовыставку Виктора Толкачева «Дети тундры».

В Финно-угорском культурном центре России в Сыктывкаре состоялось знакомство ещё с одними представителями творческой интеллигенции Ненецкого автономного округа.

Были продемонстрированы фильмы о ненецких поэтах Алексее Пичкове, лауреате литературной премии им. Н. Рубцова и Василии Ледкове, лауреате премии им. Ф. Абрамова.

* * *

Из книжных новинок прежде всего хотелось бы отметить «Псалтырь» на коми языке.

Выход книги был осуществлён при поддержке Института перевода Библии (Финляндия) и консультативной помощи Сыктывкарской и Воркутинской епархии.

Непосредственно перевод осуществила группа «Аскыв» и сотрудники Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН.

Вышел справочник «Финно-угорские и самодийские народы в этнокультурном многообразии России», сборник статей о народах уральской языковой группы.

* * *

Алексей Вурдов — коми прозаик, живущий на Удоре, выпустил брошюру «Старинные рецепты Верхнемезенских коми-зырян».

* * *

Книжный фонд Национальной библиотеки в 2013 году пополнился самой различной литературой, вышедшей по программе выпуска социально-значимой литературы, а также из других источников:

- В. Журавлев-Печорский. Родовые угодья. Изб. повести.
 - С. Новиков. К кому приходят ангелы.
 - В. Кунгин. Наивные повести из жизни Севера.
 - Пера-богатырь. Сказки финно-угорских народов.
 - М. Елькин. Звёздная целина. Стихи.
 - Н. Мирошниченко. Избранное. Стихи. I том.
 - Мартиромог «Покаяние». Т. 9.
 - Г. Спичак «Блогс».
 - Ю. Спиридонов. Созидание. Т. 1–2.
 - «Войдёр. Когда-то». Мифы, легенды, предания коми народа.
 - Усть-Цильма — жемчужина Русского Севера.
- и т.д. Всего около 120 названий.

* * *

К 70-летию Национальной галереи Республики Коми

Самым значительным событием, посвящённым юбилею галереи, наверняка стала грандиозная выставка «Российский Север» в конце прошлого года, XI региональная художественная выставка. Свои работы показали в Сыктывкаре почти 800 профессиональных художников со всего Севера-Запада России.

Впервые на этой выставке был представлен и Санкт-Петербург, до этого демонстрирующий свои достижения самостоятельно.

Прав был выдающийся историк В.О. Ключевский: «В России сокровенный центр национальной жизни парадоксальным образом находится не в столицах, как на Западе, а на местах, в провинции...»

Выставка «Российский Север» ещё раз подтвердила его слова. Зрители воочию убедились, что душа «народа жива, не погрязла в быту, способна к творчеству» (С. Левандовский).

К своему юбилею Национальная галерея РК приурочила ещё ряд интересных выставок.

Около 150 работ — живописи, перегородчатой эмали, графических листов, скульптур показал сыктывкарцам и гостям столицы нашей республики народный художник СССР и РФ, президент Российской академии художеств Посол Доброй воли ЮНЕСКО Зураб Церетели.

* * *

«Дар бесценный» — называлась выставка иконописи, живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, представляющая безвозмездно переданные галерее работы за период с 2004 по 2013 гг.

Дарителей было так много, что экспозиционное пространство не смогло вместить всё, что галерея получила за это время. Среди них и профессиональные художники, и известные коллекционеры, и просто любители прекрасного, частные лица.

И ещё одна выставка — отреставрированных произведений изобразительного искусства из фондов галереи, — не могла не заинтересовать посетителей.

Здесь были показаны работы художника-реставратора И.Л. Огневой (Сыктывкар), а также специалистов из реставрационного центра им. И. Грабаря (Москва), — свыше 250 произведений.

* * *

24 января в Финно-угорском культурном центре Российской Федерации состоялся юбилейный вечер заслуженного работника Республики Коми, лауреата премий Республики Коми, участника и призёра российских и международных

телевизионных фестивалей, талантливого телевизионного режиссёра Нины Чадоромцевой.

Нина Чадоромцева родом из посёлка Нювчим Сыктывдинского района Республики Коми, она часто вспоминает и гордится своей малой родиной. Училась в Сыктывкарском культурно-просветительском училище (Республиканский колледж культуры имени В.Т. Чисталёва), затем в ГИТИСе в Москве.

В 1964 году была принята помощником режиссёра в Сыктывкарскую студию телевидения. За годы работы на телевидении Нина Маркеловна стала признанным мастером телевизионного искусства.

Она — автор полнометражных художественных фильмов, в том числе: «Алой лента» (1985) по роману Василия Юхнина, «Куим вожа тополь» (1992) по роману Нины Куратовой, «Вилядь сиктса ань» по повести Геннадия Юшкова, «Уляшевы» (2004) о судьбе 112 жителей деревни Бадьёльск Усть-Куломского района Республики Коми, которые ушли на войну, и никто из них не вернулся, «Одно счастье на двоих» (2009) и др. В её фильмах снимались народная артистка РК Лидия Логинова, народная артистка РК Светлана Горчакова, народный поэт РК Владимир Тимин и многие другие.

Нина Чадоромцева автор и ряда документальных фильмов. Это прежде всего «Повесть о Севере» (о творчестве художника Э. Козлова), «И если я умею быть счастливой» (о поэте Н. Мирошниченко), «Ой, олём, олём» (о творчестве композитора В. Гущина), «Я родилась под счастливой звездой» (о режиссёре Государственного театра оперы и балета РК И. Бобраковой), «Возведу дом в собственном сердце» (о поэте Г. Бутыревой), «Песни северного цветка» (о композиторе Л. Чувьюровой), «Я не городская» (о певице Л. Логиновой), «Однажды в Рождество».

Журнал «Арт» сердечно поздравляет Нину Маркеловну с юбилеем и желает ей всех благ! Кузь нэм да бур шуд!

Юбилеи в 2013–2014 гг.

В прошлом году Республика отметила и памятные даты известных писателей республики:

– Петра Столповского (70 лет)
– Виктора Напалкова (75 лет)
– Надежды Мирошниченко (70)
– Николая Щукина (80) | – Александра Ульянова (60)
– Альбера Ванеева (1933–2001)
– Виктора Савина (1888–1943)
– Василия Леканова (1918–1989)
и др. |
|---|--|

В будущем году список писателей, отмечающих юбилеи, и список памятных дат писателей ещё больше. По мере возможности мы будем знакомить вас, уважаемые читатели, если не со всеми, то хотя бы с некоторыми из них:

– И. Куратов
– В. Кушманов
– С. Ермолин | – Е. Козлова
– А. Попов
– О. Уляшев
и др. |
|---|--|

С варганом на Удору: 14 концертов за 7 дней

Необычный культурный проект прошёл в Удорском районе Республики Коми. Двое музыкантов, Аксентий Бескровный из Москвы и Юлия Фёдорова из Иркутска, знакомили жителей района с древнейшим язычковым музыкальным инструментом мира — варганом, который в прошлом был широко известен и финно-угорским народам.

Концерты проходили с 21 по 27 января, и в течение этой недели исполнители провели 14 выступлений в различных населённых пунктах: Усогорск, Кослан, Благоево, Чим, Большая Пысса, Сёльыб. Варганская музыка звучала в школах и детских садах, в клубах и домах культуры. Наиболее крупные выступления прошли в Усогорске, где было организовано сразу семь мероприятий, а самые небольшие — в Большой Пыссе и Сёльыбе. Ради этих двух выступлений музыканты преодолели более двухсот километров в тридцатиградусный мороз и ни о чём не жалеют, считая, что самая отзывчивая публика им встречалась именно в самых маленьких населённых пунктах.

Проект носил не только развлекательный характер, но и познавательный: на выступлениях слушатели могли познакомиться с историей инструмента, увидеть реконструкции древних варганов и даже попробовать научиться играть на инструменте непосредственно во время концертов.

Согласно данным археологов, варган был известен народам Прикамья и соседних регионов ещё с начала первого тысячелетия нашей эры и оставался в употреблении вплоть до XIX–XX вв. Когда-то этот инструмент встречался и у коми-зырян: по одной версии, его называли просто губным инструментом (*вом гудёк*), по другой — название было общим с русскими (с этимологией от слова *варга* — рот, уста, губы), но с ударением на первом слоге. Несмотря на то, что со временем варган был вытеснен другими инструментами, в некоторых регионах мира он по-прежнему остаётся популярным: невзирая на элементарное устройство и простейший принцип звукоизвлечения, на инструменте возможно исполнять довольно сложные наигрыши. Звучание варгана меняется в прямой зависимости от любых движений мышц органов речи и дыхания, и это даёт широкий простор для творчества.

По признанию исполнителей, проводить концерты, полностью посвящённые одному единственному инструменту, и для публики, которая слышит варган впервые в жизни — это непростая задача. Но первоначальное удивление постепенно сменяется интересом к непривычной музыке и под конец выступления обязательно появляется много желающих взять инструмент в руки. В основе своей инструмент интуитивно понятен, и многим базовым приёмам можно научиться в первые же минуты игры (хотя, конечно же, существуют и довольно сложные техники, на освоение которых может уйти продолжительное время), что неоднократно удавалось продемонстрировать во время поездок по Удоре — некоторые слушатели успевали выйти на сцену вместе с музыкантами. Исполнители видят в этом основную цель поездки: привлечь внимание к необычному виду искусства и дать стимул к восстановлению древнего пласта народной культуры. Из ближайших творческих планов Аксентий отметил идею проведения подобных проектов и в других регионах, где варган когда-то также являлся народным инструментом, но был забыт с течением времени.

Аксентий Бескровный — лауреат и дипломант различных межрегиональных и международных конкурсов исполнителей на варгане, автор ряда проектов по восстановлению инструмента. Юлия Фёдорова — участница российских и зарубежных фестивалей варганной музыки, выпускница Байкальской школы варгана. Проект реализовался при активной поддержке Дины Ивановны Чупровой, педагога дополнительного образования Дома детского творчества Усогорска, и при содействии Санкт-Петербургского центра варганной музыки «Обертон-Про».

Андрей ДОБРОВ

**Выписывайте наш журнал! Читайте! В том числе — в Интернете
(www.artlad.ru). Спрашивайте в библиотеках республики!
Пишите отзывы и пожелания!
С Новым 2014 годом!**